This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

4,356

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

Vladimirov, Vladimir Nikolaevich

В. Владиміровъ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ КАЗНЕЙ.

СЪ РИСУНКАМИ
СЪ НАТУРЫ
И
СЪ ПЛАНАМИ.

МОСКВА.
—
1906.

Типографія А. П. Поплавскаго, Л

УБИТЫЕ: ЗИМЕЛЬ ГЕРШОВИЧЪ ЦУКЕРМАНЪ, БЕРЕЛЬ ПАТЪ И МОРДХЕ ЛЕЙЗЕРОВЪ ЛЕВИНЪ

HV
8699
.R9
V86

Stacks
exchange
Gen Lib
6-8-72
918941-293

ОТЪ АВТОРА.

Помѣщенныя въ настоящей книгѣ статьи были напечатаны въ газетѣ «XX Вѣкъ», редакція которой командировала автора на мѣста проявленія наибольшаго правительственнаго произвола и насилія надъ жителями, гдѣ такъ характерно и ярко отразились тѣ карательныя мѣропріятія, которыя описаны въ прилагаемой вниманію читателя книгѣ.

Всѣ статьи вновь пересмотрѣны и дополнены позднѣйшими данными, которыя были получены послѣ печатанія ихъ въ газетѣ.

Отдавая на судъ читателя настоящій трудъ, авторъ проситъ отнестись возможно снисходительнѣй въ виду большихъ трудностей собиранія матеріала и того риска, которому постоянно подвергался авторъ, какъ со стороны полиціи, такъ и разныхъ лицъ, стремящихся къ усиленію самодержавнаго строя, которыя угрожали ему насиліемъ въ цѣломъ рядѣ анонимныхъ писемъ изъ разныхъ городовъ не только съ русскимъ штемпелемъ, но также и изъ за-границы.

Авторъ надѣется, что читатель отнесется благосклонно и проститъ ему тѣ упущенія и промахи, которые возможны въ этомъ трудномъ и рискованномъ дѣлѣ.

В. Владиміровъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предполагалось сначала въ этомъ сборникѣ помѣстить статью о Варшавѣ, но по независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ этого сдѣлать не удалось, и эта статья выйдетъ отдѣльной книгой.

Издатель.

Vladimirov, Vladimir Nikolaevich

В. Владиміровъ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ КАЗНЕЙ.

СЪ РИСУНКАМИ
СЪ НАТУРЫ
И
СЪ ПЛАНАМИ.

МОСКВА.
—
1906.

Государственную Думу, правительству пришлось пожать то, что оно посѣяло при помощи г.г. Римановъ, Миновъ и т. д.; результаты выборовъ были таковы, что правительство было удивлено и даже растерялось отъ неожиданности. Несмотря на энергичныя мѣры, принятыя имъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ для фильтраціи и устраненія отъ выборовъ всего мало-мальски неблагонадежнаго, все-таки Дума сформировалась изъ крайнихъ лѣвыхъ элементовъ. Не помогли даже въ этомъ случаѣ степенные выборы, на которые въ значительной степени разсчитывало правительство. Такую неудачу можно было приписать въ сильной степени тому, что населеніе усмотрѣло въ открытыхъ карающихъ дѣйствіяхъ правительства ничто иное какъ злоупотребленіе властью, какъ беззаконныя проявленія того бюрократическаго строя, противъ котораго надо бороться.

На этой почвѣ слились всѣ крайніе и умѣренные элементы партій, давшіе въ результатѣ такіе выборы, съ которыми правительство уже не могло мириться, и послѣ 90 дней существованія Думы оно рѣшилось на крайнюю мѣру—роспускъ членовъ ея.

Не будь такихъ открытыхъ карающихъ дѣйствій со стороны правительства, быть можетъ выборы дали бы иные, болѣе благопріятные для него результаты; Дума составилась бы тогда изъ болѣе умѣренныхъ и спокойныхъ элементовъ.

Собранная же и нынѣ распущенная Дума понадобилась для общества, какъ противовѣсъ жестокостямъ и насиліямъ правящихъ сферъ, открытыя дѣйствія которыхъ безъ словъ, безъ пропаганды были поняты и восприняты душой и сердцемъ каждаго гражда-

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЕ: ЗИМЕЛЬ ГЕРШОВИЧЪ ЦУКЕРМАНЪ, БЕРЕЛЬ ПАТЪ И МОРДХЕ ЛЕЙЗЕРОВЪ ЛЕВИНЪ

стью въ районѣ дѣйствія военнаго положенія, рѣшили примѣнять ст. 12 правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи, гдѣ по точному смыслу предоставляется право командующему арміей принимать чрезвычайныя мѣры въ предѣлахъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ отдѣломъ II.

На основаніи этой статьи, безъ суда, только своею властью генералъ-губернаторъ казнилъ въ Люблинѣ рабочаго Марковскаго, обвинявшагося въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи и въ Варшавѣ на томъ же основаніи разстрѣлялъ 16 человѣкъ, изъ коихъ одному—Скуржѣ было всего пятнадцать лѣтъ.

По офиціальному сообщенію эти люди были казнены за пропаганду анархіи, изготовленіе бомбъ, покушенія съ ними и грабежи. Такое общее обвиненіе, безъ выясненія истинной виновности каждаго отдѣльнаго лица, отсутствіе суда и слѣдствія, невозможность обвиняемымъ сказать что-либо въ свое оправданіе, доказать свою невинность, а затѣмъ казнь ихъ—все это вызвало громадное негодованіе въ обществѣ.

Пресса энергично выступила въ защиту противъ невѣрнаго толкованія 12-й статьи, доказывая всю беззаконность проявленныхъ дѣйствій, неправильно связанныхъ съ нею.

По этому поводу много писалось въ журналахъ и газетахъ, горячія статьи были посвящены этому вопросу, а присяжные повѣренные и помощники присяжныхъ повѣренныхъ округа Варшавской Судебной Палаты представили въ Правительствующій Сенатъ протестъ за своими подписями, который привожу въ подлинникѣ въ виду того, что этотъ протестъ вызвалъ большіе толки среди высшей администраціи, при чемъ

нѣкоторые высказывались за примѣненіе крайнихъ мѣръ по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ этотъ протестъ, усмотрѣвъ въ этомъ незаконное дѣйствіе скопомъ; другіе же высказывались за немедленное ограниченіе произвола генералъ-губернаторовъ. Мнѣніе послѣднихъ восторжествовало, и послѣ этого прекратилось примѣненіе 12-й статьи и казнь безъ суда.

Въ Правительствующій Сенатъ.

по 1-му Департаменту.

Въ виду ст. 1, 2 и 19 п. 3 Учр. Прав. Сената, мы нижеподписавшіеся, Присяжные Повѣренные и Помощники Присяжныхъ Повѣренныхп Округа Варшавской Судебной Палаты, имѣемъ честь довести до свѣдѣнія Правительствующаго Сената о нижеслѣдующемъ:

1905 года 11/24 Іюня въ г. Лодзи и въ Лодзинскомъ уѣздѣ, 10/23 Августа въ г. Варшавѣ и въ Варшавскомъ уѣздѣ, 28 же Октября /10 Ноября на всемъ пространствѣ Царства Польскаго было введено военное положеніе. За симъ отмѣненное 18 Ноября /1 Декабря, военное положеніе опять введено было 9/22 Декабря и примѣняется доселѣ съ такими репрессіями, съ такимъ уничтоженіемъ гражданской свободы, что имъ подавлена общественная жизнь.

Въ данномъ случаѣ оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, было ли въ виду положенія края основаніе вводить въ немъ военную репрессію. Но юридическое начало, что и при во-

енномъ положеніи должны быть соблюдаемы законы и что даже на войнѣ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, военныя власти обязаны дѣйствовать на законномъ основаніи, это начало заставляетъ насъ поставить Сенатъ въ извѣстность о беззаконіяхъ, совершаемыхъ въ нашемъ краѣ.

2/15 Января с. г. въ губернскомъ городѣ, Люблинѣ, былъ разстрѣлянъ безъ суда, а въ силу лишь распоряженія временнаго Люблинскаго военнаго Генералъ-Губернатора, работникъ, Марковскій, 17 лѣтъ, задержанный по обвиненію въ убійствѣ начальника желѣзнодорожной станціи.

3/16, 4/17 и 18/31 Января с. г. въ Варшавѣ опять разстрѣляны безъ суда шестнадцать лицъ, а именно: Розенцвейгъ 17 лѣтъ, Гольдштейнъ 23 лѣтъ, Рывкиндъ 18 лѣтъ, Шаеръ 19 лѣтъ, Пфефферъ 20 лѣтъ, Фарпейгъ 18 лѣтъ, Крышталъ 18 лѣтъ, Кернбейзеръ 19 лѣтъ, Шпиро 17 лѣтъ, Скуржа 15 лѣтъ, Игалсонъ 19 лѣтъ, Граумманъ, Пухачъ, Мендзалевскій и Блюменфельдъ неизвѣстнаго намъ возраста, по офиціальному сообщенію—за «анархистическую пропаганду, изготовленіе бомбъ, покушенія съ ними и грабежи».

Итакъ безъ суда подвергнуты разстрѣлу, если считаться только съ опубликованными фактами, 17 человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, несовершеннолѣтнихъ.

Смертная казнь вообще осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Смертная казнь для несовершеннолѣтнихъ отмѣнена уголовнымъ уложеніемъ

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ИЦХОКЪ ГВИРЦМАНЪ.

1903 г. (ст. 55 и 57), а для недостигшихъ 17 лѣтъ и уложеніемъ о наказаніяхъ 1885 г. (ст. 139.)—Смертная казнь безъ суда до такой степени недопустима по дѣйствующимъ законамъ, что даже объявляемый Высочайшій Указъ не можетъ имѣть силы въ дѣлахъ о лишеніи жизни (осн. гос. законы изд. 1892 г. ст. 66 п. 2).

Засимъ ясно, что никакой законъ не оправдываетъ казней, допущенныхъ въ данныхъ случаяхъ мѣстными властями и вызывающихъ общій голосъ протеста противъ столь вопіющаго превышенія власти.

Сообщенія о фактахъ разстрѣловъ публикутся со ссылкою на ст. 12 правилъ о мѣстностяхъ объявляемыхъ на военномъ положеніи (прилож. къ ст. 23 общ. учр. губ. Св. Зак. томъ 2 изд. 1892 г.). Напрасная попытка узаконить беззаконіе. Ссылка на ст. 12 означенныхъ Правилъ составляетъ недопустимое по закону «распространительное и самопроизвольное толкованіе» (ст. 65 Осн. Гос. Зак.) Ст. 12 сихъ правилъ и по мѣсту ею занимаемому (11 отдѣлѣ) и по точному своему смыслу предоставляетъ командующему арміей принимать чрезвычайныя мѣры въ предѣлахъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ тѣмъ же отдѣломъ, т. е. мѣры административнаго и стратегическаго свойства, что же касается вызываемаго военнымъ положеніемъ измѣненія подсудности, порядка судопроизводства и опредѣленія наказаній, то о нихъ въ отдѣлѣ 11 и помину нѣтъ, подлежащія же о семъ законоположенія изложены въ 4 и 5 отдѣлахъ названныхъ

правилъ и въ нихъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія для примѣненія смертныхъ казней безъ суда.

Такимъ образомъ ст. 12 правилъ не измѣняетъ и не можетъ измѣнить основаній положительныхъ законовъ, (ст. 47 Осн. Гос. Зак.) не измѣняетъ и не можетъ измѣнить, потому что законъ общій отмѣняется не иначе, какъ таковымъ же общимъ закономъ (ст. 77 и 1 п. 66 ст. Ос. Гос. Зак.), общій же законъ исключаетъ смертную казнь безъ суда.

Итакъ 17 лицъ казнены внѣ закона и вопреки закону. Общество не знаетъ, были ли они въ чемъ виновны, и въ чемъ именно; но общество знаетъ, что не судъ рѣшалъ вопросъ объ ихъ винѣ и наказаніи. Потому, какова бы ни была ихъ вина, фактъ беззаконно совершенной надъ нимъ казни оскорбляетъ чувство справедливости и въ корнѣ подрываетъ элементарныя понятія права.

До чего доходитъ и до чего можетъ дойти беззаконіе при самопроизвольномъ толкованіи чрезвычайныхъ полномочій военныхъ властей, видно изъ обязательнаго постановленія временного кѣлецкаго военнаго генералъ-губернатора отъ 13/26 января сего 1906 года, въ которомъ оглашается слѣдующее: въ случаѣ обнаруженія у кого либо оружія, данное лицо будетъ подвергнуто смертной казни безъ суда; причемъ, если оружіе окажется у дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ, смертная казнь постигнетъ ихъ родителей или опекуновъ.

Правда, это постановленіе пріостановлено было спустя нѣкоторое время главнымъ начальникомъ края. Но въ одной возможности изданія подобнаго обязательнаго постановленія, положившаго наказывать лишеніемъ жизни сверхъ вины и даже безъ всякой вины, нельзя не видѣть полнѣйшаго попранія основаній законовъ, которыми управляется государство.

Предначертанія высочайшаго указа 12 декабря 1904 года признали неотложнымъ признать дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ властей и мѣстъ, неисполненіе же его влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность.

Мы, и какъ юристы, и какъ граждане имѣемъ честь довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, ради возстановленія полной силы закона.

* * *

Послѣ этого правительство перешло къ военному суду. Но чтобы лучше было оперировать надъ судьбой тѣхъ несчастныхъ, которые попадались въ руки полиціи, и облегчить работу суду надъ добываніемъ слѣдственнаго матеріала, были организованы при полицейскихъ участкахъ застѣнки съ пытками, по образцу средневѣковыхъ пытокъ. Въ этихъ застѣнкахъ вырабатывался слѣдственный матеріалъ, добывались чистосердечныя признанія подсудимыхъ подъ влія-

ніемъ неимовѣрныхъ мукъ и страданій, наносимыхъ опытными заплечными мастерами.

Добытый такимъ путемъ матеріалъ поступалъ въ военные суды и тамъ на основаніи искренности признаній и правдивости свидѣтельскихъ показаній лицъ оговаривавшихъ, присуждали ни въ чемъ неповинныхъ людей къ смертной казни.

При такой организаціи суда съ примѣненіемъ застѣнковъ съ пытками, правительство достигло желаемаго: оно казнило всѣхъ ненавистныхъ ему лицъ на основаніи шпіонскихъ и жандармскихъ донесеній, совершенно такъ же, какъ и при прежнихъ карательныхъ дѣйствіяхъ, но за то сохраняло передъ лицомъ народа маску справедливаго законнаго судьи, дѣйствующаго по велѣнію своей совѣсти.

Въ послѣдующимъ главахъ читатель познакомится съ тѣмъ фактическимъ матеріаломъ военнаго судопроизводства, который наглядно иллюстрируетъ сказанную мысль и убѣдится самъ, что на основаніи закона при сохраненіи всѣхъ мельчайшихъ деталей процессуальности казнили десятками совершенно невинныхъ людей, которыхъ alibi точно было установлено свидѣтельскими показаніями; приговаривали къ смертной казни многихъ людей, а послѣ отыскивались истинные виновники совершеннаго преступленія, и тогда первые отпускались на свободу, если еще успѣвали пріостановить исполненіе надъ ними казни.

Это были не суды, а только одна форма ихъ, прикрывающая карательныя дѣйствія мстительнаго правительства, которыя при прежнемъ открытомъ проявленіи показали всю свою непригодность.

Помимо перечисленныхъ карательныхъ мѣръ пра-

вительство въ недавнемъ прошломъ вступило на новый путь наказанія провинившагося населенія, и нужно отмѣтить—крайне неудачно.

Имѣя въ виду историческій примѣръ, данный покойнымъ администраторомъ Плеве относительно устройства еврейскихъ погромовъ, нынѣшнее правительство хотѣло использовать его завѣты и организовало Бѣлостокскій погромъ.

Но организовало его крайне неудачно, такъ какъ не сумѣло остаться въ сторонѣ, незамѣченнымъ, какъ это бывало до сихъ поръ.

Прежняя роль правительства въ устроеніи и развитіи погромной дѣятельности носила характеръ организаторскій, а затѣмъ, когда вспыхивалъ погромъ во всей своей силѣ, правительство еще больше сокращало свою роль, оставаясь уже въ качествѣ простого зрителя, спокойно наблюдающаго за развитіемъ событія. Оно хладнокровно допускало расхищеніе еврейскаго имущества, насилія надъ евреями, открытые грабежи, устраивая нѣчто вродѣ попустительства.

Возбудивши страсти на почвѣ религіозной розни, давъ волю самымъ низменнымъ хищническимъ инстинктамъ подонковъ общества, правительство, какъ сила, лишало цѣлую часть населенія своей защиты, ставило ее какъ бы внѣ закона, объясняя это потомъ въ офиціальныхъ сообщеніяхъ, что взрывъ негодованія христіанскаго населенія противъ козней евреевъ былъ настолько великъ, что съ трудомъ удалось его подавить энергичными мѣрами. На помощь правительству выступали разныя темныя личности вродѣ Крушевана, Пихно и др., которые на страницахъ антиеврейскихъ газетъ и журналовъ занимались постоянной

травлей еврейскаго населенія; они помогали тѣмъ, что своимъ писаньемъ затемняли разсудокъ мало сознательныхъ людей, воспитывали въ нихъ ничѣмъ не оправдываемый антагонизмъ къ евреямъ, побуждая ихъ къ проявленію своей ненависти и враждебности къ нимъ.

Не то было при Бѣлостокскомъ погромѣ. Задумавъ по старому образцу наказать еврейское населеніе за усиленіе и развитіе въ немъ революціонныхъ и освободительныхъ идей, правительство примѣнило знакомые ей обычные пріемы по устройству погромовъ, упустивъ совершенно изъ виду, что революціонное воспитаніе народа движется гигантскими шагами впередъ и то, что было легко осуществимо годъ тому назадъ, теперь стало непріемлемымъ. Правительство расчитывало на широкое участіе темныхъ массъ, подогрѣтыхъ возможностью безнаказанно поживиться чужимъ добромъ и ненавистью къ еврейскому населенію.

Но въ самую нужную, критическую минуту правительство увидало, что оно ошиблось въ этомъ разсчетѣ. Хулиганы, хотя и приняли участіе въ этомъ погромѣ, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что нигдѣ не могли выступать въ качествѣ самостоятельной силы, въ виду чего требовалась солидная поддержка со стороны войска и полиціи.

Къ тому же дѣятельность хулигановъ парализовалась противодѣйствіемъ со стороны еврейской самообороны, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, въ центрѣ еврейскаго населенія, защищалась съ оружіемъ въ рукахъ противъ произведенныхъ на нихъ нападеній. Такое незначительное участіе въ

погромѣ постороннихъ темныхъ силъ невольно заставило правительство мобилизировать военные и полицейскіе кадры и выступить имъ какъ активной силѣ; при этомъ не оставалось правительству больше никакой возможности прикрываться взрывомъ народнаго негодованія, такъ какъ народъ, попросту хулиганы, на второй день погрома почти не принималъ участія; вся дѣятельность была предоставлена исключительно полицейскимъ и военнымъ властямъ, выступившимъ въ видѣ карательной экспедиціи съ оружіемъ въ рукахъ и напомнившимъ собою образы грозныхъ, неумолимыхъ карателей—Римановъ, Миновъ и др.

Увлекшись этой страшной дѣятельностью, убивъ много десятковъ людей и ранивъ не одну сотню ихъ, по окончаніи погрома правительство съ непріятностью убѣдилось, что Бѣлостокскій погромъ не удался. Вся печать заговорила объ этомъ ужасѣ, выяснивъ истинныхъ участниковъ и виновниковъ его. Скрываться больше нельзя было, для всѣхъ стала видна и очевидна роль правительства въ этой бойнѣ:, и чтобы защитить себя, реабилитировать свои дѣйствія передъ народомъ въ офиціальномъ сообщеніи военное начальство донесло военному министру, что агрессивныя дѣйствія войскъ были вызваны вооруженнымъ сопротивленіемъ властямъ еврейскаго населенія. Тутъ ужъ спорить нельзя.

Неправда настолько очевидна, что сейчасъ-же вызвала протестъ среди мѣстнаго населенія. Это офиціальное сообщеніе настолько не совпадало съ фактической стороной, съ тѣми добытыми на мѣстѣ свѣдѣніями членами Государственной Думы и другими лицами, что еще болѣе подтвердило мою мысль, что

Правительство рѣшило скрыть свои карательныя мѣропріятія по отношенію къ еврейскому населенію и потому въ защиту себя сказало неправду.

Изъ послѣдующихъ главъ читатель самъ убѣдится какимъ путемъ подготовлялся погромъ, какія главныя силы орудовали въ немъ и насколько сказалось стремленіе правительства покарать Бѣлостокскихъ евреевъ.

Это была новая форма мщенія населенію за его свободолюбивыя стремленія не подъ видомъ прежнихъ открытыхъ карательныхъ дѣйствій, а подъ прикрытіемъ народнаго гнѣва якобы пробудившагося по отношенію къ ненавистнымъ евреямъ.

Погромъ въ Бѣлостокѣ.

I.

Я не буду описывать разныя душу раздирающія сцены, не буду описывать тѣ звѣрства, которыя чинились надъ безоружными жертвами; всѣ эти явленія подробно описаны во всѣхъ газетахъ, да кромѣ того они не помогутъ выяснить истинную причину и обстоятельства бойни, а своимъ ужасомъ, безчеловѣчностью они вызовутъ въ читателѣ глубокое страданіе и онъ не сможетъ спокойно отнестись къ тѣмъ фактамъ, которые будутъ наглядно иллюстрировать преступное участіе въ этихъ ужасахъ мѣстной администраціи.

Нужно замѣтить, что въ Бѣлостокѣ, по разнымъ причинамъ, вообще, развилась за послѣднее время въ значительной степени революціонная пропаганда, и въ особенности усилилась партія анархистовъ-коммунистовъ. Этой партіи приписываютъ рядъ террори-

стическихъ дѣйствій, направленныхъ противъ агентовъ полиціи. Будучи не въ состояніи словить главныхъ дѣятелей этой партіи, и въ то-же время желая наказать если не прямо ихъ, то въ ихъ лицѣ представителей еврейскаго населенія, карающіе вдохновители пришли къ заключенію устроить такой-же погромъ, какой уже имѣлъ мѣсто въ Бѣлостокѣ годъ тому назадъ.

Результаты прошлогодняго погрома были для всѣхъ въ памяти и оказались для полиціи наилучшими. Городъ былъ терроризованъ, спокойствіе и тишина установились на долгій промежутокъ времени, приблизительно, по словамъ губернатора, на полгода, а всѣ участники и главные дѣятели погрома остались безнаказанными.

Но промежутокъ въ одинъ годъ для настоящаго революціоннаго времени оказался очень большимъ промежуткомъ, и то, что такъ легко было осуществить тогда, теперь встрѣтило затрудненія: хулиганы и громилы не могли такъ успѣшно и беззаботно дѣйствовать, какъ дѣйствовали въ прошломъ году.

Участіе хулигановъ въ этомъ погромѣ вообще проявлено сравнительно меньшее, нежели во всѣхъ предыдущихъ. Они приняли участіе главнымъ образомъ лишь въ началѣ, т.-е. 1-го іюня, а затѣмъ занимались только расхищеніемъ товаровъ изъ магазиновъ и чужого имущества изъ частныхъ квартиръ.

Такое небольшое участіе въ погромѣ слѣдуетъ отнести къ тому обстоятельству, что среди всего городского населенія циркулировалъ слухъ, что анархистами-коммунистами организована самооборона, въ

которой принимаютъ участіе до 6 тысячъ человѣкъ, снабженныхъ бомбами и револьверами.

Бомба, брошенная послѣ обстрѣла драгунами въ началѣ Суражской улицы, хотя не причинила большого вреда, но своимъ сильнымъ взрывомъ наглядно подтвердила опасенія.

Поэтому хулиганы, боясь встрѣтить отпоръ со стороны самообороны, не рѣшались выступить самостоятельно, и дѣйствовали лишь въ непосредственномъ сосѣдствѣ войскъ.

Самооборона сконцентрировалась, по ихъ предположенію, въ серединѣ еврейскаго рабочаго квартала, а именно на улицахъ: Суражской, Пескахъ, Аргентинѣ.

Туда погромщики совсѣмъ не проникли, и этотъ кварталъ остался совершенно не разгромленнымъ, хотя выходы его къ примыкающимъ улицамъ усиленно обстрѣливались войсками.

По заключенію офицера Владимірскаго полка можно было бы двинуться въ этотъ кварталъ, только лишь имѣя въ своемъ распоряженіи артиллерію, но въ Бѣлостокѣ въ то время ея не было, а привезли ее туда слишкомъ поздно, когда всѣ главныя дѣйствія были уже закончены.

Блогодаря такому обстоятельству уцѣлѣлъ весь кварталъ, исключительно заселенный одними евреями бѣднѣйшаго класса. Передъ погромомъ всѣ ожидали, что администрація обратитъ свои главныя карательныя дѣйствія именно на этотъ кварталъ, такъ какъ на Суражской улицѣ былъ убитъ полицеймейстеръ Деркачевъ.

Къ счастью этого не произошло, въ противномъ случаѣ жертвы были бы неисчислимы.

Незначительное участіе хулигановъ въ погромѣ можно объяснить еще тѣмъ, что въ Бѣлостокѣ всѣ національности живутъ дружно, никогда между ними не замѣчалось распрей на этой почвѣ. Антагонизмъ между русскими и евреями, который такъ усердно поддерживается сторонниками реакціоннаго правительства, совершенно отсутствуетъ въ этой мѣстности. Поэтому всѣ искусственныя мѣропріятія полиціи не могли создать тѣхъ тайныхъ, побудительныхъ причинъ, которыя рѣзко выступали во всѣхъ другихъ погромахъ.

Это обстоятельство въ значительной степени затрудняло полицію, и потому въ рѣшительный моментъ ей пришлось откинуть ложный стыдъ, перестать прикрываться хулиганствомъ ненавистниковъ іудейской національности и выступить самой въ качествѣ активнаго дѣятеля. Чтобы вѣрно оцѣнить состояніе духа и поведеніе войскъ, дѣйствовавшихъ во время безпорядковъ, надо знать, что въ послѣднее время среди солдатъ настойчиво распространялись прокламаціи, отпечатанныя въ типографіи штаба одесскаго военнаго округа.

Эти прокламаціи усиленно распространялись среди солдатъ Владимірскаго, Казанскаго и Углицкаго полковъ; въ нихъ говорилось слѣдующее: «Было у жидовъ свое царство Сіонское, отъ горы Сіонъ такъ называлося. Потеряли они его, и сейчасъ тамъ земля Турецкая. Съ той поры и блуждаютъ жиды, гдѣ бы захватить имъ царство чужое и объявить его своимъ—Сіонскимъ. Такъ вотъ, что значитъ, братцы, сіонизмъ. Вотъ теперь жиды и хотятъ нашу матушку - Русь сдѣлать уже царствомъ не русскимъ,

а еврейскимъ или Сіонскимъ. Вотъ почему и кричатъ: «да здравствуетъ сіонизмъ»! Уже они, братцы, и знамя свое выбросили у насъ на Руси, знамя красное!»

Дальше говорится въ этой прокламаціи, что жиды хотятъ объявить на Руси своего царя жидовскаго или Сіонскаго и хотятъ нашу христіанскую вѣру порушить, какъ порушили и убили Христа.

Заканчивается эта прокламація призывомъ встать, очнуться и подняться на врага: «Прочь жидовское царство! Долой красная жидовская свобода! Долой красное жидовское равенство и братство! Мы не желаемъ жидовскаго царства на святой Руси!»

Эти прокламаціи, напечатанныя при военной типографіи, съ дозволенія цензуры, производили свое впечатлѣніе на солдатъ, вызывали среди нихъ большіе толки и разногласія. Вопросъ объ еврействѣ и жидовствѣ, о необходимости бить ихъ, защищаться противъ ихъ тайныхъ козней все время до погрома не сходилъ съ обсужденія въ солдатскихъ кружкахъ.

Впечатлѣніе солдатъ о необходимости бороться противъ жидовскаго царства усиливалось еще тѣмъ, что въ той періодической литературѣ, которую имъ разрѣшалось читать, говорилось то же самое, при такомъ же освѣщеніи вопроса, какъ и въ прокламаціи.

Нужно замѣтить, что за послѣднее время въ казармахъ разрѣшалось получать и читать только реакціонныя противоеврейскія газеты, изъ коихъ главное мѣсто занималъ извѣстный крушевановскій органъ «Знамя» и противо-еврейская газета «День»; конечно, допускалось и «Новое Время»; но такой органъ, какъ «Слово», былъ признанъ начальствомъ

слишкомъ прогрессивнымъ и впослѣдствіи былъ изъятъ изъ обращенія въ солдатской средѣ.

Но самое сильное и тяжелое впечатлѣніе на солдатъ произвелъ тотъ случай, который произошелъ въ городѣ за нѣсколько дней до погрома, а именно, когда разнесся слухъ, что найденъ трупъ зарѣзаннаго солдата Казанскаго полка. Обстоятельства смерти не были извѣстны, убійца остался не открытымъ; въ полиціи же циркулировалъ слухъ, что его зарѣзали евреи; этотъ слухъ особенно поддерживала полиція и распространяла среди солдатъ, вызывая въ нихъ страшное негодованіе.

Послѣ прочитанныхъ антиеврейскихъ газетъ, прокламацій и этого печальнаго случая съ солдатомъ, естественно, у нихъ стало зарождаться непріязненное и мстительное чувство къ еврейскому населенію, безъ разбора въ лицѣ кого бы то ни было. Солдаты вѣрили писанью въ газетахъ, вѣрили словамъ полиціи, доказывавшей имъ, что евреи хотятъ убить главныхъ представителей полиціи, а потомъ будутъ убивать всѣхъ солдатъ и ихъ офицеровъ.

Такое нелѣпое мнѣніе поддерживалось въ солдатахъ тѣми событіями, которыя произошли одно вслѣдъ за другимъ. Неизвѣстнымъ человѣкомъ былъ убитъ двумя револьверными выстрѣлами полицеймейстеръ Деркачевъ при его проѣздѣ черезъ наиболѣе населенный еврейскій кварталъ. Затѣмъ былъ убитъ околоточный надзиратель.

Полиція связала оба эти случая вмѣстѣ съ убійствомъ солдата и усиленно доказывала, что евреи приступили къ своему жидовскому замыслу для вод-

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ФЕЛЬДШЕРЪ ШЛЕМА СШИЦКІЙ.

воренія на Руси жидовскаго царства и что теперь имъ, солдатамъ, грозитъ большая опасность.

Выпущенный начальствомъ приказъ быть готовымъ для военныхъ дѣйствій въ виду ожидающихся безпорядковъ въ городѣ крайне усилилъ ихъ тревогу, вызвалъ еще больше толковъ относительно того, что войскамъ будетъ въ высшей степени затруднительно дѣйствовать при предстоящихъ безпорядкахъ, въ виду того, что евреи могутъ стрѣлять въ нихъ изъ оконъ, изъ дверей, изъ-за угловъ, что могутъ они бросать въ нихъ бомбы съ балконовъ и т. д. Поэтому изъ опасенія за благополучный исходъ усмиренія ожидающихся еврейскихъ безпорядковъ всѣ были очень нервны и напряженны.

Въ то же время полиція подтверждала солдатамъ, что, на точномъ основаніи, имѣющемся въ полицейскомъ разслѣдованіи, а также на основаніи тайныхъ шпіонскихъ показаній въ городѣ среди евреевъ организовалась боевая дружина, названная самообороной, въ которой числится до 6 тысячъ людей, вооруженныхъ бомбами и револьверами.

Центромъ самообороны указывалась Суражская улица. Я уже сообщалъ мнѣніе офицера Владимірскаго полка, что въ томъ случаѣ, если сообщенія полиціи о самообороне вѣрны, то только съ артиллеріей можно было проникнуть въ эту улицу. Нужно было предварительно обстрѣлять этотъ кварталъ, вызвать среди засѣвшей тамъ самообороны разстройство и панику, а затѣмъ уже двинуться въ этотъ районъ съ пѣхотой и кавалеріей.

Этотъ офицеръ получилъ возраженіе отъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ, что для него представляется

совершенно невозможнымъ, чтобы еврейская самооборона, не привыкшая ни къ военной тактикѣ, ни къ открытымъ дѣйствіямъ въ борьбѣ, могла бы напасть на регулярное, сильно вооруженное войско, на цѣлый дивизіонъ.

На это офицеръ отвѣтилъ, что бомбами можно все сдѣлать. Если самооборона начнетъ бросать бомбы съ крышъ домовъ, изъ оконъ, да еще бомбы большого дѣйствія, то никакой дивизіонъ не уцѣлѣетъ; въ этомъ случаѣ даже неосновательно рисковать жизнью солдатъ и посылать ихъ на вѣрную смерть. Единственнымъ выходомъ при данныхъ обстоятельствахъ можетъ быть артиллерія, которой въ Бѣлостокѣ не оказалось.

Правдивость заключенія этого офицера сказалась со всей очевидностью на дѣлѣ. Какъ только выяснилась надобность въ артиллеріи, было отдано администраціей распоряженіе доставить ее изъ близлежащаго мѣста ея расположенія. Она была доставлена, когда уже закончились военныя дѣйствія на улицахъ, и оставлена въ Бѣлостокѣ про-запасъ.

Въ подтвержденіе моихъ словъ, относительно непониманія солдатами истинной подкладки всѣхъ этихъ убійствъ, могу привести характерный примѣръ, который показываетъ серьезную убѣжденность солдата и вѣру во все то, что ему говорилось по поводу истребленія жидами солдатъ и офицеровъ. На Загородной улицѣ въ одну изъ еврейскихъ квартиръ ворвалось нѣсколько солдатъ подъ командой околоточнаго надзирателя Байбака. Этотъ Байбакъ прославился въ бѣлостокскомъ погромѣ особенной жестокостью и особымъ рвеніемъ въ отысканіи еврейскихъ жилищъ и

временныхъ убѣжищъ перепуганныхъ евреевъ, искавшихъ спасенія на чердакахъ и въ подвалахъ. Въ особенности онъ прославился совершенно ненужнымъ, излишнимъ, подчеркивающимъ только лишь его жестокость, убійствомъ двухъ маленькихъ дѣтей и одной женщины, при чемъ другую женщину въ этой квартирѣ онъ тяжело ранилъ. Чѣмъ руководился Байбакъ, убивая двухъ маленькихъ ребятъ, не могу себѣ представить, и никто не могъ мнѣ дать на это отвѣта.

И вотъ этотъ самый Байбакъ, войдя въ квартиру, приказалъ тамъ солдатамъ разстрѣлять женщину. Она въ испугѣ бросилась къ ихъ ногамъ и стала молить о пощадѣ:

«Я сама солдатка! Пощадите меня, мой мужъ былъ на войнѣ, сражался такъ же, какъ вы! Пощадите! Пожалѣйте мою семью! Не убивайте!..» вскрикивала она, валяясь въ ихъ ногахъ.

Эти слова подѣйствовали на солдатъ; ея увѣренія въ томъ, что она солдатка, что ея мужъ сражался на войнѣ, заставили ихъ опустить ружья. Они обратились къ этой еврейкѣ съ требованіемъ, чтобъ она подтвердила въ дѣйствительности правильность своихъ словъ, въ противномъ случаѣ ее разстрѣляютъ. Къ счастью, у нея оказалось нѣсколько сохранившихся писемъ отъ мужа изъ Манчжуріи и она ихъ подала солдатамъ. Байбакъ былъ недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла, горячился и требовалъ, чтобы они немедленно ее застрѣлили, грозя, при непослушаньи ихъ, застрѣлить ее изъ револьвера.

Солдаты, первоначально убѣдившись изъ писемъ, что она дѣйствительно жена солдата, бывшаго на

войнѣ, отвѣтили Байбаку: «мы не позволимъ ее застрѣлить и сами не будемъ стрѣлять, потому что она хотя и еврейка, но принадлежитъ къ нашей солдатской семьѣ и потому противъ насъ ничего худого не имѣетъ, и ничего худого не сдѣлаетъ. Поэтому стрѣлять ее не за что!»

И своимъ рѣшительнымъ заявленіемъ они заставили Байбака отказаться отъ жестокаго намѣренія и тѣмъ спасли жизнь несчастной женщинѣ.

Былъ еще другой очень интересный случай, гдѣ одинъ солдатъ по собственной иниціативѣ не только спасъ жизнь еврейской семьѣ, но въ теченіе двухъ дней съ опасностью для себя кормилъ и заботился о ней.

И сдѣлалъ онъ это потому, что, по его крайнему убѣжденію, эта еврейская семья не принадлежала къ числу тѣхъ жидовъ, которые хотятъ избивать солдатъ и водворить свое царство.

Я видѣлся съ этимъ евреемъ М., который, весь избитый, израненный, въ повязкахъ лежалъ на койкѣ въ еврейской больницѣ: ему тяжело было говорить, такъ какъ онъ чувствовалъ себя еще очень слабымъ.

Онъ принадлежалъ къ числу мелкихъ торговцевъ, и его лавочка была расположена рядомъ съ тѣмъ домомъ, гдѣ находились на дежурствѣ солдаты и офицеръ.

Когда въ квартиру еврея М. ворвались полиція и громилы и начали бить его, а также и жену его, а имущество грабить и ломать, этому еврею удалось съ большимъ трудомъ выскочить на улицу; избитый, израненный, весь въ крови, онъ бросился къ ногамъ дежурившаго офицера и просилъ защитить его. Офи-

церъ сурово взглянулъ на него и сказалъ: «Благодари Бога, что тебя, жида, совсѣмъ не убили,—что еще живъ пока!»

А еврей продолжалъ стоять на колѣнахъ и низко кланяться въ ноги, увѣряя офицера въ своей невинности. Изъ лавки его, между тѣмъ, тащили имущество и оттуда раздавались крики избиваемой жены.

Въ эту минуту подъѣхалъ начальникъ охраны Богаевскій и подозвалъ къ себѣ офицера.

Еврей съ тѣми же мольбами о защитѣ обратился къ Богаевскому, но генералъ, посмотрѣвъ на эту преклоненную фигуру окровавленнаго еврея и на всю картину грабежа, ни слова не сказалъ, продолжая бесѣду съ офицеромъ; между тѣмъ картина грабежа его лавочки нисколько не измѣнялась: также продолжали бить его жену, также выносили его добро изъ лавочки, какъ будто старшаго лица военной охраны, генерала Богаевскаго, здѣсь не присутствовало.

Когда уѣхалъ генералъ, а офицеръ куда то отлучился, стоявшій тутъ же солдатикъ N сдѣлалъ знакъ еврею рукой, отвелъ его въ сторону и сказалъ, что сейчасъ спасетъ и его и жену его. Затѣмъ пошелъ за женой, освободилъ ее изъ рукъ убійцъ и незамѣтно для другихъ отвелъ обоихъ на чердакъ и тамъ ихъ схоронилъ; при этомъ онъ сказалъ имъ: «Сидите до воскресенья и носу никуда не показывайте, а то васъ сейчасъ же убьютъ, а въ воскресенье, сказываютъ, все будетъ кончено и евреевъ убивать больше не будутъ. Объ ѣдѣ и питьѣ я позабочусь. Сидите тихо и меня не выдавайте!»

II.

Солдатъ ушелъ, но черезъ нѣсколько времени онъ опять пробрался на чердакъ и принесъ спрятаннымъ сахару, чаю и хлѣба. За эти два дня, вплоть до воскресенья, онъ въ высшей степени трогательно заботился о спасенной имъ семьѣ и приносилъ пищу.

Въ воскресенье М. и его жена вышли изъ своего убѣжища, причемъ самому еврею пришлось лечь въ больницу, такъ какъ онъ былъ сильно избитъ и требовалась для него медицинская помощь.

Я спросилъ еврея, кто жъ этотъ солдатъ?—Еврей встревожился и просилъ меня не писать его фамиліи, такъ какъ начальство отдастъ его подъ судъ, если узнаетъ, что онъ спасъ жида.

«Мы за него каждый день съ женою Богу молимся, чтобъ Господь ему здоровья и счастья послалъ... рѣдкій человѣкъ!..»

Какъ странно слышать это! Неужели этотъ солдатъ совершилъ преступленіе тѣмъ, что спасъ отъ грозившей смерти двухъ невинныхъ евреевъ? Неужели надо молчать и скрывать этотъ благородный и великодушный поступокъ простого темнаго человѣка, дѣйствовавшаго лишь по велѣнію своего сердца и совѣсти. Вѣдь онъ простымъ своимъ разумомъ дошелъ до истины, въ эту тяжелую минуту онъ понялъ безхитростнымъ своимъ умомъ, что писанье Крушевана и противоеврейскія прокламаціи лишь затемняли его разсудокъ и разсудокъ его товарищей, и тогда съ опасностью для себя рѣшился на геройскій поступокъ, спасая двухъ людей отъ смерти!

Но не надо молчать объ этомъ, не надо скрывать его искренній, благородный порывъ, и если нельзя еще назвать его фамиліи, безъ опасности для него, то все-таки печатно можно передать ему ту глубокую благодарность, которую испытываютъ къ нему спасенные имъ люди.

Если бы этотъ солдатъ вмѣстѣ со мною присутствовалъ при разсказѣ еврея, видѣлъ бы то живое чувство, то умиленіе, съ которымъ еврей говорилъ о немъ, то лучшаго удовлетворенія въ жизни, лучшей радости онъ бы не испыталъ, сознавъ, что сдѣлалъ великій, хорошій поступокъ въ своей жизни.

А опасность для солдата была дѣйствительно велика. Спасая жизнь двумъ евреямъ, онъ рисковалъ своею жизнью.

* * *

Для доказательства возможности подвергнуться этой опасности при спасеніи евреевъ приведу слѣдующій характерный примѣръ: въ русской больницѣ, гдѣ во время моего опроса находилось человѣкъ десять больныхъ христіанъ, лежалъ на койкѣ одинъ русскій больной Тылицкій. Онъ невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе своей крупной величиной и мощностью. Грудь его была разстегнута и свидѣтельствовала о большой силѣ. Лицо, мужественное, прекрасное, заставляло отнестись къ нему съ особымъ интересомъ.

Рана его оказалась очень тяжелая; его оперировали и вынули три разбитыя кости; онъ лежалъ весь въ перевязкахъ.

Я спросилъ его, гдѣ и при какихъ обстоятель-

ствахъ онъ пострадалъ? Больной нервно, съ большимъ раздраженіемъ, отвѣтилъ:

«Пострадалъ я за то, что въ первый день погрома, 1-го іюня, я спасъ отъ смерти еврея. Я не могъ допустить, чтобъ его убили при мнѣ ни за что, ни про что. Я вмѣшался, и благодаря моему заступничеству тотъ еврей остался живъ. На другой же день, 2-го іюня, ко мнѣ въ квартиру вошелъ человѣкъ и въ сѣняхъ набросился на меня со словами:

«Ты спасаешь жидовъ, такъ вотъ тебѣ!» И ударомъ камня раздробилъ мнѣ кости.

Къ счастью, силы Тылицкаго не покинули его, и онъ могъ защищаться отъ дальнѣйшаго нападенія своего врага и отразить его, благодаря чему и остался живъ.

Послѣ этого разсказа я понялъ, насколько былъ правъ еврей, скрывая имя своего спасителя-солдата.

* * *

Вотъ списокъ убитыхъ, составленный врачомъ, съ опредѣленіемъ нанесенныхъ ранъ.

1) Зимель Гершовичъ Цукерманъ, 23 л., приказчикъ, убитъ на Александровской ул. въ домѣ Маковскаго, пулею въ грудь, въ то время, когда выскочилъ черезъ окно, желая спастись (1-го іюня). 2) Пине (фамилія неизвѣстна), 17 лѣтъ, рабочій кожевникъ; убитъ на чердакѣ завода Полѣшука, на Боярахъ, пулей изъ ружья. 3) Айзикъ Абрамовъ Бахрахъ, 22 л., мастеръ завода Полѣшука; убитъ на чердакѣ этого завода восемью пулями револьверными (3 сквозныя, 5 проникли въ полость груди). 4) Шлема Мееровичъ Фурманъ, 20 л., кожевникъ; убитъ на чердакѣ за-

вода Полѣшука сквозной ружейной пулей черезъ сердце. 5) Ицхокъ Гвирцманъ, 35 лѣтъ, кожевникъ, убитъ на чердакѣ дома Полѣшука сквозной ружейной пулей черезъ грудь. 6) Ицхокъ Цемникъ, 25 лѣтъ кожевникъ; убитъ на чердакѣ завода Полѣшука сквозной ружейной пулей въ полость груди и пулей въ полость живота. 7) Мовша Кустинъ, 21 г., кожевникъ; убитъ на чердакѣ завода Полѣшука: ружейная пуля въ грудь, 8 ударовъ штыкомъ въ бокъ и ударъ прикладомъ въ голову. 8) Аронъ Лапидусъ, 18 л., ученикъ коммерческаго училища; убитъ на Александр. ул. ударами палки по головѣ и лицу. 9) Максъ Лапидусъ, 22 л.; убитъ на Александр. ул., размозженіе головы и лица палками. 10) Блюма Лапидусъ, 19 л.; убита на Александр. ул., глубокая рѣзанная до кости рана головы молотомъ, съ размозженіемъ черепа (1-го іюня). 11) Лейзеръ Айнштейнъ, 45 л., учитель каллиграфіи; убитъ на Боярахъ сквозной ружейной пулей черезъ грудь (2-го іюня). 12) Шейна Айнштейнъ, (жена его), 40 л., убита на Боярахъ. 13) Рахміэль Айнштейнъ (сынъ ихъ), 21 г., убитъ на Боярахъ; ружейная сквозная рана подъ ложечкой черезъ грудь. 14) Шмуэль Айнштейнъ (сынъ ихъ), 18 л., убитъ на Боярахъ. 15) Соня Айнштейнъ (дочь ихъ), 18 л., убита на Боярахъ. 16) Ицхокъ Лервашовскій 18 л. столяръ изъ Волковыска; проломъ костей черепа; всѣ зубы нижней челюсти выбиты; сама челюсть поломлена на куски. 17) Берелевна Гуткина, 10 л., огнестрѣльная рана, топоромъ отрублена нога. 18) Ицхокъ Мойсеевичъ, 30 л., убитъ на вокзалѣ; каменщикъ (2-го іюня). 19) Шлема Пружанскій 42 л.,

на Боярахъ, сапожникъ; убитъ пулей. 20) Сора Израелевна Гродзинская 19 л., убита на Институтской ул., въ хлѣбной лавкѣ; проломъ черепа палкой (1-го іюня). 21) Абрамъ Гершовичъ Беренштейнъ, 47 л., лавочникъ. 22) Маркель Басенъ, портной; огнестрѣльная рана, убитъ на Аргентинѣ (3-го іюня). 23) Фалкъ Вольфовичъ Хмѣльницкій, 28 л., сынъ завѣдующаго бѣлостокской еврейской больницей; раны палками по головѣ и лицу; на Александр. ул., (1-го іюня). 24) Янкель Новикъ, 34 л., огнестрѣльная рана, перерѣзано горло. 25) Янкель Левинъ, 52 л., лонкетникъ; убитъ на Боярахъ ружейными пулями. 26) Мордхэ Крендлянскій 60 л., убитъ на Николаевской ул., за тюрьмой (2-го іюня) вечеромъ; пулевая ружейная рана. 27) Давидъ Хоновичъ Кваловскій 15 л., шапочникъ; убитъ на Базарной ул., (3-го іюня) утромъ; пулевая револьверная рана головы съ правой стороны лба. 28) Лейбъ Сегаль, 48 л., рабочій; убитъ 1-го іюня утромъ по Александр. ул., въ домѣ Аронсона; рѣзанныя и рваныя раны. 29) Хая-Пеша Сегаль 40 л. (жена), убита тамъ же. 30) Сендеръ Давидовъ Закгеймъ, 10 л., убитъ 2-го іюня утромъ на Аргентинѣ: пулевая рана лба надъ лѣвымъ глазомъ. 31) Абрамъ Найфальдъ изъ Венгрова, Сѣдлецкой губ., 65 л., убитъ на Базарной ул. въ домѣ Люксембурга; сквозная пулевая ружейная рана груди (1-го іюня). 32) Абрамъ Кацъ, 50 л., торговецъ керосиномъ, убитъ на Николаевской ул. (2-го іюня). 33) Іосель Илевичъ 45 л. наборщикъ; убитъ 3-го іюня по Песчаной ул. 34) Шолемъ Аронъ Новикъ 28 л., кожевникъ изъ Крынскъ; убитъ 2-го іюня по Николаевской ул., колотыя раны.

35) Злата Шляхтеръ, 50 л. убита 2-го іюня на Артиллерійскомъ пер.; рубленая топоромъ рана лица. 36) Хаинъ Шляхтеръ 16 л. (сынъ); убитъ 2-го іюня тамъ-же; ружейная пуля въ животъ. 37) Симха (фамилія неизвѣстна) изъ Порозова, 24 л., маляръ; убитъ 2-го іюня по Николаевской ул.; ружейныя пулевыя раны. 38) Ицка Сапиръ, 17 л., пекарь, убитъ въ домѣ Прейса по Николаевской ул.; сквозная ружейная пулевая рана живота; черезъ отверстіе входа пули у пупка кишка вышла значительно наружу. 39) Мордхе Лейзеровъ Левинъ, 38 л., мясникъ изъ Заблудова, убитъ 2-го іюня вечеромъ на вокзалѣ, пріѣхавъ изъ Бреста; 3 глубокія съ проломомъ кости раны черепа отъ ударовъ палки, ломомъ или прикладомъ. 40) Сроэль (фамилія неизвѣстна), 2 год; удушенъ, на тѣлѣ слѣды ногтей. 41) Ханайки 2-го. Мальчикъ 4 лѣтъ (имя и фамилія неизвѣстны), ружейная пулевая рана груди. 42) Блюма Гинзбургъ, 25 л., ружейная пулевая рана груди (въ упоръ), входъ— подъ правой ключицей, выходъ сзади грудной полости. Ханайки, 2-го іюня. 43) Рахиль Яковлевна Клейнбергъ, 50 л. (Липовая ул., д. генерала Фризеса); сквозная ружейная рана груди; входъ спереди груди, выходъ у основанія правой лопатки, 2 іюня утромъ. 44) Ицко (фамилія неизвѣстна), 30 л., цирульникъ; сквозная ружейная рана груди. 45) Шмуель Цалевичъ, 60 л.; сквозная ружейная пулевая рана. 46) Берель Патъ, 20 л.; нѣсколько глубокихъ ранъ черепа съ проломомъ кости отъ удара палкой (Алейная 1-го). 47) Клейнгольдъ (женщина), 30 л.; рана головы (Купеч. 1-го. 48) Мендель (фамилія неизвѣстна), 35 л., коробейникъ, сквозная ружейная пулевая рана груди. (Ханайки,

Загородная) 2-го утромъ. 49) Шлема Сшицкій, 30 л.; фельдшеръ бѣлостокской еврейской больницы; убитъ на Александ. ул. при подачѣ помощи раненому; полное размозженіе головы и лица ударами палки (1-го Александр.) 50) Хаимъ Лейбъ Фрейдкинъ, 50 л.; проникающая рѣзаная рана головы топоромъ (1-го Александровская). 51) Исаакъ (фамилія неизвѣстна) изъ Соколокъ, 35 л.; глубокая проникающая въ грудную клѣтку рана ножемъ, (по дорогѣ въ Хорощъ 3-го вечеромъ). 52) Абрамъ Шварцъ, 24 л., ружейная рана груди. 53) Зорахъ Панде, 17 л., кожевникъ; ружейная пулевая рана груди; убитъ въ лѣсопильномъ заводѣ Гепнера. 54) Лейба Твирукій, 35 л., ружейная рана живота подъ діафрагмой, Еврейская ул., 2-г. 55) Яковъ Суравичъ; ружейная пулевая рана груди. 56) Неизвѣстный, сапожникъ, живетъ по Школьной улицѣ; огнестрѣльная ружейная рана головы. 57) Неизвѣстный мужчина, 25 л.; ружейная сквозная рана груди. 58) Неизвѣстная женщина, 35 л.; сквозная ружейная пулевая рана черезъ грудную клѣтку. 59) Неизвѣстный мужчина 40 л.; ружейная пулевая рана затылка. 60) Неизвѣстный мужчина, 22 л.; ружейная пулевая рана чрезъ животъ. 61) Неизвѣстный мужчина, 30 л.; размозженіе костей черепа палками. 62) Неизвѣстный старикъ, 60 л.; ружейная пулевая рана груди. 63) Лейбъ Мазуръ, убитъ на заводѣ Полѣшука. 64) Ицко Равицкій, 65) Мендель (фамилія неизвѣстна) по профессіи разносчикъ спичекъ, убитъ на Купеч. ул., 1-го іюня ружейной пулей. 66) Патъ (женщина). 67) Мееръ Вайнціеръ. 40 л., убитъ 1-го іюня по Гороховому переулку ружейной пулей. 68) Маркусъ Бѣлъ. 69) Хаимъ Шапиро. 70) Залменъ (фамилія неизвѣстна), столяръ. 71) Хаимъ

Лошакъ. 72) Іозль Творковскій, 28 л., убитъ на Николаевской ул., въ домѣ лѣсопильнаго завода Гепнера 3 іюня. 73) Мордхе Шмуклеръ, 17 л.; убитъ на Николаевской ул. въ домѣ лѣсопильнаго завода Гепнера 2 іюня; 3 штыковыя раны въ животъ, спину и бокъ. 74) Берель Невяжскій; убитъ на Боярахъ. 75) Абрамъ Ицхокъ Невидовскій; убитъ на Боярахъ. 76) Мейше-Симхе Брянскій... Тауба Кацъ. Куча обгорѣлыхъ человѣческихъ костей, внутренности женщины; погибла при пожарѣ по Николаевской ул. 77) Абрамъ Махай, 24 г.; убитъ по старошоссейной улицѣ ружейнымъ выстрѣломъ. Умершіе отъ ранъ: Юдель Абрамовъ Тайцманъ (подъ названіемъ Гендлеръ), 50 л.; размозженіе черепа; умеръ 5 іюня. Іона Лейзеровичъ Каганъ; 25 л.; огнестрѣльная рана, отъ которой послѣдовало раздробленіе бедра; умеръ 7 іюня. Всего изъ бѣлостокской еврейской больницы похоронены: 66 мужчинъ, 10 женщинъ, 4 дѣтей и обугленныя кости.

III.

Въ предыдущихъ главахъ я описывалъ, какимъ путемъ подготовлялся для военныхъ дѣйствій бѣлостокскій солдатъ.

Надъ нимъ орудовали тайныя силы, старались захватить его волю и направить ее къ предуказаннымъ цѣлямъ, воспользовавшись имъ и подставивъ его подъ всяческую отвѣтственность, сами оставаясь въ сторонѣ. Въ результатѣ приложенныя усилія принесли свои плоды. Я постараюсь безпристрастно, какъ слѣдователь, по найденнымъ человѣческимъ документамъ, изобразить, какимъ въ массахъ являлся бѣлостокскій солдатъ во время погрома. Пусть общество судитъ—должнымъ ли образомъ онъ направлялся во время погрома или же напротивъ былъ оставленъ безъ призора и должнаго руководства.

Сейчасъ мнѣ приходитъ на память разсказъ одного сознательнаго солдата. Онъ находился подъ ружьемъ на улицѣ во время погрома съ другимъ солдатомъ, своимъ товарищемъ, и бесѣдовалъ съ нимъ на ту тему, что стрѣлять въ жидовъ не надо:

«Жиды ни въ чемъ не виноваты!—пояснялъ онъ;—худого ничего не сдѣлали, а если что написано про нихъ худое, такъ это выдумка, изобрѣтенная нарочно, чтобы проливать невинную кровь, чтобы легче было давить свободу!»

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТАЯ БЛЮМА ЛАПИДУСЪ.

Солдатъ слушалъ внимательно и съ каждымъ новымъ доказательствомъ сознательнаго солдата одобрительно соглашался съ нимъ и даже дополнялъ доводы своими замѣчаніями.

Вдругъ, во время разговора, невдалекѣ раздались ружейные выстрѣлы: стрѣляли солдаты.

Собесѣдникъ не вытерпѣлъ, заволновался и въ порывѣ непонятныхъ чувствъ, непонятныхъ соображеній, схватилъ за рукавъ сознательнаго солдата и потащилъ его со словами: «Слышишь, стрѣляютъ въ жидовъ! пойдемъ скорѣе! пострѣляемъ!!!».

Что побудило солдата, послѣ услышанныхъ увѣщеваній своего товарища, сказать это, зачѣмъ ему нужно было пойти «пострѣлять» въ людей? Боязнь ли, что его товарищи-солдаты могутъ оказаться въ опасномъ положеніи, и онъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь? Или это безсознательное, неразумное стремленіе человѣка подчиняться вліянію стадности, слѣдовать, не отдавая себѣ отчета, заразительному примѣру товарищей? Трудно сказать.—На мой вопросъ, чѣмъ объяснить такое отношеніе, солдатъ отвѣтилъ мнѣ, что вслѣдствіе безсознательности въ своихъ дѣйствіяхъ, неумѣнія анализировать поступки, критически относиться къ нимъ, его собесѣдникъ-солдатъ сразу, безотчетно отдался окружающему примѣру и, услыхавъ выстрѣлъ своихъ товарищей, не вдумываясь въ это, рѣшилъ, что и онъ долженъ такъ же поступить, какъ они, «пострѣлять».

Но интереснѣе всего то, что, по словамъ того же солдата, его пріятель, послѣ высказаннаго приглашенія «пойти пострѣлять», какъ бы устыдился сказаннаго и во все остальное время погрома уже больше

не принималъ активнаго участія въ насиліяхъ и убійствахъ.

Не то было съ другой группой солдатъ. Безнаказанность въ своихъ поступкахъ, чья-то санкція стрѣлять, убивать евреевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приказаніе, возможность поживиться чужою собственностью—все это опьянило головы многихъ солдатъ до потери ихъ разума и человѣческаго пониманія.

Оставшіеся слѣды происшедшаго говорятъ о бывшемъ. Въ больницахъ лежатъ живые свидѣтели, правда, слабые физически, измученные, но сильные и яркіе обличители кровавыхъ дней.

Для характеристики дѣйствій отдѣльныхъ группъ солдатъ, руководимыхъ отчасти собственной иниціативой, а отчасти полицейскими агентами, набросаю нѣсколько случаевъ, которые сами собою охарактеризуютъ происходившее.

Въ еврейской больницѣ находится на излеченіи дѣвочка 14 лѣтъ. Я ее видѣлъ и разговаривалъ съ ней. Личико у нея очень миловидное, чрезвычайно блѣдное, голова вся въ повязкахъ. Когда она заговорила со мной, ее трудно было понимать, какъ будто языкъ у нея неправильно двигается во рту или чего-то нехватаетъ.

Потомъ оказалось, что у нея дѣйствительно не хватаетъ 4-хъ зубовъ; когда она открыла ротъ, у нея спереди между деснами была дыра, и недостатокъ этотъ въ разговорѣ сразу почувствовался.

Въ самомъ началѣ погрома эта дѣвочка сидѣла на дворѣ дома по Институтской улицѣ и, ничего не зная о надвигавшемся бѣдствіи, безпечно играла.

Вдругъ вбѣжали во дворъ солдаты и бросились по

лѣстницѣ въ квартиру, а одинъ изъ нихъ, замѣтивъ еврейскую дѣвочку, подбѣжалъ къ ней и сильнымъ ударомъ приклада по головѣ опрокинулъ ее на землю. Отъ удара у нея треснулъ черепъ и она начала кричать и просить пощады. Солдатъ продолжалъ ее бить прикладомъ по всему тѣлу. Она лежала навзничь. Подошелъ къ ней какой-то штатскій и, чтобъ замолчала, ударилъ ея нѣсколько разъ палкой по зубамъ; зубы расшатались отъ этихъ ударовъ, но все же еще держались на мѣстахъ.

Не знаю почему, но солдатъ наклонился къ ней, и изъ окровавленнаго рта руками вытащилъ ей четыре зуба, и бросилъ ихъ около нея на землю.

Затѣмъ вниманіе солдата было куда-то отвлечено, и онъ ушелъ съ штатскимъ господиномъ, а несчастную дѣвочку оставилъ лежать на землѣ. Какимъ образомъ очутилась она въ больницѣ, не помнитъ.

Эта улица и этотъ домъ находились недалеко отъ того мѣста, гдѣ проходила процессія и гдѣ произошла сумятица отъ брошенной бомбы, поэтому въ этомъ пунктѣ было произведено много жестокостей надъ евреями. Только что описанная жестокость надъ дѣвочкой ничѣмъ необъяснима. Зачѣмъ онъ ее билъ, зачѣмъ вырвалъ зубы, но не убилъ совсѣмъ, навѣрное онъ даже самъ не знаетъ этого, если спросить его теперь,

Въ другомъ мѣстѣ три солдата проникли на чердакъ, гдѣ укрылись трое дѣтей, братъ съ сестрой, мальчуганъ и старикъ; до второго іюня они укрывались въ пустой квартирѣ, а затѣмъ, видя, что военныя дѣйствія продолжаютъ развиваться съ неуменьшаемой

силой, и опасность ихъ пребыванія въ этой квартирѣ все увеличивается, они перебрались на чердакъ.

Вопреки оффиціальному донесенію военному министру временнаго генералъ-губернатора Бадера, что нареканія въ газетахъ ложь, а что благодаря примѣрному поведенію войскъ удалось прекратить погромъ въ пятницу, 2 іюня, могу ссылкой на свидѣтелей подтвердить, что описанный случай имѣлъ мѣсто въ субботу, т. е. когда, по заявленію генерала Бадера, погромъ былъ оконченъ.

Могу подтвердить еще многими примѣрами, что въ субботу лилась кровь многихъ десятковъ евреевъ, при чемъ было убито около десятка человѣкъ; дѣлая такое донесеніе министру, генералъ говоритъ завѣдомую неправду; онъ будетъ правъ только въ томъ случаѣ, если принимать подъ словомъ погромъ участіе хулигановъ-громилъ и тѣхъ темныхъ личностей изъ штатскихъ, которые не несутъ оффиціальнаго служебнаго положенія; тогда Бадеръ правъ, утверждая, что погромъ окончился въ одинъ день, а во второй день были только отдѣльные случаи погрома.

Но если подъ словомъ погромъ принимать то общественное бѣдствіе, когда часть населенія страдаетъ отъ нападенія безъ различія кого: солдатъ ли, полицейскихъ или частныхъ лицъ, когда жизнь ихъ находится въ громадной опасности, внѣ защиты правительственной власти, тогда Бадеръ сказалъ министру завѣдомую неправду, такъ какъ кровь лилась три дня, пока не пріѣхали въ Бѣлостокъ члены Государственной Думы.

Если ген. Бадеръ это отрицаетъ и утверждаетъ, что данныя имъ министру свѣдѣнія вѣрны, я пред-

лагаю генералу Бадеру привлечь меня къ суду, на которомъ я представлю доказательства, а пока перейду къ описанію того случая, который произошелъ въ субботу, т. е. на третій день погрома.

Въ то мѣсто, гдѣ укрылись на чердакѣ четверо несчастныхъ: трое ребятъ и одинъ старикъ, въ субботу утромъ проникли трое солдатъ, и открыли по укрывавшимся тамъ стрѣльбу. Я лично бесѣдовалъ съ тѣмъ мальчикомъ, котораго солдаты тяжело ранили пулей на томъ чердакѣ, прострѣливъ ему насквозь поясницу; его сестра, дѣвчурка, оказалась убитой; затѣмъ они убили еще одного, а четвертаго тяжело ранили; итакъ, изъ четырехъ тамъ находившихся, двое были убиты и двое тяжело ранены пулями.

Въ русской больницѣ находится больной Жукъ, онъ раненъ двумя солдатскими пулями, одна изъ нихъ попала въ шею. Онъ разсказалъ обстоятельства своего пораненія. Они были въ высшей степени просты. Въ четвергъ онъ вышелъ съ своимъ пріятелемъ изъ воротъ дома посмотрѣть, что такое дѣлается на улицѣ; какъ только они показались за воротами, стоявшіе невдалекѣ солдаты выстрѣлили въ нихъ; въ Жука попали двѣ пули, а пріятель остался цѣлъ и невредимъ, и онъ моментально скрылся въ ворота.

Такихъ случаевъ было очень много, достаточно было идти по улицѣ, или только выйти изъ воротъ, какъ близстоящій солдатъ почему-то считалъ необходимымъ убивать. Исполнялъ ли онъ этимъ распоряженіе своего начальства, начальство ли не исполнило своей обязанности точно опредѣлить, что онъ можетъ и чего не долженъ дѣлать, или просто ему была охота «пострѣлять»,—трудно сказать?!.

ли пули, и онъ получилъ 5
онъ упалъ и уже не помнитъ,
не знаетъ, остался ли живъ е
Рубинъ находится на излѣчені
ницѣ.

Очень интересенъ былъ слѣд
одинъ раненый обратился къ
просьбой отправить его подъ их
скую больницу. Тѣ согласились
и взяли за это одинъ рубль. Ко
жались къ больницѣ, къ солдата
еврею подошли два хулигана и
смотря на конвой изъ троихъ воор
солдатъ.

Несмотря на то, что солдатъ,
было трое, а хулигановъ только
на то, что они взялись доставить
ницу и за это получили отъ не
негъ, они сочли за благо предост
мому раздѣлываться съ хулиганам
съ подводы и ушли.

Конечно, несчастному грозив
если бы не

предстали во всей своей кровавой дикости и примитивномъ безчеловѣчіи, какъ онѣ происходили. Я разсказываю лишь то, что, по сдѣланнымъ провѣркамъ и перекрестному опросу, я считаю безусловно вѣрнымъ.

Были случаи, когда солдаты поражали евреевъ не выстрѣлами изъ ружья, а штыками; одинъ изъ такихъ пострадавшихъ, молодой парень, Гессе, получилъ 8 штыковыхъ ранъ.

Онъ шелъ по улицѣ, его остановилъ какой-то штатскій, и крикнулъ двумъ солдатамъ, находившимся недалеко отъ него: „Вотъ жидъ! бейте его!!“. Солдаты набросились на Гессе, повалили его на землю и начали наносить ему удары; одинъ билъ прикладомъ, а другой поролъ штыкомъ; при этомъ солдатъ, который билъ прикладомъ, убѣждалъ другого, чтобъ и онъ также билъ прикладомъ, а не штыкомъ. Но этотъ солдатъ не останавливался и продолжалъ пороть его штыкомъ, а затѣмъ предложилъ его пристрѣлить. Гессе молилъ пощадить его, не убивать, просилъ взять у него изъ кармана денегъ, сколько есть, только бы оставить его въ живыхъ. Солдаты остановились, прекратили его мучить, взяли деньги и окровавленнаго, избитаго бросили лежать на тротуарѣ. Потомъ его уже подобрали и отправили въ больницу, гдѣ онъ и находится до настоящаго времени.

Можно было бы привести еще массу такихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о самовольныхъ и ни на чемъ неоснованныхъ дѣйствіяхъ солдатъ, стрѣлявшихъ въ людей, совершенно беззащитныхъ, невооруженныхъ, по собственному усмотрѣнію, словно изъ

простого желанія пролить кровь, измучить, истерзать человѣка.

Не стану ими утомлять вниманіе читателя и причинять ему душевную боль, скажу только,—изъ приведенныхъ случаевъ можно судить также, что солдаты убивали не однихъ евреевъ, какъ лицъ, принадлежащихъ къ другой національности, но также и русскихъ, подвертывавшихся подъ ихъ произволъ.

Здѣсь перечислены тѣ случаи, когда солдаты, убивая людей, руководились собственной иниціативой, безъ прямого участія своихъ военныхъ начальниковъ или старшихъ чиновъ полиціи.

Чтобъ охарактеризовать дѣятельность тѣхъ и другихъ, нужно сказать нѣсколько словъ о событіяхъ, предшествовавшихъ погрому. Слухи о приготовленіяхъ къ погрому, какъ извѣстно изъ другихъ газетъ, циркулировали еще задолго до его осуществленія, но всѣ надѣялись, что порядочный въ высшей степени полицеймейстеръ Деркачевъ не допуститъ его. Кстати подвернулось нѣкоторое обстоятельство, которое еще болѣе придало увѣренности населенію, что пока на службѣ состоитъ этотъ Деркачевъ, погрома въ Бѣлостокѣ не будетъ.

Дней за 10 до погрома, въ центрѣ еврейскаго квартала, на Суражской улицѣ, произошло столкновеніе солдатъ съ евреями-торговцами. Сейчасъ же явился туда приставъ Шереметовъ, большой ненавистникъ евреевъ, и потребовалъ войска. Уже готовъ былъ вспыхнуть погромъ, раздавались отдѣльные крики: „бей жидовъ!“.

Но благодаря энергичному вмѣшательству подо-

спѣвшаго ко времени полицеймейстера Деркачева дѣло быстро уладилось, и погромъ не состоялся.

Вскорѣ послѣ этого случая произошло убійство полицеймейстера Деркачева, на той же улицѣ; убійца не былъ задержанъ, и всѣ жители отнеслись къ этому происшествію съ большой тревогой. Трудно было себѣ представить, чтобъ его убила какая-нибудь революціонная организація, такъ какъ полицеймейстеръ Деркачевъ принадлежалъ къ числу лучшихъ полицеймейстеровъ въ городѣ; также нельзя было себѣ представить, чтобъ его убили съ цѣлью грабежа. Остается предположить, что его убили изъ мести, изъ злобы, изъ чувства недовольства къ нему.

Когда я видѣлся съ однимъ изъ бундовцевъ (членовъ «бунда») и спросилъ его, признала ли какая-нибудь организація своимъ актомъ убійство Деркачева? онъ отвѣтилъ мнѣ, что всѣ отрицаютъ этотъ актъ и предполагаютъ, что это дѣло рукъ какого-либо агента полиціи.

Послѣ смерти Деркачева былъ назначенъ исполняющимъ обязанности полицеймейстера мѣстный исправникъ Радецкій; до него тоже стали доходить тревожные слухи о близкомъ погромѣ, въ особенности послѣ словъ пристава Шереметова, сказанныхъ доктору Райгродскому, когда тотъ въ качествѣ депутата еврейскаго общества хотѣлъ возложить вѣнокъ на могилу Деркачева: «Вы, убійцы, сказалъ Шереметовъ, хотите теперь вѣнкомъ прикрыться! Нашу кровь проливаете! Протестую противъ возложенія вѣнка! Если же вы не послушаетесь, то черезъ два дня пожалѣете объ этомъ!»

Эти слова имѣли роковое значеніе. Весь городъ

узналъ объ этомъ, и уже ни у кого не оставалось сомнѣнія въ томъ, что близокъ часъ погрома. Самъ Радецкій обратилъ вниманіе дня за 2, за 3 до погрома, что его служащіе околоточные и пристава не исполняютъ его распоряженій, проявляютъ открытое неподчиненіе ему, какъ начальнику полиціи, и онъ счелъ себя вынужденнымъ, въ виду все усиливающейся тревоги въ городѣ, обратиться за содѣйствіемъ къ военной власти, а именно къ помощнику начальника охраны, къ полковнику Тяжельникову, что онъ и сдѣлалъ 31 мая. Тяжельниковъ на это отвѣтилъ, что онъ самъ прекрасно знаетъ, какія мѣры нужно будетъ принять, а отъ него, Радецкаго, онъ не будетъ принимать никакихъ указаній, такъ какъ все дѣло охраны города находится у него въ рукахъ; вмѣшательства же чужого онъ не допуститъ.

Получивъ такой неблагопріятный отвѣтъ отъ военной власти, Радецкій еще болѣе встревожился и обратился за тѣмъ же содѣйствіемъ въ этотъ же день уже къ начальнику охраны, къ генералу Богаевскому. Тотъ такъ же отвѣтилъ полицеймейстеру, какъ и его помощникъ, что самъ хорошо знаетъ о томъ, что ему слѣдуетъ предпринимать, и въ чужомъ совѣтѣ не нуждается.

Какъ извѣстно, въ тотъ день, когда начался погромъ, Радецкій телеграфировалъ въ Гродно губернатору, и тотъ сейчасъ же прибылъ въ Бѣлостокъ. Въ 5 час. вечера было устроено имъ засѣданіе, на которомъ приняли участіе военныя и полицейскія власти. На этомъ совѣщаніи Тяжельниковъ и Богаевскій подтвердили свои слова, сказанныя Радецкому, когда онъ обращался къ нимъ за содѣйствіемъ, и этимъ

признаніемъ свалили гору съ его плечъ. Онъ перекрестился на радостяхъ, что съ него сняли отвѣтственность, и тутъ же подалъ рапортъ о болѣзни. На его мѣсто губернаторъ назначилъ полицеймейстеромъ Мацевича, того самаго Мацевича, который былъ хорошо знакомъ гражданамъ Бѣлостока. Въ прошломъ году, во время аналогичнаго погрома, онъ исполнялъ въ Бѣлостокѣ обязанности полицеймейстера, и уже въ то время прославился, какъ жестокій, неумолимый каратель и какъ опытный мастеръ погромнаго дѣла. Тогда было убито при немъ около 40 человѣкъ.

На совѣтѣ губернаторъ колебался и не зналъ, чью сторону слѣдуетъ ему принять. Присоединиться ли ему къ мнѣнію военныхъ, настаивавшихъ на томъ, чтобы терроризовать населеніе быстрыми и энергичными военными мѣрами, на подобіе адмиральскихъ мѣръ въ Москвѣ, или же при посредствѣ военной силы пріостановить дальнѣйшее развитіе погрома.

Повидимому, не будучи достаточно освѣдомленнымъ относительно того, какого мнѣнія держатся въ Петербургѣ высшіе представители власти, губернаторъ долго колебался и въ концѣ-концовъ, не придя ни къ какому заключенію, предоставилъ начальнику охраны генералу Богаевскому дѣйствовать, какъ онъ находитъ нужнымъ, а самъ сейчасъ же уѣхалъ назадъ въ Гродну и больше не пріѣзжалъ.

Рѣшеніе же генерала Богаевскаго относительно того, какъ нужно дѣйствовать, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго.

IV.

Переходя къ описанію тѣхъ событій и печальныхъ случаевъ погрома, въ которыхъ принимали активное участіе нѣкоторые военные начальники и старшіе чины полиціи, приходится оговориться, что при всемъ желаніи узнать имена и фамиліи ихъ не всегда это удавалось сдѣлать, такъ какъ многія лица изъ числа пострадавшихъ и свидѣтелей не имѣли случая знать ихъ до этой роковой встрѣчи.

Конечно, читателю впередъ понятна та осмотрительность и вниманіе, съ которыми я кое-гдѣ позволилъ себѣ назвать точныя имена дѣйствовавшихъ лицъ, чтобы стало возможнымъ и вполнѣ точное разслѣдованіе фактовъ.

Я оговорюсь тутъ же, что каково бы ни было поведеніе нѣкоторыхъ изъ военныхъ начальниковъ, многіе изъ нихъ старались всячески останавливать солдатъ, предупреждая кровопролитіе и останавливая его.

Изъ числа самыхъ нетерпимыхъ къ евреямъ называютъ офицеровъ Озоль, Бакѣева. Оба они командовали отрядомъ солдатъ изъ на дворѣ лѣсопильнаго завода Заблудовскаго и Гепнера. Дѣло это происходило подъ вечеръ на второй день погрома.

Вблизи этого завода на окраинахъ города солдаты, городовые и жандармы при небольшомъ участіи штатскихъ разгромили еврейскія квартиры. Ворвавшись въ сосѣдній съ этимъ заводомъ домъ Полѣшука, они убили 5 человѣкъ, жившихъ тамъ. Солдаты стрѣляли внутри помѣщеній, на что указываютъ слѣды, оставшіеся отъ пуль. Это обстоятельство установлено слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, г. Шольцомъ, командированнымъ изъ Вильны.

Затѣмъ эта-же группа изъ солдатъ, городовыхъ и жандармовъ причинила много несчастія на окраинныхъ улицахъ, Бояръ и Суворовской, недалеко отъ лѣсопильнаго завода. Они убивали тамъ евреевъ на улицахъ и въ домахъ.

Видя эту ужасную картину такого необычнаго погрома, евреи бѣжали изъ своихъ домовъ безъ оглядки, сами не зная куда. А картина была дѣйствительно изъ ряда выходящая, напоминавшая страшный жестокій разстрѣлъ. Евреи бѣжали, куда глаза глядѣли, куда толкалъ ихъ предсмертный страхъ.

Многіе бросились бѣжать по пустырю, прилегающему къ лѣсопильному заводу, перелѣзли черезъ заборъ и, видя, что здѣсь все тихо, укрылись въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, расположенномъ въ самой глубинѣ обширнаго двора завода.

Но расчеты этихъ несчастныхъ бѣглецовъ оказались

невѣрны, напрасно они искали здѣсь спасенья: за ними по пятамъ гнались и пули полетѣли въ этотъ домъ.

Какъ только раздались первые выстрѣлы на громадномъ заводскомъ дворѣ, сейчасъ же расположенный вблизи завода полицейскій участокъ извѣстилъ военное начальство, что евреи оказываютъ вооруженное сопротивленіе и что необходима военная сила.

Явился отрядъ подъ командой офицера Озоля и Вакѣева и сомкнулся съ тѣми солдатами, которые тамъ находились раньше и занимались уже обстрѣливаніемъ этого дома.

Въ присутствіи г. Озоля домъ былъ подожженъ и онъ приказалъ солдатамъ стрѣлять во всѣхъ тѣхъ, кто оттуда будетъ выбѣгать, ища спасенья. Предварительно было сдѣлано разрѣшеніе уйти всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ.

Когда же оттуда вышелъ старикъ-еврей съ двумя маленькими ребятами въ рукахъ и направился черезъ дворъ къ главному дому завода, по немъ данъ былъ залпъ и онъ замертво упалъ на землю; тутъ же около него упали и двое дѣтей. Въ это время уже домъ пылалъ, подожженный со всѣхъ концовъ.

Обезумѣвшіе отъ ужаса евреи, не желая заживо сгорѣть, почему-то искали спасенія внѣ дома; точно они не знали, что разставленные въ шеренгу солдаты стерегутъ ихъ, и что отъ ихъ пуль никто не уйдетъ, смерть ихъ рѣшена.

А между тѣмъ они все-таки повыскакивали изъ горящаго дома, и пускались со всѣхъ ногъ бѣжать по двору. Но тутъ ихъ настигали пули, и они падали въ предсмертныхъ судорогахъ тамъ же на дворѣ.

Уже стало темнѣть, надвигалась ночь, а домъ ярко

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ХАИМЪ ЛЕЙБЪ ФРЕЙДКИНЪ.

горѣлъ и краснымъ свѣтомъ озарялъ этотъ пустырь, на которомъ лежало семь труповъ.

Послѣ криковъ несчастныхъ евреевъ, предсмертныхъ стоновъ умиравшихъ наступила мертвая тишина, только потрескивало горящее дерево, охватываемое пламенемъ, да иногда падали на землю обгорѣлыя головни.

Въ домѣ сгорѣла старуха 72 лѣтъ, которая, не имѣя силъ покинуть свою кровать, предпочла умереть на ней, нежели быть застрѣленной на дворѣ.

Когда домъ догорѣлъ, солдаты ушли. Долго хозяева этого завода не рѣшались выйти на дворъ, посмотрѣть, что тамъ произошло. Ихъ служанка старуха, выглянувъ за дверь и прислушиваясь къ тому, что творится вокругъ, ясно разслышала дѣтскій тихій плачъ на дворѣ. Она поняла тогда, что кто-то изъ ребятишекъ живъ, уцѣлѣлъ, или быть можетъ раненъ на этомъ кровавомъ полѣ. Съ невѣроятными усиліями, преодолѣвая страхъ, она двинулась по направленію дѣтскаго плача и нашла на трупѣ убитаго старика окровавленнаго ребенка двухъ съ половиной лѣтъ; маленькое тѣльце его было прострѣлено солдатской пулей, но еще было живо.

Она бережно взяла его на руки и понесла къ себѣ въ домъ, сдѣлала, какъ умѣла, перевязку, и теперь лѣчитъ и ходитъ за нимъ, какъ за своимъ дѣтищемъ.

Какъ только утренняя заря освѣтила дворъ съ семью трупами, а перепуганные обитатели, всю ночь не ложившіеся спать, ожидая повторенія военныхъ дѣйствій, вышли изъ своихъ убѣжищъ, чтобы осмотрѣть убитыхъ, они замѣтили, что около одного трупа что-то шевелится.

Оказалось, что второй ребенокъ, котораго несъ старикъ въ своихъ объятіяхъ, барахтается около убитаго

дѣдушки, будучи совершенно живымъ, здоровымъ. Этой дѣвочкѣ было все 1³/₄ года, она всю ночь провела съ своимъ дѣдушкой, но не съ живымъ, какъ обычно, а съ мертвымъ; проснувшись, она недоумѣвающе таращила свои дѣтскіе глазки на трупъ его, не понимая, почему онъ такъ долго спитъ, такъ покоенъ и не хочетъ играть со своей внучкой, какъ это онъ любилъ всегда дѣлать по утрамъ. Ее взяли на руки и понесли въ домъ; она не хотѣла уходить безъ дѣдушки, звала его съ собой, и когда ее все-таки потащили, она раскричалась и расплакалась.

Во время паники, когда шла горячая погоня по пятамъ за несчастными евреями, искавшими убѣжища, одинъ спрятался въ помойную яму, и, благодаря такой находчивости, спасся; двое спаслись въ сараѣ, но на другой день солдаты ихъ открыли и убили, также убили и того еврея, который спрятался въ погребѣ; изъ всѣхъ укрывшихся самымъ счастливымъ оказался тотъ, который сидѣлъ въ помойной ямѣ.

* * *

Въ самый первый день погрома, когда еще принимали участіе въ убійствахъ и въ разгромахъ хулиганы, военныя силы тоже не бездѣйствовали. Карающее вниманіе военныхъ и полицейскихъ силъ было особенно обращено на 3 дома, около Александровской и Институтской улицъ. Эти дома были обстрѣляны войсками въ первый день погрома по приказанію офицеровъ, а затѣмъ, когда населеніе ихъ было въ достаточной степени терроризировано, то внутрь дворовъ были введены солдаты. При обстрѣлѣ этихъ домовъ

солдатамъ было приказано цѣлить въ окна, безъ различія квартиръ.

Есть основанія предполагать, что тѣ военныя дѣйствія, которыя были выполнены по отношенію къ этимъ тремъ домамъ, были обдуманы и рѣшены военными властями еще наканунѣ. Въ одномъ изъ обстрѣленныхъ и пострадавшихъ домовъ Фольмана жилъ офицеръ, временно прикомандированный къ Казанскому полку, въ кв. № 8, рядомъ съ квартирой Лапидусъ. Въ среду вечеромъ, т. е. наканунѣ погрома, онъ забралъ всѣ свои вещи и, не говоря ничего хозяйкѣ, экстренно выѣхалъ.

И этотъ домъ въ четвергъ подвергся сильному ружейному огню, а затѣмъ, когда офицеръ ввелъ во дворъ солдатъ, то онъ скомандовалъ: «Христіане выходи!..»—Вышли изъ всѣхъ квартиръ католики и православные и ихъ не тронули и выпустили на улицу; затѣмъ раздалась новая команда того же офицера: «Теперь евреи выходи!»

Со страхомъ, съ плачемъ, съ мольбами вышли евреи изъ дома; ихъ было много. Солдаты окружили ихъ и, по приказанію офицера, вывели на тротуаръ. Здѣсь стояла толпа хулигановъ и ждала своихъ жертвъ.

Началось нѣчто невообразимое. Раздались ружейные выстрѣлы, часть евреевъ полегла отъ пуль, на другихъ накинулись хулиганы съ особымъ оружіемъ, очевидно заранѣе приготовленнымъ для предстоящаго случая, а именно съ толстой палкой, на концѣ которой, въ бока ея, вбиты были довольно частые, заостренные гвозди. Одна изъ такихъ палокъ была доставлена слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ г. Шольцу и пріобщена къ дѣлу. Ударами этихъ палокъ причиня-

лись жестокія, нечеловѣческія страданія, такъ какъ острые гвозди далеко впивались въ тѣло. Били этими палками, главнымъ образомъ, по лицу, и уродовали его до неузнаваемости.

Въ этомъ пунктѣ почему-то были проявлены особыя жестокости къ избиваемымъ евреямъ. Здѣсь имъ вколачивали гвозди въ глазныя впадины, а одному еврею вколотили гвоздь даже въ лобъ. Съ этимъ гвоздемъ онъ былъ доставленъ на дворъ еврейской больницы, откуда его и похоронили.

Почему понадобилось это сдѣлать, да и сознавали ли мучители свои поступки въ тотъ моментъ, когда дѣлали это, или они находились подъ вліяніемъ кроваваго психоза, и даже потомъ не представляли себѣ во всей полнотѣ и реальности постыдность и нелѣпость проявленнаго безумія.

Въ числѣ убитыхъ евреевъ на тротуарѣ былъ также убитъ одинъ христіанскій юноша, ученикъ реальнаго училища, по фамиліи Декарь. Его почему-то приняли за еврея, отчасти за плохой выговоръ, а отчасти за нѣкоторое сходство съ еврейскимъ типомъ, и несмотря на его увѣренія, что онъ христіанинъ, его все-таки разстрѣляли.

Въ этомъ домѣ при разграбленіи квартиръ, была спасена отъ хулигановъ указаннымъ выше офицеромъ Вальтеромъ та женщина, которую нашли въ пустой квартирѣ, послѣ того, какъ были выведены на улицу всѣ евреи изъ дома Фольмана.

Покончивъ съ ними, часть солдатъ направилась по пустымъ квартирамъ, и тамъ началось расхищеніе имущества и уничтоженіе его, къ нимъ примкнули хулиганы, и это продолжалось нѣсколько часовъ. Послѣ

такой работы вся внутренность помѣщенія была совершенно разрушена; то, чего нельзя было унести, любители чужой собственности разломали, разбили зеркала, посуда въ осколкахъ валялась по полу. Мебель была перебита, матерія содрана и клочьями перемѣшалась съ грудами обломковъ и осколковъ. Послѣ нихъ все превратилось въ какой-то хаосъ; точно буря пронеслась и все перемѣшала и исковеркала.

* * *

Старшіе полицейскіе чины такъ же энергично проявляли свои карательныя дѣйствія по отношенію къ евреямъ, какъ и военныя власти, и былъ даже такой случай, когда одно изъ преступленій бѣлостокской полиціи совершено было наканунѣ погрома. Очевидно полицейскіе чины были освѣдомлены, что на слѣдующій день произойдетъ великій погромъ, и потому, не дожидаясь этого дня, убили двухъ евреевъ и одного истязали до послѣднихъ его силъ въ городскомъ полицейскомъ участкѣ. Они хорошо знали о предстоящемъ погромѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ не рискнули бы совершить такое тяжкое преступленіе, за которое имъ пришлось бы нести отвѣтъ. Но разъ погромъ неминуемо долженъ произойти, то тѣмъ самымъ полиція была увѣрена въ томъ, что и это преступленіе пройдетъ такъ же безнаказанно, какъ и самый погромъ, и потому спокойно совершила насиліе надъ тремя арестованными людьми въ стѣнахъ полицейскаго городского участка. Обстоятельства этого преступленія были таковы:

Наканунѣ погрома, около 6 час. вечера, въ еврейскую булочную Прейса вошелъ приставъ участка и,

увидавъ тамъ двухъ солдатъ, изъ коихъ одинъ былъ русскій, а другой еврей, нашелъ это обстоятельство очень подозрительнымъ и арестовалъ молодого сына хозяина этой булочной и двухъ пекарей-рабочихъ, которые подвернулись ему подъ руку. Солдатъ онъ оставилъ въ покоѣ, но очень косился на нихъ, а рабочимъ вслухъ говорилъ:

«Вотъ я вамъ покажу, какъ заниматься пропагандой среди солдатъ, хотите ихъ на свою жидовскую сторону привлечь, не удастся вамъ, увидите это скоро!»—Затѣмъ онъ ихъ отправилъ въ городскую полицію, гдѣ они просидѣли до поздняго вечера. Когда стало совсѣмъ темно, приставъ позвалъ нѣсколько человѣкъ, отдалъ имъ какое-то приказаніе и велѣлъ ихъ вести, но куда не сказалъ. Прейсъ былъ въ полной увѣренности, что ихъ переводятъ изъ участка въ городскую тюрьму и не тревожился предстоящей кровавой развязкой.

Когда ихъ троихъ вывели на загороженный дворъ участка, на нихъ набросилась стража, та самая стража, которой было отдано въ участкѣ какое-то приказаніе приставомъ. Вмѣсто того, чтобы идти въ тюрьму, какъ предполагалъ Прейсъ, онъ получилъ жестокій ударъ по головѣ чѣмъ-то твердымъ и тяжелымъ. Прейсъ упалъ на землю, теряя на минуту сознаніе. На него посыпались новые, сильные удары, и тутъ Прейсъ понялъ во всей грозной очевидности, что ему нѣтъ спасенья. Онъ находится въ застѣнкѣ, ему некуда дѣваться, некому заступиться за него.

Просить пощады не у кого. Развѣ тронешь сердце присяжнаго палача? Безполезно... безцѣльно!..

Къ счастью, на его долю пришелся только одинъ

палачъ, такъ какъ остальные уже занялись его двумя товарищами. Одинъ вооруженный, испытанный въ дѣлѣ, бравый палачъ предсталъ лицомъ къ лицу съ обезоруженнымъ и обезсиленнымъ отъ удара по головѣ противникомъ; первый былъ послушный и вѣрный исполнитель своего начальства, подогрѣтый еще личною ненавистью къ евреямъ, второй былъ ни въ чемъ неповинный человѣкъ, приговоренный къ медленной смерти, призракъ которой онъ уже различалъ въ темнотѣ ночи.

Хватаясь за послѣднюю надежду жизни, свою большую физическую силу, на темноту ночи, онъ въ первую минуту закрылъ лицо руками, и тѣмъ защитилъ голову отъ дальнѣйшихъ ударовъ. Придя немного въ себя подъ неустанными ударами противника, онъ вскочилъ на ноги и бросился къ забору, потомъ зигзагами бросился въ другую сторону, стараясь увернуться отъ палача. Въ это время онъ услышалъ предсмертные стоны своихъ товарищей, но не могъ видѣть, что съ ними дѣлается. Эти стоны удвоили силы Прейса, давая ему реально понять, что ему такъ же, какъ и тѣмъ товарищамъ, не избѣжать смерти, если силы покинутъ его. И онъ, какъ раненый, разъяренный звѣрь, дѣлая послѣднюю отчаянную попытку, улучилъ минуту нѣкотораго замѣшательства своего мучителя, набросился на него, вступилъ съ нимъ въ рукопашную, отбилъ его оружіе и угрожающе накинулся на палача. Тотъ струсилъ, отступилъ, сталъ звать товарищей на помощь; но тѣ были слишкомъ увлечены своимъ кровавымъ дѣломъ; оно ихъ поглотило цѣликомъ, жертвы испускали послѣднее дыханіе. Тѣмъ временемъ Прейсъ, видя сильное замѣшатель-

ство своего врага и находя излишней, даже безумной, дальнѣйшую борьбу съ нимъ, бросился въ сторону, перекинулъ черезъ заборъ отбитый имъ трофей, а самъ, какъ воръ, ползкомъ, прикрываясь ночною темнотою, приползъ къ полуоткрытой двери какого-то полуразвалившагося надворнаго строенія, закопался въ мусоръ тамъ и затаилъ дыханіе.

Но вскорѣ силы его стали покидать. Его нервный и физическій подъемъ въ борьбѣ за жизнь смѣнился страшнымъ упадкомъ силъ; избитое, израненное тѣло стало какъ тряпка, кровь сочилась, ослабляя организмъ, и несчастный Прейсъ впалъ въ обморочное состояніе.

Его противникъ не пустился въ поиски за жертвой, быть можетъ боялся наткнуться на сильный отпоръ, или даже на смерть, а быть можетъ удовлетворился работой своихъ товарищей, видя, что двѣ другія жертвы распластанныя, безъ дыханія лежали на землѣ.

Прейсъ не помнитъ, какъ онъ провелъ эту ночь. Все время онъ былъ безъ сознанія.

Не помнитъ даже онъ, кто его подобралъ и какъ отправили его въ больницу. Повидимому, нашлась и въ участкѣ такая добрая человѣческая душа, которая сжалилась надъ страданіями несчастнаго и не добила его, а напротивъ, даже приняла мѣры возвратить его къ жизни.

Я видѣлъ Прейса въ больницѣ. Лицо сильно опухлое, совершенно желтое, носило отпечатокъ только что пережитыхъ тяжелыхъ страданій во время неравной борьбы за жизнь. Онъ съ трудомъ могъ шевельнуться, такъ какъ все тѣло опухло и сильно ныло.

Преданъ ли суду приставъ этого участка и всѣ лица, истязавшія и убивавшія арестованныхъ, или они такъ же ускользнули изъ рукъ правосудія, какъ и всѣ главные и истинные виновники въ пролитой крови?— Вѣдь потерпѣвшіе и свидѣтель разсказаннаго преступленія, совершеннаго въ участкѣ должностными лицами, живы! Хотя онъ еще сильно боленъ, слабъ, но всѣ надежды есть на выздоровленіе; молодыя силы возьмутъ верхъ; и какъ тогда они его спасли отъ смерти, такъ и теперь помогутъ возстановить прежнюю крѣпость и мощность организма. Онъ сможетъ указать истинныхъ виновниковъ этого злодѣянія!

* * *

Разсматривая преступленія полицейскихъ агентовъ, нельзя оставить безъ вниманія тотъ печальный случай, когда они убили одного еврея, обманнымъ способомъ заманивъ его для этого къ больной, избитой женщинѣ, для оказанія медицинскаго пособія. Этотъ еврей былъ фельдшеръ Шлема, служившій долгое время въ еврейской больницѣ.

Какъ только начался погромъ, Шлема никуда не выходилъ изъ зданій больницы, такъ какъ сейчасъ же начали стекаться израненные, искалѣченные люди и требовалась имъ немедленная медицинская помощь. Затѣмъ начали приносить туда трупы. Фельдшеръ Шлема весь ушелъ въ работу, и по ней отчасти могъ судить, что дѣлается въ настоящій моментъ въ городѣ, какія жестокости и звѣрства творятся надъ его собратьями, ни въ чемъ неповинными людьми.

Вдругъ черезъ нѣсколько времени явились въ больницу двое городовыхъ съ приказаніемъ отъ пристава

доставить фельдшера Шлему для оказанія немедленной медицинской помощи одной женщинѣ, по указанному адресу.

Надо думать, что сильно насолилъ полиціи несчастный Шлема, если на него она обратила особенное вниманіе даже въ такое горячее и боевое время, какъ погромъ. Придти прямо въ больницу и открыто убить тамъ всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые были наиболѣе ненавистны полиціи, она не рѣшалась. Это было бы уже слишкомъ открыто и рискованно даже для такой отважной администраціи, какъ бѣлостокская. Поэтому она избрала другой путь, болѣе вѣрный и наименѣе отвѣтственный.

Когда на призывъ городовыхъ пойти къ больной женщинѣ Шлема отвѣтилъ отказомъ, мотивируя тѣмъ, что здѣсь больные и раненые люди останутся въ безпомощномъ положеніи, и что имъ также нужно оказать серьезную и немедленную медицинскую помощь, то черезъ нѣсколько времени явился въ больницу околоточный надзиратель Грикенъ съ двумя городовыми и въ категорической формѣ предложилъ Шлемѣ немедленно пойти къ больной женщинѣ.

Несмотря ни на какіе доводы и убѣжденія Шлемы, что нельзя оставлять такое количество больныхъ безъ помощи, ему пришлось все-таки подчиниться настоянію околоточнаго надзирателя и пойти вмѣстѣ съ нимъ по его указанію. Собравъ сумочку съ необходимыми инструментами и перевязочными средствами, Шлема не ожидалъ, что идетъ на казнь. Въ его умѣ ни на минуту не зарождалась мысль, что замаскированныя дѣйствія полиціи направлены къ тому, чтобы его убить, уничтожить ненавистнаго для нихъ человѣка, что боль-

ная женщина была ничто иное какъ подходящій предлогъ, чтобъ вызвать Шлему на улицу и тамъ безнаказанно пролить его кровь. Когда они выходили, околоточный надзиратель Грикенъ сказалъ: «Мы васъ проводимъ, чтобы кто-нибудь изъ хулигановъ не напалъ на васъ!»

Они пошли вчетверомъ, ихъ многіе видѣли, какъ они пошли въ какую-то квартиру для оказанія медицинской помощи. Видѣли его въ компаніи тѣхъ же полицейскихъ, когда онъ дѣлалъ быстрыя перевязки на улицѣ упавшимъ раненымъ, потомъ видѣли его уже безъ околоточнаго надзирателя, а только вмѣстѣ съ городовыми, направлявшимися въ больницу. Дальше ничего неизвѣстно, что произошло со Шлемой, только къ вечеру принесли въ больницу его холодный трупъ, поднятый на Александровской улицѣ.

По осмотрѣ врача у него найдено полное размозженіе головы и лица; онъ былъ изуродованъ до неузнаваемости. На тѣлѣ было мало ранъ, но голова оказалась вся разбитой, кости черепа раздроблены въ куски. Говорятъ, что въ тотъ моментъ, когда онъ наклонился надъ лежавшимъ въ крови человѣкомъ, упавшимъ на мостовую, желая помочь ему, Шлемѣ былъ нанесенъ сильный ударъ холоднымъ оружіемъ по головѣ, онъ тутъ же упалъ въ предсмертныхъ судорогахъ, а ему продолжали наносить новые удары по головѣ. Кто это сдѣлалъ, кто нанесъ удары, трудно утверждать. Съ достовѣрностью можно только сказать, что подъ охраной хотя бы одного воинскаго или полицейскаго чина никто не осмѣливался нападать на человѣка, не говоря уже о двоихъ тѣлохранителяхъ; поэтому въ данномъ случаѣ приставленные городовые

или намѣренно отдали его на растерзаніе убійцамъ, или сами покончили съ нимъ. Послѣднее болѣе достовѣрно, такъ какъ одинъ свидѣтель утверждалъ, что за минуту передъ тѣмъ, какъ онъ увидѣлъ его уже убитымъ, на улицѣ никого не было, а только что передъ этимъ онъ видѣлъ прошедшаго мимо себя фельдшера Шлему въ сопровожденіи двухъ городовыхъ.

* * *

Въ больницѣ находился на излеченіи еще одинъ больной, у котораго прострѣлена солдатами шея; жизнь его до сихъ поръ находится въ опасности, такъ какъ пораненіе относится къ серьезнымъ. Онъ находился около 6-ти часовъ вечера въ своей квартирѣ на второй день погрома. Къ нему явился околоточный надзиратель и велѣлъ ему слѣдовать за собой на улицу; кромѣ него онъ вывелъ еще троихъ евреевъ и сказалъ имъ, что сейчасъ велитъ ихъ разстрѣлять. Двое начали молить околоточнаго надзирателя сжалиться надъ ними, не губить ихъ жизни и предложили ему взять денегъ. Надзиратель взялъ съ обоихъ 3 рубля и отпустилъ ихъ на волю, а тѣхъ двоихъ привелъ на тротуаръ, тамъ ждали ихъ солдаты, и онъ приказалъ имъ убить евреевъ. Одному прострѣлили пулей шею, а на другого бросились со штыками и нанесли ему около 20 колотыхъ ранъ. Оба они упали безъ чувствъ и истекали на землѣ кровью. Истязатели ихъ ушли, и тогда кто-то ихъ поднялъ и отправилъ въ еврейскую больницу.

Мнѣ приходилось отъ многихъ евреевъ слышать, что жизнь ихъ откупалась у палачей за деньги, и иногда за ничтожную сумму. Самая высшая плата,

которая была получена однимъ изъ убійцъ, равнялась 300 руб. Называли такіе случаи, когда удавалось откупаться за 50 коп.

Какъ дешево цѣнилась жизнь человѣческая! Ничего не стоило убить человѣка или даровать ему жизнь, получивъ за это только 50 коп.! Я бы не вѣрилъ этому, если бы самъ не слышалъ подтвержденія многихъ лицъ, которыя остались живы за рубли и копейки.

* * *

Желая встрѣтить поддержку въ своихъ карательныхъ дѣйствіяхъ противъ еврейскаго населенія, полиція требовала закрытія фабрикъ и вызывала рабочихъ идти громить жилища евреевъ и убивать ихъ. Для этого приходили на фабрики полицейскіе чины и уговаривали рабочихъ. Но среди фабричнаго элемента нашлось много сознательныхъ, развитыхъ людей, которые удержали остальныхъ товарищей, уговаривая не проливать братской крови, а одна фабрика не хотѣла даже останавливать своихъ работъ. Тогда полицейскіе произвели на этой фабрикѣ обыскъ, предполагая найти оружіе, какъ поводъ, чтобы затѣмъ жестокимъ образомъ наказать ихъ.

Оружія не было найдено, кромѣ одного револьвера. Полицейскіе ругали рабочихъ «жидовскими защитниками», «соціалистами» и грозили добраться современемъ и до нихъ.

Но всего интереснѣе было то, что за словесную защиту евреевъ въ разговорѣ одного господина, поляка, съ полковникомъ, тотъ приказалъ арестовать его за то, что полякъ посмѣлъ утверждать, будто въ

дѣлѣ погрома евреи не виноваты, а кругомъ виновата лишь полиція. По мнѣнію полковника, «во всемъ виноваты одни евреи и противорѣчить не смѣть!»

Не посадитъ ли и теперь этотъ полковникъ въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, кто печатно утверждаетъ противное?

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

СГОРѢВШІЕ НА ЛѢСОПИЛЬНѢ.

V.

По этому печальному вопросу журналистикой собранъ громадный матеріалъ; всѣ крупные періодическіе органы прислали на мѣсто происшествія своихъ корреспондентовъ, которые усерднѣйшимъ образомъ собрали свѣдѣнія и много поработали надъ тѣмъ, чтобы раскрыть передъ читателемъ дѣйствительную картину происшедшихъ событій, выяснить истинныхъ виновниковъ совершенныхъ преступленій. Обширные труды думской комиссіи тоже теперь закончены и опубликованы въ печати.

Также появились въ свѣтъ и правительственныя сообщенія, донесенія военному министру военныхъ властей; кончились слѣдствія спеціально командированныхъ туда лицъ, шталмейстера Фриша и слѣдователя Шольца.

Матеріалъ получился громадный, какъ само дѣло, и въ высшей степени разнообразный.

Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ сказано въ правительственномъ сообщеніи, «со стороны правительства будетъ оказано всякое содѣйствіе къ тому, чтобы ни одно лицо, виновное въ печальныхъ

событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Бѣлостокѣ, не избѣгло ни суда, ни наказанія» — а также тѣми соображеніями, которыя приведу ниже, я рѣшилъ пополнить тотъ пробѣлъ, который замѣчается какъ въ докладѣ слѣдственной думской комиссіи, такъ и въ органахъ печати.

Соображенія и факты, которыми я руководился, которые заставили меня написать эту замѣтку, были слѣдующіе:

1) Совершенно невѣрное донесеніе генералъ-губернатора Бадера военному министру.

2) Два всеподданнѣйшихъ рапорта Государю Императору командующаго 61 пѣхотнымъ Владимірскимъ полкомъ, расположеннымъ въ Бѣлостокѣ, о поведеніи войскъ во время погрома. Они были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ».

3) Приказъ командира 6-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Хитрово отъ 17 іюня, выражающій благодарность полкамъ за доблестную, самоотверженную и отличную службу войскъ корпуса.

4) Приказъ временно-командующаго полкомъ подполковника Петрова о награжденіи знаками отличія нижнихъ чиновъ за ихъ работу во время погрома.

5) Появившееся въ газетахъ сообщеніе о томъ, что по приказанію военнаго министра назначено строжайшее разслѣдованіе для выясненія всѣхъ указанныхъ въ статьяхъ моего коллеги по перу В. Климкова обстоятельствъ, напечатанныхъ въ «Рѣчи», и въ зависимости отъ результатовъ такого разслѣдованіи или поступить съ офицерами по закону или привлечь редактора «Рѣчи» къ судебной отвѣтственности.

Всѣ эти обстоятельства побудили меня встать на

защиту печати и поруганной справедливости и доказать съ фактами въ рукахъ, что это былъ не погромъ, а одинъ изъ видовъ карательной экспедиціи, предпринятой администраціей—и правительствомъ — съ цѣлью наказать еврейское населеніе... за всѣ его стремленія къ свободѣ, къ лучшей жизни.

Какъ извѣстно изъ газетъ, генералъ Бадеръ назвалъ появившіяся въ газетахъ нареканія на поведеніе войскъ ложью; генералъ Хитрово въ приказѣ по войскамъ копія котораго находится у меня въ рукахъ, написалъ, что «люди и газеты извѣстнаго направленія въ цѣляхъ загрязненія и оклеветанія арміи распускаютъ ложные слухи о незаконныхъ дѣйствіяхъ офицеровъ и чиновъ Бѣлостокскаго гарнизона во время безпорядковъ». По мнѣнію обоихъ генераловъ, все то, что писалось «о разстрѣливаніи солдатами безоружныхъ евреевъ, не только не оказывавшихъ никакого сопротивленія, но въ страхѣ скрывавшихся на чердакахъ, въ садахъ, сараяхъ и т. д.» (слова думской комиссіи)—является газетною ложью.

А вѣдь нужно замѣтить, что оба генерала всего ближе стояли къ дѣлу погрома и печальная дѣйствительность была имъ хорошо извѣстна. Поэтому остается предположить, что они намѣренно хотѣли скрыть правду, утверждая противное.

Но это имъ не удастся сдѣлать, какъ не удалось полковнику Риману скрыть слѣды своего преступленія.

Бѣлостокская погромная экспедиція напоминаетъ мнѣ во многомъ римановскую карательную экспедицію, которая весьма похожа на нее по своимъ дѣйствіямъ и по своему звѣрству. Въ ней замѣчается такая же планомѣрность военныхъ дѣйствій по заранѣе обдуман-

ному плану; въ ней такъ же, какъ и въ той экспедиціи, отличился цѣлый рядъ офицеровъ, запятнавъ себя несмываемыми преступленіями.

Я долженъ замѣтить, что какъ тѣ преступленія, говорившія сами за себя, были преданы на судъ общественнаго мнѣнія, такъ и эти бѣлостокскія преступленія, если избѣгнутъ правительственнаго суда, то попадутъ также на судъ общественной совѣсти.

* * *

Прежде чѣмъ излагать печальные факты, касающіеся военныхъ властей, скажу нѣсколько словъ по поводу того, какимъ образомъ я собралъ весь этотъ матеріалъ. По пріѣздѣ въ Бѣлостокъ очень трудно было оріентироваться въ той массѣ свидѣтельскихъ показаній, въ ихъ справедливости и подлинности, которыя евреи такъ охотно давали. Много разъ, при тщательной повѣркѣ, приходилось убѣждаться въ чистѣйшемъ вымыслѣ сообщаемыхъ свѣдѣній.

Даже создалась на этой почвѣ особая спекуляція. За 20 копеекъ предлагали привести такого удивительнаго свидѣтеля, который знаетъ удивительные факты.

Конечно, пришлось сразу отказаться отъ всякихъ подобныхъ услугъ и отнестись еще болѣе осторожно и внимательно ко всему тому, что сообщалось. Чтобы ближе подойти къ истинѣ, я рѣшилъ завести сношенія съ военнымъ элементомъ, расположеннымъ въ лагеряхъ, и за 20 дней работы мнѣ удалось видѣться и бесѣдовать со многими членами военной корпораціи.

Я прекрасно понималъ, что правительство въ пер-

вую минуту пожелаетъ предать автора этихъ статей суду, какъ оно это сдѣлало по выходѣ моей книги «Карательная экспедиція»; поэтому я предварительно заручился согласіемъ этихъ лицъ, выступить на судѣ въ качествѣ свидѣтелей, лично слышавшихъ и видѣвшихъ все это, но конечно при условіи, если имъ будетъ гарантирована полная неприкосновенность личности.

Поэтому я пока умалчиваю и не говорю, имѣлъ ли я дѣло съ офицерами, унтеръ-офицерами или солдатами, чтобы высшія военныя власти не помѣшали слѣдствію убѣдиться въ непреложности и вѣрности всего сообщаемаго.

Но я увѣренъ, что если даже правительство и предастъ меня суду, чего я особенно желаю, чтобы доказать истину, то въ скоромъ времени оправдаетъ, какъ оправдала меня московская судебная палата за римановскую экспедицію.

* * *

Прежде всего нужно отмѣтить планомѣрность произведеннаго погрома; на это обстоятельство обратила вниманіе думская слѣдственная комиссія и указала въ своемъ докладѣ. Къ этому я могу прибавить, что по имѣющимся у меня копіямъ съ приказовъ, отданныхъ наканунѣ погрома, было сдѣлано распоряженіе Владимірскому и Казанскому полкамъ занять тѣ пункты, которые были расположены вблизи того мѣста, гдѣ оказался впослѣдствіи брошенный взрывчатый снарядъ.

Были заняты слѣдующіе пункты:

3-ья рота Владимірскаго полка подъ командой под

поручиковъ Павленко и Осѣтникова заняла домъ Амвоша.

8-ая рота подъ командой Стратановича, Шидловскаго и Петрова—въ полицейскомъ управленіи.

5-ая рота подъ командой Григора, Чекалова и Демоницкаго заняла домъ Тартацкаго на Базарной площади.

Половина 6-ой роты подъ командой Соколова въ отдѣленіи государственнаго банка.

Взводъ 8-ми рядовъ подъ командой Константинова на Александровской улицѣ.

Такое тѣсное обложеніе войсками того мѣста, гдѣ впослѣдствіи произошла сумятица, раздались выстрѣлы и взрывъ, показываетъ на большую предупредительность со стороны военнаго начальства.

Въ этомъ приказѣ вначалѣ сказано: предписываю обратить самое тщательное вниманіе на выборъ людей въ караулы.

Затѣмъ въ приказѣ отъ 27-го мая командира корпуса Хитрово было сдѣлано поясненіе, чтобы не могъ повториться тотъ случай, который раньше имѣлъ мѣсто, а именно, когда однажды въ патруль были сдѣланы изъ дома выстрѣлы изъ револьвера, то онъ началъ дѣйствовать оружіемъ только по указанію пристава, тогда какъ въ такихъ случаяхъ онъ долженъ употреблять оружіе, не ожидая передачи полномочій и безъ всякихъ предупрежденій.

Этотъ примѣръ былъ тщательно разъясненъ солдатамъ, для которыхъ стало вполнѣ достаточнымъ услышать хотя бы провокаціонный выстрѣлъ, чтобы открыть пальбу въ домъ.

Затѣмъ за два дня до погрома, во вторникъ, въ

помѣщеніи лагернаго штаба дивизіи было собраніе, на которомъ присутствовали только полковые командиры и Богаевскій; на другой день въ среду утромъ въ помѣщеніи полковыхъ собраній было засѣданіе командировъ полковъ съ ротными командирами. Вечеромъ же того дня были созваны фельдфебеля, которые передъ повѣркой (въ Казанскомъ полку) объявили солдатамъ, что на слѣдующій день въ городѣ состоится крестный ходъ, въ который будетъ брошена бомба, а затѣмъ начнется погромъ.

* *
*

Когда начался погромъ, вблизи 4-й роты Владимірскаго полка хулиганы начали разбивать еврейскій магазинъ и грабить его, солдаты съ недоумѣніемъ смотрѣли на эту картину и между собой говорили, почему командиръ, капитанъ Якубовъ 2-й, не останавливаетъ хулигановъ и допускаетъ такое безобразіе. Въ ихъ разговоръ вмѣшался городовой и сказалъ, что это не безобразіе, а распоряженіе губернатора три дня грабить и бить жидовъ, что такъ имъ и нужно, чтобы впередъ не убивали полицейскихъ. Въ это время подошелъ подпоручикъ Шишко и сказалъ: «Стойте ребята! Сейчасъ мы покажемъ жидамъ!»

Въ скоромъ времени черезъ улицу переходилъ старикъ—еврей.

Нужно думать, что нѣкоторыя слова изъ приведеннаго разговора солдатъ были услышаны капитаномъ Якубовымъ 2, и онъ, видя такое неблагопріятное для погрома настроеніе ихъ, для примѣра, выхватилъ у близъ стоящаго солдата Габатулина ружье, приложился въ проходившаго старика и двумя выстрѣлами

убилъ его наповалъ. Затѣмъ обращаясь къ ротѣ, крикнулъ: «Бей, ребята, жидовъ!»

Послѣ этого рота начала стрѣлять.

Затѣмъ капитанъ Якубовъ 2-й призвалъ къ себѣ младшаго унтеръ-офицера Василія Тупика, далъ ему подъ команду пять нижнихъ чиновъ и приказалъ ему итти до Старо-шоссейной улицы; при этомъ отдалъ ему слѣдующее приказаніе: «Если гдѣ по дорогѣ встрѣтишь жидовъ—стрѣлять въ нихъ!»

Унтеръ-офицеръ отправился съ солдатами исполнять данное ему порученіе; но по дорогѣ его чувство, совѣсть запротестовали въ немъ и онъ своимъ разумомъ рѣшилъ, что это несправедливое и неправильное приказаніе, которое Якубовъ 2-й не имѣлъ права отдавать, а онъ не долженъ исполнять его. Идя по улицѣ, онъ разговорился съ солдатами, доказывая имъ, что если человѣкъ виноватъ въ чемъ-нибудь, то слѣдуетъ его отдать подъ судъ, а потомъ уже, когда будетъ вина доказана, разстрѣлять его; «а какъ же можно, встрѣтивъ неизвѣстнаго человѣка, хотя бы жида, убить его сразу, ни за что, ни про что?—Нѣтъ, этого быть не можетъ, капитанъ зря приказалъ!!.»

Солдаты слушали его и согласились съ нимъ, рѣшая не убивать жидовъ.

Нужно было удивляться, сколько твердости проявилъ этотъ простой, сѣрый человѣкъ безъ всякой науки, при безсознательномъ отношеніи къ окружающимъ явленіямъ; только именно въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ приказаніе убивать невинныхъ людей, его разумъ началъ усиленно работать, соображать, понимать страшную дѣйствительность, и тогда онъ со всей силой сво-

ей глубокой натуры рѣшилъ протестовать противъ насилія.

Его поступокъ рисуется мнѣ особенно героическимъ въ виду того, что тяжелая погромная атмосфера могла бы подавить болѣе робкую натуру; боевое настроеніе военнаго начальства и полицейскихъ властей, полная безнаказанность въ дѣйствіяхъ тѣхъ и другихъ должны бы породить страхъ въ другомъ, менѣе мужественномъ человѣкѣ.

Но онъ, Тупикъ, рѣшилъ твердо держаться указанія своей совѣсти и уговаривалъ солдатъ поступать такъ же.

Вдругъ на одной изъ улицъ, на Ново-Шоссейной, Тупикъ увидалъ толпу хулигановъ, грабившихъ еврейскую лавченку. Онъ подошелъ со своими солдатами и приказалъ хулиганамъ прекратить грабежъ и оставить все похищенное.

Хулиганы крайне удивились этому, но, не повѣривъ въ серьезность сказаннаго, послѣ минутнаго замѣшательства, разразились хохотомъ и вновь приступили продолжать прерванное дѣло.

Тупикъ во второй разъ предложилъ хулиганамъ немедленно прекратить разгромъ лавки, въ противномъ случаѣ предупредилъ ихъ, будетъ стрѣлять. Здѣсь находился полицейскій чинъ, который еще болѣе недоумѣвалъ, слушая такія непонятныя распоряженія унтера Владимірскаго полка.

Все-таки хулиганы рѣшили, что это не иначе, какъ шутка, и даже перестали обращать вниманіе на Тупика и на солдатъ.

Тогда Тупикъ выстроилъ солдатъ, приказалъ имъ

взять «на изготовку» (т.-е. приготовиться къ стрѣльбѣ) и раздалась его грозная команда.

Хулиганы бросились врассыпную, они поняли тогда, что унтеръ съ ними не шутитъ; побросали весь товаръ и скрылись.

Въ эту минуту подошелъ къ нему полицейскій чинъ и взволнованно сказалъ:

— Ты никакъ о двухъ головахъ, что противъ губернатора пошелъ; вѣдь это чать по его приказанію грабятъ и убиваютъ жидовъ, а ты вздумалъ ему противиться! Развѣ не знаешь, что на это губернаторъ далъ три дня.

Эти слова заставили призадуматься унтеръ-офицера Тупика. Ему казалось невѣроятнымъ, что онъ дѣйствуетъ противъ приказанія губернатора, гвоздемъ ему засѣла мысль въ голову, что не можетъ быть такого распоряженія убивать человѣка безъ вины, лишь бы встрѣтился на улицѣ.

Но съ другой стороны зачѣмъ было бы врать полицейскому, вѣдь онъ дѣйствуетъ тоже по приказанію своего начальства, не самостоятельно придумалъ онъ такое распоряженіе, да кромѣ того и капитанъ Якубовъ 2 приказаніе отдалъ стрѣлять по дорогѣ въ попадающихся жидовъ.

И въ глубокомъ раздумьѣ онъ скомандовалъ солдатамъ повернуть назадъ, пришелъ къ капитану Якубову 2 и доложилъ ему, что разогналъ хулигановъ, такъ какъ они грабили чужое имущество, и что евреевъ по дорогѣ не убивалъ.

Капитанъ зло посмотрѣлъ на него, насупилъ брови и, ничего не сказавъ, махнулъ рукой.

Другой офицеръ Еленевскій далъ въ награду од-

ному солдатику 50 коп. за то, что тотъ мѣтко стрѣлялъ въ евреевъ; онъ убилъ въ его присутствіи трехъ «жидовъ».

— Молодецъ, хорошо стрѣляешь!—сказалъ капитанъ Еленевскій, когда отдавалъ эти пятьдесятъ копеекъ.

* * *

Особенно много усердія и жестокости проявилъ капитанъ Озоль; онъ не былъ почему-то назначенъ въ нарядъ и разгуливалъ по городу, какъ любитель, не имѣя никакихъ полномочій свыше, во все время пребыванія въ городѣ вмѣшивался въ отдѣльныя дѣйствія солдатъ и распоряжался ими.

Такъ, напримѣръ, встрѣтивъ на улицѣ кучку солдатъ 7-ой роты, спросилъ ихъ; «Что, ребята, всѣ ли жидовскія квартиры разграблены». На это солдаты отвѣтили—«никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!»

— Почему же вы такъ медлите, братцы, вѣдь уже поздно, живо, живо!!

И солдаты вновь отправились на работу.

Этотъ самый Озоль первый явился на лѣсопильный дворъ, какъ только начали стрѣлять солдаты въ маленькій флигель, расположенный внутри двора. Онъ собралъ солдатъ, охранявшихъ офицерскія квартиры, чего не имѣлъ права сдѣлать, и вмѣстѣ съ ними направился на лѣсопильный заводъ. Ему принадлежала мысль не тратить лишнихъ зарядовъ, а поджечь домъ; если же оттуда будутъ выбѣгать «жиды», то стрѣлять въ нихъ на бѣгу.

Кстати необходимо упомянуть, что тутъ находился также капитанъ Михайловъ, и онъ предложилъ вы-

пустить изъ дома женщинъ и дѣтей, что и было приведено въ исполненіе.

Благодаря его гуманному вмѣшательству, такимъ образомъ было спасено много дѣтскихъ жизней и нѣсколько женщинъ.

Въ этомъ домѣ тогда сгорѣла старуха.

* * *

Очень интересна одна подробность, еще ярче рисующая карательныя дѣйствія капитана Якубова 2. Когда окончился погромъ и начались описанія его въ газетахъ со всѣми деталями и подробностями, съ указаніемъ именъ и фамилій, къ удивленію стороннаго наблюдателя, въ офицерскомъ собраніи стали появляться кромѣ обыденныхъ газетъ «Новаго Времени» и «Слова», много еще другихъ органовъ противоположнаго направленія.

Офицеры углубились въ ихъ чтеніе, начали бесѣдовать на тему о погромѣ, волноваться, и нужно думать, что виновныя лица подумали наконецъ и о возможной серьезной отвѣтственности.

Было странно даже видѣть въ рукахъ нѣкоторыхъ офицеровъ газетные листы, чего раньше не замѣчалось, и на это обстоятельство обратили вниманіе даже солдаты.

И вотъ 18 іюня, послѣ прочтенія какихъ-то непріятныхъ газетъ, ротный командиръ Якубовъ 2 созвалъ къ себѣ на квартиру всю роту для выдачи денегъ за недоѣдъ хлѣба. Когда рота пришла къ нему въ комнату, онъ приказалъ всѣмъ встать въ кружокъ, а самъ помѣстился въ центрѣ кружка.

Онъ обратился къ солдатамъ со слѣдующими словами:

— Вамъ ребята, конечно, не безызвѣстно, что происходило въ городѣ между 1—5 іюня.

Хулиганы, черносотенцы, разные босяки, громилы и разная дрянь грабили и разбивали магазины, лавки и квартиры и даже убивали неповинныхъ ни въ чемъ евреевъ.

Скажите теперь, вы развѣ помогали имъ? Или вы старались не допускать до погрома?

На это солдаты отвѣтили:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не помогали грабить!

— Хорошо, продолжалъ капитанъ, а скажите мнѣ, какія я отдавалъ приказанія по сему поводу и кому. Пусть тотъ выйдетъ впередъ и скажетъ мнѣ, что я ему говорилъ!

На это отвѣта не послѣдовало. Было гробовое молчаніе, ни одинъ не тронулся съ мѣста.

Капитанъ повторилъ свой вопросъ еще два раза.

Наконецъ, послѣ третьяго раза, нерѣшительно выступилъ одинъ солдатикъ, переминаясь съ ноги на ногу и, неловко путаясь языкомъ, сразу выпалилъ: «Такъ точно, ваше высокоблагородіе, мнѣ говорили!»

— Что жъ я тебѣ говорилъ?—сурово спросилъ его капитанъ.

— А вы мнѣ, ваше высокоблагородіе, приказали стоять на улицѣ, и если покажется хоть какой-нибудь жидъ—стрѣлять въ него!

Только что сказалъ это солдатъ, за нимъ потянулся второй, третій и т. д. и вышло, одинъ за другимъ,

около десяти человѣкъ. Всѣ они показали, что капитанъ приказывалъ имъ стрѣлять въ жидовъ.

Одного изъ свидѣтелей Якубовъ 2 нервно перебилъ и спросилъ его:

— Ну и что же—ты стрѣлялъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, много разъ стрѣлялъ!

— Сколько же?

— Да штукъ шесть пуль выпустилъ, ваше высокоблагородіе!—съ тревогой въ голосѣ отвѣтилъ солдатъ.

Капитанъ на минуту задумался. Онъ никакъ не ожидалъ, что дѣло приметъ такой неблагопріятный оборотъ, потомъ вновь обратился къ этому солдату и спросилъ его:

— Сколько же человѣкъ ты убилъ?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе, должно думать, что убилъ нѣсколькихъ, такъ какъ видѣлъ, что нѣкоторые сковырнулись отъ выстрѣла!

Въ числѣ этихъ свидѣтелей выступилъ также и младшій унтеръ-офицеръ Василій Тупикъ и подробно разсказалъ все, что съ нимъ случилось.

Послѣ такихъ показаній капитанъ Якубовъ совершенно растерялся, нервно повернулся спиной къ Тупику и старался не смотрѣть на солдатъ.

Тѣ-же, видя растерянную фигуру своего командира и понимая его неловкое положеніе, въ которое онъ попалъ на такомъ публичномъ допросѣ, тихонько хихикали, закусывая губы. Большинство солдатъ прекрасно понимало, къ чему задаются эти вопросы, и чего хочетъ достигнуть этимъ ротный командиръ.

Нѣсколько оправившись, онъ громкимъ рѣзкимъ голосомъ спросилъ роту:

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ АБРАМЪ МАХАЙ.

— Такъ вотъ, ребята! Скажите, были ли такіе случаи, чтобы я шелъ впереди роты и кричалъ: бей жидовъ! Слышалъ ли кто, чтобъ я это приказывалъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, приказывали!—отвѣтила въ одинъ голосъ рота.

Тутъ капитанъ потерялъ хладнокровіе и, окрикнувъ солдатъ, грубо сказалъ:

— Вы не поняли моего вопроса! Слушайте! Когда мы находились въ городѣ, были ли такіе случаи, чтобы я шелъ впереди роты и кричалъ: бей жидовъ?

Рота молчала.

Капитанъ повторилъ свой вопросъ—рота ни однимъ звукомъ не отвѣтила на него. Капитанъ повторилъ его четыре раза, и послѣ четвертаго раза нѣсколько отдѣльныхъ голосовъ отвѣтили:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

Очевидно, эти голоса предпочли не сердить больше капитана, а дать ему желаемый отвѣтъ.

На это капитанъ отвѣтилъ:

— Совершенно вѣрно! Больше мнѣ ничего не нужно! Ступайте получать деньги! Потомъ добавилъ: вотъ въ газетѣ обвиняютъ Владимірскій полкъ, и въ особенности 3-ю и 4-ю роту, поэтому намъ нужно имѣть оправданіе!

VI

Въ печати и въ обществѣ возводились тяжелыя обвиненія на солдатъ, что они принимали участіе въ грабежахъ и въ расхищеніи еврейскаго имущества, которое попрятали у себя въ лагеряхъ. Чтобы опровергнуть эти толки и уничтожить всякую тѣнь непріятныхъ подозрѣній, высшія военныя власти разрѣшили произвести обыскъ у солдатъ въ лагеряхъ, и даже въ нѣкоторыхъ полкахъ въ присутствіи лицъ потерпѣвшихъ.

Какъ извѣстно, эти обыски показали, что у солдатъ не было ничего похищеннаго изъ городскихъ вещей, что привело въ крайнее изумленіе лицъ, предполагавшихъ отыскать тамъ свои вещи.

Общество же убѣдилось, что обвиненія на солдатъ были напрасны и несправедливы.

Но знаетъ ли читатель, чему обязаны пострадавшіе евреи, что ихъ украденныя вещи остались не найденными. Они обязаны военнымъ властямъ, которыя своевременно приняли всѣ необходимыя мѣры, чтобы ни одна изъ украденныхъ вещей не попала въ руки слѣдствія во время обысковъ.

Для примѣра разскажу случай, который подтверждался очевидцами. Въ то время, когда офицеръ Владимірскаго полка 4-й роты Якубовъ 2 находился въ Полицейскомъ Управленіи въ ожиданіи ужина солдатамъ, который обычно доставлялся изъ лагерной ку-

ни, было принесено Якубову 2-ому предписаніе отъ командующаго полкомъ г. Петрова принять немедленно мѣры и уничтожить у нижнихъ чиновъ всѣ похищенныя и принесенныя ими изъ города вещи во время прекращенія ими еврейскихъ безпорядковъ.

Получивъ такое предписаніе, Якубовъ 2 тотчасъ же послалъ солдата бѣжать въ лагерь, отыскать фельдфебеля и передать ему строжайшее приказаніе, чтобы тотъ ни минуты не медля отперъ всѣ сундуки, принадлежащіе нижнимъ чинамъ, а если не нашлось бы ключей, то взломалъ бы замки и вынулъ все то, что принесено ими изъ города, изъ похищеннаго во время погрома. Затѣмъ всѣ эти вещи фельдфебель долженъ сейчасъ же закопать въ лѣсу, чтобы этого никто изъ постороннихъ не видалъ и не зналъ.

Солдатикъ такъ и сдѣлалъ: бѣгомъ пустился въ лагерь и передалъ приказаніе Якубова 2-го фельдфебелю, а фельдфебель сейчасъ же приступилъ къ дѣлу при чемъ въ помощь себѣ позвалъ и этого солдатика, принесшаго ему распоряженіе, и попросилъ его помочь въ столь спѣшномъ дѣлѣ. Тутъ же нашлось еще нѣсколько нижнихъ чиновъ и дѣло быстро закипѣло. Замки полетѣли прочь, и все содержимое сундуковъ подверглось самому тщательному осмотру. Немудрено, что послѣ такой подробной ревизіи ничего не было уже найдено во время офиціальнаго обыска.

Кромѣ этого случая было еще зарегистрировано, что 3 іюня фельдфебеля на вечерней повѣркѣ передъ ротой говорили солдатамъ слѣдующее: «Если найдется у кого-нибудь изъ нижнихъ чиновъ награбленное и похищенное во время погрома имущество, принад-

лежащее евреямъ, то тотъ солдатъ будетъ преданъ военному суду. Знайте, что у васъ будетъ обыскъ».

Противъ такого обстоятельства сильно негодовали солдаты и много бесѣдовали по этому поводу: «Что же это такое?—грабить намъ разрѣшали, даже поощряли, а теперь вдругъ обыскъ, да еще хотятъ предать военному суду... Одна провокація».—Такъ говорили они промежъ себя и бранили начальство.

Офиціально же значилось, что не было ни одного случая грабежа солдатами еврейскаго имущества, что нижніе чины вели себя образцово во время усмиренія еврейскаго мятежа и заслужили благодарность высшаго начальства.

Приказъ командира корпуса генералъ-лейтенанта Хитрово, выразившій эту благодарность всѣмъ полкамъ за доблестную, самоотверженную и отличную службу войскъ корпуса, оказалъ свое громадное дѣйствіе на солдатъ.

Особенно же сильное впечатлѣніе на нихъ произвелъ приказъ подполковника Петрова о награжденіи знаками отличія нижнихъ чиновъ за ихъ доблестныя дѣйствія во время погрома. Въ этомъ приказѣ перечисляются имена и фамиліи ихъ, подробно описываются ихъ геройскіе поступки, за которые назначены имъ награды.

Солдаты прекрасно понимали, за что наградили ихъ товарищей, и много говорили по этому поводу; можно было услышать между ними такіе разговоры:

— Эхъ братъ, хорошо бы получить ефрейтора,— говорилъ одинъ солдатикъ своему собесѣднику.

— Да, словъ нѣтъ, хорошо бы, да какъ его получишь?.. Производства долго ждать, не дождешься.

— А не пойти ли намъ подстрѣлить «пару жидковъ»... тогда навѣрное дадутъ?—предлагаетъ первый.

Тотъ сомнительно покачиваетъ головой, и въ раздумьи, какъ бы занятый собственными мыслями, продолжалъ:

— Прозѣвали мы съ тобой это дѣло,—теперь уже поздно. Вотъ если бы понастрѣляли этихъ «жидковъ», когда начальство намъ приказывало, были бы теперь ефрейторами... упустили свое счастье, сами виноваты; теперь не поправишь...

— Да и не нажили мы ничего съ тобой,—продолжалъ первый,—вонъ говорятъ въ хлѣбопекарнѣ Казанскаго полка 4 іюня продавали переда для сапоговъ, нажили 100 рублей, а продавали за безцѣнокъ по 40 коп., когда въ городѣ стоятъ они по 1 рублю. Больше двухсотъ штукъ продали ихъ, вотъ какъ нажили. Не то, что мы съ тобой...—оба собесѣдника повѣсили головы.

— Ну да не стоитъ унывать, говорятъ, что новый погромъ начальство назначитъ, тогда наверстаемъ—весело подхватилъ второй солдатикъ, и бесѣда перешла на другую тему.

Въ упоминаемомъ приказѣ между прочимъ говорится, что награждается рядовой 3-й роты Владимірскаго полка Денисъ Опецка за то, что, увидавъ, какъ схватили прошедшую на Суражскую улицу женщину-христіанку неожиданно бросившіеся на нее изъ домовъ евреи и съ истязаніями потащили къ переулку, онъ мѣткимъ выстрѣломъ убилъ одного изъ нападавшихъ, причемъ остальные злоумышленники убѣжали и скрылись въ переулкахъ, а женщина же, избитая и истерзанная, съ вырванными прядями волосъ воз-

вратилась на Базарную площадь и благодарила своего спасителя.

На самомъ же дѣлѣ это происходило нѣсколько иначе: на Суражскую улицу вошла дѣйствительно женщина, которая тащила большой узелъ награбленныхъ вещей. Тамъ ее остановила группа евреевъ изъ самообороны и потребовала, чтобы всѣ эти вещи, какъ не принадлежащія ей, а украденныя, она отдала имъ. Женщина запротестовала, войдя какъ бы въ законныя права собственности, и ни за что не хотѣла отдавать ихъ. Тогда евреи силой заставили ее возвратить награбленное, и въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ Дениса Опецка, которымъ онъ и убилъ одного еврея. За это онъ и получилъ награду.

Другіе же получали награды за то, что выказали умѣлое и искусное руководство, чѣмъ и подавили стрѣльбу евреевъ, другіе за предпріимчивость, смѣлость и смѣтливость при дѣйствіи противъ анархистовъ, а одинъ—Ефимъ Полумахъ, ефрейторъ 1-й роты —за то, что неоднократно находился подъ револьвернымъ огнемъ и нерѣдко самоотверженно заслонялъ собой подполковника Буковскаго.

Но солдаты, читая приказъ, хорошо знали, что это военныя преувеличенія. Евреи сами не оказывали сопротивленія, кромѣ самообороны, которая, какъ я говорилъ раньше, сгруппировалась въ центрѣ еврейскаго квартала, куда войска не проникали; поэтому всѣ упоминанія о револьверномъ огнѣ, смѣлости при дѣйствіяхъ противъ евреевъ носили другой смыслъ, тайный, скрытый, который на солдатскомъ языкѣ сводился къ тому что «хорошо бы убить пару жидковъ, чтобы получить ефрейтора».

Въ заключеніе, чтобы не быть одностороннимъ,

считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самообороне, на основаніи моихъ разспросовъ членовъ революціонныхъ организацій, существовавшихъ въ то время въ Бѣлостокѣ.

Какъ только начали циркулировать въ городѣ слухи о готовящемся погромѣ, среди еврейской молодежи сорганизовалась самооборона, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Вооруженіе ея состояло изъ револьверовъ системы Браунингъ и нѣсколькихъ бомбъ. Число дружинниковъ не превышало 100 человѣкъ на весь городъ.

Въ среду, наканунѣ погрома, состоялось совѣщаніе старшихъ членовъ самообороны для выработки тактики борьбы, въ случаѣ если вспыхнетъ въ городѣ погромъ.

На этомъ совѣщаніи было выяснено, что

1) если произойдетъ погромъ, то онъ явится ничѣмъ инымъ, какъ местью революціонерамъ со стороны администраціи, почему надо разсчитывать, что все вниманіе ея будетъ направлено на центръ рабочаго квартала.

2) Что погромъ будетъ военный, такъ какъ еврейское населеніе всегда жило въ дружбѣ и согласіи съ христіанскимъ, да кромѣ того хулиганскія силы были весьма слабы и ничтожны вслѣдствіе самосознанія рабочихъ.

На этомъ основаніи былъ выработанъ и принятъ единогласно всѣми слѣдующій планъ: смотрѣть на всякую попытку со стороны администраціи вызвать ихъ на бой—какъ на провокацію, и потому ни въ какомъ случаѣ не попадаться на эту удочку.

Второе — сосредоточить все вниманіе самообороны главнымъ образомъ на рабочій кварталъ.

Это постановленіе было строго выполнено во время погрома. Дружина не нападала ни на войска, ни на полицію, она только защищалась. Поэтому утвержденіе военнаго начальства о револьверномъ огнѣ является ничѣмъ инымъ какъ выдумкой, изобрѣтенной для того, чтобы оправдать военныя карательныя дѣйствія.

Для примѣра могу привести слѣдующій случай: на Пескахъ шли 10—12 евреевъ изъ самообороны, на встрѣчу имъ попались 6 человѣкъ городовыхъ, которые крикнули: «руки кверху». Послѣ этого приказанія всѣ евреи наоборотъ опустили руки въ карманы и схватились за револьверы, но въ эту минуту раздалась ясная, короткая команда старшаго изъ нихъ: «не стрѣлять первымъ». Городовые, которые навели уже винтовки, послѣ этого не рѣшились въ свою очередь стрѣлять и опустили ихъ. Затѣмъ обѣ стороны разошлись, не причинивъ другъ другу вреда.

Преувеличенные слухи объ этой самообороне заставили солдатъ быть осторожнѣе, задержали ихъ побѣдный ходъ въ рабочій кварталъ и уничтожили всякую охоту у хулигановъ подвергать свою жизнь опасности.

Съ этой цѣлью для устрашенія погромщиковъ была брошена самообороной бомба въ началѣ входа въ этотъ кварталъ, т. е. въ началѣ Суражской улицы.

Не будь самообороны и не примѣни ту тактику, которой держалась самозащита, число жертвъ Бѣлостокскаго погрома, можно утвердительно сказать, было бы несравненно больше и результаты карающихъ дѣйствій были бы ужаснѣй и кровопролитнѣй.

ПИСЬМО КАПИТАНА ОЗОЛЯ И ОТВѢТЪ НА НЕГО.

Редакціей «XX Вѣкъ» получено письмо отъ капитана Озоль, которое слѣдуетъ ниже. Надо думать, что оно было написано съ цѣлью опровергнуть возведенную на кап. Озель ложь и клевету, возстановить истину и убѣдить читателя въ своихъ добрыхъ хорошихъ отношеніяхъ къ евреямъ. Вотъ это письмо:

Въ газетѣ «XX Вѣкъ» отъ 26 іюня за № 88, въ статьѣ г. Владимірова «Погромъ въ Бѣлостокѣ», упомянута моя фамилія, яркими красками описана моя ненависть къ евреямъ и прямо-таки нечеловѣчные поступки, какъ начальника команды въ 50 человѣкъ. Эта часть описанія, отнесенная по моему адресу, есть гнуснѣйшая ложь и клевета, а истина извращена до невозможности! На самомъ дѣлѣ мое участіе въ этомъ дѣлѣ было слѣдующее.

Прежде всего никакимъ отрядомъ въ 50 человѣкъ я не командовалъ и командовать не могъ, такъ какъ съ 1 іюня мнѣ данъ по болѣзни отпускъ, а роту я сдалъ окончательно еще 30 мая; упоминаемый въ той же статьѣ офицеръ «Кубѣевъ»[1])—мнѣ неизвѣстенъ и по спискамъ въ полку такой не числится.

2 іюня, около 5 час. вечера, я, въ кругу семей двухъ моихъ товарищей у себя же въ квартирѣ, сидѣлъ и пилъ чай; во всемъ городѣ было совершенно

---

[1]) Фамилія „Кубѣевъ"—опечатка газеты: слѣдуетъ читать „Бакѣевъ"
В. Владиміровъ.

спокойно и только изрѣдка слышались отдѣльные выстрѣлы по направленію Суражской ул. Мое пребываніе въ эти дни въ городѣ было чисто случайнымъ, вслѣдствіе полной невозможности выѣхать; квартира моя находится по Николаевской ул. въ д. Янушкевича; его же фруктовый садъ, съ огородомъ во всю длину прилегаетъ къ пустопорожнему участку лѣсопильнаго завода Заблудовскаго; противъ конца этого огорода, на заводскомъ пустырѣ, стоялъ пустой, заколоченный деревянный домъ (а не домикъ) съ мезонинами на чердакахъ. Квартиры въ домахъ Янушкевича по большей части заняты семьями офицеровъ и чиновниковъ; въ числѣ жильцовъ состоятъ и четыре семьи евреевъ. Въ названное выше время изъ сада Янушкевича по флигелямъ квартиръ неожиданно была открыта сильнѣйшая стрѣльба изъ браунинговъ; войскъ въ этомъ раіонѣ, за исключеніемъ охраны ближайшаго полицейскаго участка въ 10—12 чел. 63 Углицкаго полка,—не было никакихъ. Оказалось, что человѣкъ тридцать евреевъ забрались въ садъ Янушкевича и открыли стрѣльбу; одновременно подвергалась обстрѣлу и охрана участка, находившаяся безоружною на дворѣ противъ зданія лѣсопильнаго завода. Переполохъ и сумятица получились невообразимые: всѣ съ криками отчаянія бросились спасаться, куда попало, а семьи евреевъ прямо къ намъ въ квартиры, умоляя спасти ихъ (это отъ своихъ же!). Кое-какъ я съ тремя-четырьмя нижними чинами казенной офицерской прислуги съ ружьями бросился къ саду и выстрѣлами прогналъ разбойничью шайку на заводскій пустырь; въ саду уже присоединилось къ намъ той же казенной прислуги еще человѣка

четыре. Проскочивши въ проломъ, сдѣланный шайкой въ садовой оградѣ, мы увидѣли, что часть стрѣлявшихъ убѣгала по направленію Суворовской ул., а часть, отстрѣливаясь, скрылась въ пустопорожнемъ домѣ, откуда все же продолжала стрѣлять. Въ это же время съ другой стороны пустыря выскочила и охрана полицейскаго участка. На выстрѣлы изъ дома нижніе чины отвѣчали выстрѣлами; на крики, чтобы выходили изъ зданія, со стороны засѣвшихъ тоже слѣдовали выстрѣлы. Отъ дома я стоялъ шагахъ въ ста и болѣе, нѣкоторые нижніе чины немного ближе; къ дому рѣшительно не подходилъ никто, да за выстрѣлами оттуда и невозможно было. Въ это время на крышѣ показался дымъ, а потомъ и огонь; вскорѣ же, какъ показался огонь, ясно стали слышны взрывы патроновъ. На крики выходить съ предупрежденіемъ, что никого не тронутъ, наконецъ, вышли скрывавшіеся: впереди человѣкъ 14 мужчинъ, а затѣмъ до 30 женщинъ и дѣтей; отойдя немного отъ горѣвшаго зданія, всѣ мужчины евреи бросились врассыпную убѣгать, при чемъ были нѣкоторыми произведены выстрѣлы; только на выстрѣлы нижніе чины вновь тоже стали стрѣлять, и въ результатѣ получилось 6 чел. убитыми и ранеными. Это произошло настолько быстро и неожиданно, что остановить стрѣльбу не было никакой возможности; часть убѣгавшихъ была задержана. Женщины и дѣти бросились обратно въ горѣвшее зданіе, откуда съ большимъ трудомъ удалось ихъ вывести и направить въ ближайшіе дома. Больше стрѣльбы не было. До выхода женщинъ и дѣтей со стороны казармъ показался дозоръ; эти люди не сдѣлали ни одного вы-

стрѣла ни по дому, ни по убѣгавшимъ; не принимала тоже никакого участія и полурота Казанскаго полка, остановленная на Николаевской ул. Жандармовъ и полиціи не было вовсе.

Прибывшіе пожарные, за массою взрывавшихся патроновъ, не имѣли никакой возможности проникнуть въ горѣвшее зданіе, а съ наступленіемъ темноты должны были и вовсе прекратить тушеніе, такъ какъ со стороны пустырей и самаго зданія завода по нимъ усиленно открыли стрѣльбу. Съ вечера и всю ночь въ этомъ раіонѣ, да и по всему городу, производилась по войскамъ усиленная стрѣльба.

Этимъ и только на этомъ мѣстѣ и ограничивается мое участіе (а вѣрнѣе присутствіе) въ бѣлостокскихъ безпорядкахъ. Лично я не произвелъ ни одного выстрѣла и въ моемъ присутствіи нижніе чины отвѣчали только на выстрѣлы. 3 іюня вечеромъ я выѣхалъ изъ города, увозя подъ своей охраной семью изъ пяти человѣкъ еврея Андурскаго, проживающаго во второмъ этажѣ надъ моей квартирой. Послѣ выяснилось: 1) что необитаемый домъ былъ прекрасно забаррикадированъ и въ изобиліи снабженъ патронами и 2) что изъ шести убитыхъ—трое были извѣстные анархисты. До первыхъ чиселъ іюня я тоже никакого участія въ бѣлостокскихъ событіяхъ принимать не могъ, такъ какъ былъ въ долговременной командировкѣ и возвратился въ полкъ очень недавно. И вотъ, за это невольное участіе и вынужденное присутствіе я попалъ въ число «самыхъ непримиримыхъ къ евреямъ» и въ «поджигатели».

Предлагаю г. Владимірову выяснить и отвѣтить на слѣдующее.

1) указать тѣхъ очевидцевъ, которые видѣли самый поджогъ и слышали отдаваемое мною приказаніе въ поджогѣ; 2) почему засѣвшіе въ домѣ допустили поджигателя въ мезонинъ и не остановили, ихъ было не менѣе 30—40 чел., они не могли не видѣть его; 3) для чего понадобилось устроить нападеніе на мирныхъ обывателей, а затѣмъ, укрывшись въ забаррикадированномъ домѣ, вновь открыть стрѣльбу и 4) наконецъ, почему стрѣляли по пожарнымъ, которыхъ прямо-таки вынудили прекратить тушеніе??? Мнѣ кажется яснымъ, что если бы домъ не сгорѣлъ, то обнаружился бы складъ патроновъ, баррикады и какая-то тайная лабораторія, о чемъ можно догадываться по найденнымъ мѣднымъ ретортамъ, трубамъ и скрытомъ въ простой печкѣ кубѣ.

3 іюля 1906 г.
Мѣст. Свислочь.
Гродн. г. Волковыск. у.

64-го п. Казанскаго полка,
кап. *Озоль.*»

Достигаетъ ли желаемаго это письмо? Убѣждается ли имъ читатель, что капитанъ Озоль не виноватъ въ томъ, что были убиты на дворѣ сгорѣвшаго дома 7 человѣкъ и, кромѣ того, одинъ сгорѣлъ внутри дома, а по свѣдѣніямъ Думской комиссіи сгорѣло больше, именно 3 человѣка?

Относительно этого печальнаго происшествія на лѣсопильномъ дворѣ капитанъ не отрицаетъ, что онъ тамъ присутствовалъ и что подъ его командой нахо-

дилось нѣсколько солдатъ, взятыхъ имъ по дорогѣ; не отрицаетъ, что было убито солдатами 6 человѣкъ.

Но всѣ военныя и кровавыя дѣйствія онъ объясняетъ тѣмъ, что евреи стрѣляли изъ сада Янушкевича въ домъ, гдѣ были офицерскія квартиры; что евреи подвергли обстрѣлу охрану полицейскаго участка, что евреи, бросившись врассыпную, произвели выстрѣлы, и только на эти выстрѣлы нижніе чины тоже стали стрѣлять и убили 6 человѣкъ, и что евреи, стрѣляя изъ горѣвшаго дома, не допустили пожарную команду тушить пожаръ.

Это утвержденіе о вооруженныхъ дѣйствіяхъ евреевъ, являющееся исходной точкой критерія правильныхъ или не правильныхъ дѣйствій военачальника, совершенно расходится со всѣмъ матеріаломъ, добытымъ какъ Думской комиссіей, такъ и другими изслѣдовавшими лицами.

Думская комиссія по этому поводу пишетъ:

«Вопреки офиціальнымъ донесеніямъ, въ этомъ домѣ никакихъ революціонеровъ не было и никакой стрѣльбы оттуда не производилось. О стрѣльбѣ изъ этого дома по полицейскому участку не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ сожженный солдатами домъ отстоитъ отъ полицейскаго участка шаговъ на 300—400 и отдѣленъ отъ него двухэтажнымъ каменнымъ флигелемъ».

Но за то письмо кап. Озоля совершенно сходится во всѣхъ деталяхъ съ офиціальнымъ донесеніемъ Бадера къ военному министру, котораго несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью успѣло уже выясниться читателю вполнѣ доказательно.

О немъ достаточно высказалась не только пресса,

УБИТАЯ СЕМЬЯ АЙНШТЕЙНЪ.

но и общественное мнѣніе въ Бѣлостокѣ, выразившееся въ думскомъ засѣданіи по этому поводу и въ общей забастовкѣ всѣхъ рабочихъ, какъ протестѣ противъ правительственнаго сообщенія, извращавшаго истину.

Письмо капитана Озоля, по своей несущественности, недоказательности напоминая собою сообщеніе Бадера, производитъ на читателя въ общемъ такое же впечатлѣніе, какое произвело на общество донесеніе ген. Бадера. Надо думать, что, писавши это письмо, капитанъ Озоль чувствовалъ себя правымъ только потому, что получилъ отъ высшаго начальства въ приказѣ благодарность вмѣстѣ со всѣми войсками, дѣйствовавшими во время погрома. Это придало ему смѣлость счесть, что во всемъ виноваты евреи, стрѣлявшіе по войскамъ, а онъ вмѣстѣ съ набранными солдатами отражалъ лишь ихъ вооруженное нападеніе.

Капитанъ Озоль требуетъ «выяснить и отвѣтить» на вопросы:

1) почему евреи стрѣляли по пожарнымъ?

Отвѣчаю: никто не стрѣлялъ.

2) Почему понадобилось устроить нападеніе на мирныхъ обывателей, а затѣмъ, укрывшись въ забаррикадированномъ домѣ, вновь открыть стрѣльбу?

Отвѣчаю: никто не нападалъ и не стрѣлялъ.

3) Почему засѣвшіе въ домѣ допустили поджигателя въ мезонинъ и не остановили?

Отвѣчаю: потому что евреи не были вооружены, а противъ пуль и штыковъ нельзя бороться съ голыми руками.

4) Указать очевидцевъ,

Отвѣчаю: я могу указать очевидцевъ только лишь суду, и то подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы лицамъ показывающимъ была гарантирована полная неприкосновенность личности.

Относительно этой неприкосновенности личности свидѣтелей я потому такъ настойчиво указываю, что имѣю сообщеніе изъ Бѣлостока, что уже арестованъ одинъ нижній чинъ въ предположеніи, что онъ мнѣ давалъ разныя свѣдѣнія.

Нужно сказать, что военное начальство ошиблось, Тотъ человѣкъ ничего мнѣ не сообщалъ; возможность же попасть подъ арестъ за показанія и понести за это кару уничтожаетъ всякую попытку выяснить дѣйствительность.

Я не думаю, чтобы я ставилъ условіе, которое затруднило бы кап. Озоля. Пусть онъ привлечетъ меня къ суду. Я представлю и теперь рядъ убѣдительныхъ доказательствъ неправоты его утвержденій и достаточное количество свидѣтелей. Но я надѣюсь имѣть возможность представить на судъ и *всѣхъ* свидѣтелей, которыхъ показанія имѣю, ибо ко времени этого процесса неприкосновенность личности, я хочу надѣяться, станетъ у насъ уже фактомъ.

ОФИЦІАЛЬНОЕ ДОНЕСЕНІЕ ГЕНЕРАЛА БАДЕРА ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ИЗЪ БѢЛОСТОКА ОТЪ 9 ІЮНЯ.

«Вашему превосходительству доношу, что 1 іюня христіане, озлобленные бомбами и выстрѣлами въ православную и католическую процессіи, начали громить еврейскія лавки и нѣкоторыя квартиры. Благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ и немедленному выводу остальныхъ войскъ гарнизона, погромъ скоро прекращенъ. 2 іюня были только отдѣльные случаи погромовъ. Христіанъ убито 3, ранено 7, евреевъ убито 78, ранено 84. Ночью 2 іюня и особенно 4 іюня анархисты и бундисты обстрѣливали разные правительственные дома и вокзалъ желѣзной дороги; вслѣдствіе надлежащаго отпора эти агрессивныя дѣйствія евреевъ прекратились. Поведеніе войскъ примѣрное, вслѣдствіе чего удалось такъ скоро прекратить погромы. Нареканія въ газетахъ—ложь, жители успокаиваются, много имущества возвращено, положеніе пока серьезное, раненыхъ солдатъ 3. Генералъ *Бадеръ*».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Перваго сего іюня въ городѣ Бѣлостокѣ произошли печальные безпорядки, имѣвшіе слѣдствіемъ причиненіе смерти 82 лицамъ, въ томъ числѣ 7 христіанамъ и 75 евреямъ, пораненіе 78 лицъ, въ томъ числѣ 18 христіанъ и 60 евреевъ и, наконецъ, разгромъ 169 квартиръ и лавокъ, принадлежащихъ еврейскому населенію, съ убыткомъ по приблизительному исчисленію на сумму около 200,000 руб.

Въ видахъ скорѣйшаго полученія точныхъ свѣдѣній о причинахъ этихъ безпорядковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ въ городъ Бѣлостокъ члена своего совѣта въ должности шталмейстера двора Его Императорскаго Величества Фриша.

На основаніи собранныхъ этимъ путемъ и другихъ, имѣющихся въ распоряженіи правительства, данныхъ, печальное событіе 1-го іюня, въ связи съ его причинами, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Городъ Бѣлостокъ, насчитывающій около ста тысячъ жителей, сдѣлался за послѣдніе годы главнѣйшимъ центромъ революціоннаго движенія въ Западномъ краѣ. Въ средѣ мѣстнаго населенія, въ которомъ евреи составляютъ до 70%, сложились многочисленныя революціонныя организаціи, въ томъ числѣ и крайнія анархическія, которыя, не считаясь нисколько съ интересами мирной и трудящейся части жителей, настойчиво стремятся къ достиженію своихъ цѣлей путемъ самовооруженія и посягательствъ, направленныхъ противъ полиціи и воинскихъ командъ, охраняющихъ общественный порядокъ и препятствующихъ

развитію противогосударственной дѣятельности этихъ организацій. Члены послѣднихъ усвоили себѣ даже нѣкоторое внѣшнее отличіе одежды, обозначающее ихъ принадлежность къ организаціи, и сосредоточились на одной изъ улицъ города—Суражской,—не допуская появленія на ней ни полиціи, ни воинскихъ командъ.

Преступная дѣятельность этихъ революціонныхъ кружковъ особенно усилилась съ 1905 года, выразившись въ цѣломъ рядѣ убійствъ и покушеній на убійства должностныхъ лицъ мѣстной полиціи и воинскихъ командъ. Начиная съ покушенія на убійство полицеймейстера Метленко, сюда относятся: убійство 21-го февраля близъ города уѣзднаго исправника Ельчина, пораненіе 8-го іюня полицеймейстера Пеленкина, пораненіе бомбой 21-го іюля помощника полицеймейстера Губскаго и пристава Жулкевича, пораненіе 24-го августа пристава Самсонова, убійство въ разное время городовыхъ Мозгера, Монѣшко, Баранцевича и пораненіе околоточныхъ надзирателей Савицкаго и Констицкаго, а равно восьми городовыхъ.

Ослабѣвъ съ введеніемъ въ сентябрѣ прошлаго года военнаго положенія, террористическія дѣйствія возобновились съ новой силой, какъ только 1-го марта нынѣшняго года отмѣнено было въ Бѣлостокѣ дѣйствіе этого положенія. Не говоря уже о постоянныхъ случаяхъ стрѣльбы по воинскимъ патрулямъ и разъѣздамъ, съ этого момента начинается новый рядъ убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ. 4-го марта раненъ приставъ Райскій и убитъ помощникъ пристава Кульчицкій. 18-го марта убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ Рыбанскій и вахмистръ Сыролевичъ, 29-го апрѣля совершено покушеніе на

убійство городового Давыдова, затѣмъ въ маѣ въ разное время ранены городовые Зеневичъ и Алексѣйчукъ, убитъ городовой Шейманъ, ранены три рядовыхъ Владимірскаго полка, убитъ казакъ Лопатинъ, 28-го мая на Суражской улицѣ выстрѣлами, произведенными изъ толпы, убитъ полицеймейстеръ Деркачевъ, и, наконецъ, 29-го мая убитъ рядовой Арсеньевъ; за это же время совершено шесть террористическихъ нападеній на квартиры фабрикантовъ и банкирскую контору, сопровождавшихся бросаніемъ бомбъ.

Всего же съ 1-го марта по 1-е іюня 1906 года возбуждено по городу Бѣлостоку сорокъ пять слѣдственныхъ производствъ по преступленіямъ террористическаго свойства, направленнымъ противъ должностныхъ и частныхъ лицъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ виновники этихъ посягательствъ остались однако необнаруженными, такъ какъ очевидцы, опасаясь мести со стороны террористовъ, уклоняются отъ дачи какихъ-либо показаній.

Рядъ означенныхъ посягательствъ, а также другія насильственныя дѣйствія, направленныя противъ мирныхъ жителей, не исключая евреевъ, повергли населеніе Бѣлостока въ паническое состояніе, а совершенное 29-го мая убійство полицеймейстера Деркачева, пользовавшагося общимъ уваженіемъ всего мирнаго населенія города, какъ христіанъ, такъ и евреевъ, довело панику, а вмѣстѣ и озлобленіе противъ нарушителей порядка, до крайняго напряженія. Въ городѣ стали распространяться слухи, что террористы намѣрены истребить всѣхъ должностныхъ лицъ, и одновременно возникли толки о предстоящемъ погромѣ еврейскаго населенія, изъ среды котораго исходили

по общему убѣжденію эти посягательства. Между тѣмъ наряду съ развитіемъ тревожныхъ слуховъ и безпокойства въ населеніи, шло разстройство полиціи, которая съ каждымъ днемъ ухудшалась въ личномъ своемъ составѣ. Лучшіе люди были убиты, ранены или изувѣчены, или оставили службу, опасаясь за свою жизнь. На ихъ мѣсто, особенно на должности городовыхъ, приходилось, за отсутствіемъ желающихъ, назначать лицъ, нерѣдко совершенно неподготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей и при томъ постоянно мѣнявшихся. Съ іюня 1905 года на должности бѣлостокскаго полицеймейстера смѣнилось семь лицъ, причемъ три чиновника полиціи, которымъ предлагалась эта должность, отъ нея отказались; за то же время перемѣнилось пять лицъ въ должности помощника полицеймейстера; равнымъ образомъ смѣнялся постоянно и составъ приставовъ и ихъ помощниковъ; послѣднихъ приходилось даже прикомандировывать иаъ разныхъ частей губерніи къ временному исправленію должностей, занять которыя не было желающихъ Всѣ эти обстоятельства породили то состояніе угнетенности и апатіи, въ которое пришла бѣлостокская полиція, не рѣшавшаяся даже показываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ города; такъ, на Суражской улицѣ, гдѣ сосредоточивались по преимуществу революціонныя организаціи, пришлось снять всѣ полицейскіе посты, такъ какъ стоявшіе на нихъ чины полиціи неизбѣжно дѣлались жертвами преступныхъ посягательствъ.

Напряженное состояніе городского населенія и разстройство полиціи создавали, такимъ образомъ, обстановку, въ которой всякаго рода безпорядки могли

вспыхнуть съ огромной силой при малѣйшемъ къ тому поводѣ. Этимъ поводомъ и явилось 1-го іюня новое дерзкое посягательство враговъ общественнаго порядка, которое дало толчекъ взрыву негодованія всего христіанскаго населенія.

Въ этотъ день въ Бѣлостокѣ обычно совершаются два религіозныя торжества: православный крестный ходъ, въ память возсоединенія съ православною церковью уніатовъ, и католическая церковная процессія, по случаю праздника «Тѣла Божія», привлекающія не только населеніе города, но также и много жителей изъ окрестныхъ селеній. По случаю ожидавшагося стеченія народа и въ виду тревожнаго настроенія приняты были чрезмѣрныя мѣры къ охранѣ порядка; въ городъ командированъ былъ дополнительный составъ полиціи и кромѣ того, по соглашенію полицеймейстера съ военными властями, усиленъ обычный воинскій нарядъ, съ раздѣленіемъ города на два участка, подчиненныхъ въ отношеніи воинской охраны особымъ начальствующимъ лицамъ, подъ общимъ руководствомъ начальника пѣхотной дивизіи.

Не взирая на всѣ эти мѣры, при шествіи крестнаго хода и процессіи въ слѣдовавшую за ними, а затѣмъ въ расходившуюся по окончаніи процессіи въ толпу брошены были въ двухъ-трехъ мѣстахъ разрывные снаряды и одновременно произведено обстрѣливаніе процессій и толпы изъ револьверовъ. Отъ разрыва брошенныхъ снарядовъ пострадали находящіеся нынѣ на излеченіи въ мѣстной больницѣ сторожъ городского училища Станиславъ Милюсскій и три женщины (изъ коихъ двѣ—жены городовыхъ) Анна Демидюкъ, Александра Миньковская и Марія Комми-

сарюкъ; фактъ пораненія Милюсскаго и Миньковской именно осколками разрывного снаряда, установленный показаніями потерпѣвшихъ, удостовѣренъ также и актомъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія, произведеннаго врачами Ждановымъ, Грановскимъ и Розенталемъ и ординаторомъ еврейской больницы Эпштейномъ. Эти дерзкія и кощунственныя преступленія имѣли слѣдствіемъ прибытіе на мѣсто воинскихъ частей и обстрѣливаніе ими домовъ, изъ которыхъ, какъ предполагалось, произведены были выстрѣлы въ процессію. Почти одновременно вспыхнулъ со стихійною силою погромъ христіанскимъ населеніемъ евреевъ безъ разбора праваго и виноватаго; мѣстами нападеніе громилъ вызвало вооруженный отпоръ евреевъ, что еще болѣе усилило ярость возбужденной толпы.

Прослѣдить самый ходъ погрома то затихавшаго, то возобновляющагося въ разныхъ частяхъ города и различить въ заявленіяхъ пострадавшихъ лицъ истину отъ вольныхъ и невольныхъ измышленій можетъ конечно лишь судебное слѣдствіе, которое и ведется со всей возможной быстротой. Признавая до окончанія слѣдствія всякія утвержденія по этому предмету преждевременными, правительство можетъ пока считать установленнымъ лишь то обстоятельство, что погромъ производился по преимуществу отдѣльными небольшими кучками громилъ изъ среды городского и сельскаго населенія, нападавшими на еврейскіе дома и магазины въ тѣхъ по преимуществу мѣстахъ, гдѣ не имѣлось войскъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ разгромы эти прекращались своевременно прибывавшими войсковыми частями, и къ шести часамъ вечера

городъ былъ очищенъ отъ погромщиковъ, и на главнѣйшихъ въѣздахъ выставлены воинскіе патрули для недопущенія жителей окрестныхъ селеній, устремившихся въ городъ, какъ только разнеслась вѣсть о погромѣ. Стихнувшій къ вечеру погромъ вновь вспыхнулъ на слѣдующій день, выразившись въ попыткахъ разграбленія лавокъ, и затѣмъ въ неожиданномъ нападеніи многочисленной толпы на евреевъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, гдѣ, за сосредоточеніемъ войскъ въ центрѣ города, оставался лишь совершенно ничтожный по численности караулъ. Затѣмъ съ половины этого дня возникли нападенія на войска со стороны мѣстныхъ революціонныхъ организацій, закончившіяся лишь ночью на 4-е іюня. Нападенія эти выражались въ обстрѣливаніи воинскихъ патрулей и зданій полицейскихъ участковъ и штабовъ 16-й пѣхотной и 4-й кавалерійской дивизій и государственнаго банка, причемъ получили пораненія три нижнихъ чина; въ отвѣтъ на это войска обстрѣливали дома, изъ которыхъ были направлены выстрѣлы, причемъ, конечно, жертвами стрѣльбы могли дѣлаться не только лица, виновныя въ вооруженномъ нападеніи, но и мирные жители, находившіеся въ этихъ домахъ.

Всѣ полученныя путемъ разслѣдованія данныя приняты уже въ основаніе мѣръ, направленныхъ къ возстановленію нормальной дѣятельности мѣстныхъ властей. Что касается лицъ, виновныхъ въ учиненіи самаго погрома, пособниковъ ихъ и подстрекателей, то для обнаруженія, сужденія и наказанія ихъ судебныя учрежденія, безъ сомнѣнія, воспользуются всей полнотой предоставленной имъ власти, причемъ со стороны правительства оказано будетъ всякое содѣйствіе къ

тому, чтобы ни одно лицо, виновное въ печальныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Бѣлостокѣ, не избѣгло ни суда, ни наказанія.

Отвергая съ глубокимъ негодованіемъ распространяемые въ обществѣ слухи о томъ, что еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ былъ подготовленъ съ вѣдома и при участіи мѣстной администраціи и войскъ, правительство долгомъ считаетъ выразить свое убѣжденіе въ томъ, что причину этого печальнаго событія слѣдуетъ искать прежде всего въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, которыя непрерывнымъ рядомъ преступныхъ посягательствъ, направленныхъ противъ властей и противъ частныхъ лицъ, довели мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроили полицію, не имѣвшую вслѣдствіе этого возможности предупредить и во время остановить начавшіеся безпорядки.

ДОКЛАДЪ КОМИССІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ О БѢЛОСТОКСКОМЪ ПОГРОМѢ.

Комиссія Государственной Думы по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, заслушавъ докладъ командированныхъ, согласно постановленію Государственной Думы отъ 2-го іюня 1906 г., для изслѣдованій на мѣстѣ событій въ г. Бѣлостокѣ, гг. членовъ Государственной Думы М. П. Араканцева, Е. Н. Щепкина и В. Р. Якубсона, нашла:

Въ г. Бѣлостокѣ 1-го іюня начался погромъ, продолжавшійся по 3-е іюня и сопровождавшійся значительнымъ числомъ убійствъ и тяжкихъ пораненій, уничтоженіемъ и грабежомъ имущества, принадлежащаго евреямъ. Точное количество убитыхъ и раненыхъ до сего времени не установлено, такъ какъ часть убитыхъ вывезена изъ города и не доставлена въ больницы, многіе раненые пользовались врачебною помощью на дому. Доставлено въ больницы: еврейскую — 82 трупа убитыхъ евреевъ (въ томъ числѣ 3 сгорѣвшихъ) и около 70 раненыхъ, а въ христіанскую 6 убитыхъ не-евреевъ и 12 раненыхъ.

Обстоятельства, при которыхъ возникъ погромъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

О предполагавшемся погромѣ въ Бѣлостокѣ ходили слухи еще за нѣсколько дней до 1-го іюня. Предстоящій погромъ связывали со смертью убитаго 28-го

мая бѣлостокскаго полицеймейстера Деркачева. Убійство послѣдняго чрезвычайно загадочно. Деркачевъ пользовался большимъ расположеніемъ со стороны евреевъ, его называли даже еврейскимъ полицеймейстеромъ; онъ былъ противникомъ всякихъ насилій и погромовъ. Такъ, 21-го мая генералъ Богаевскій приказалъ Деркачеву отправиться на Суражскую улицу, гдѣ солдаты будто завели съ жителями драку; когда Деркачевъ появился туда, то очень быстро успокоилъ всѣхъ, но у него произошло довольно серьезное столкновеніе съ приставомъ Шереметовымъ, который представлялъ полную противоположность Деркачеву. Послѣдній не только самъ просилъ губернатора объ удаленіи Шереметова, но даже обращался за содѣйствіемъ къ уважаемымъ въ обществѣ лицамъ. Населеніе не любило Шереметова и относилось къ нему подозрительно. Предыдущія убійства чиновъ полиціи въ Бѣлостокѣ послужили ближайшими причинами раздраженія полиціи противъ еврейскаго населенія, которое они обвиняли въ убійствѣ. Независимо отъ этого мѣстная организація «истинно-русскихъ людей» проповѣдывала, что евреи — враги русскаго государства, что все зло, вся смута и неурядицы исходятъ отъ евреевъ, или обязаны ихъ агитаціи. Поэтому «борьба съ еврействомъ—это борьба съ крамолой, терзающей родину; побѣда надъ еврействомъ—побѣда надъ крамолой, а затѣмъ наступятъ миръ и спокойствіе». Эти взгляды находили прежде всего откликъ въ полицейскихъ чинахъ, а потомъ въ темныхъ массахъ, которыми руководила полиція. Незадолго до погрома образовались два лагеря: въ одномъ полиція и примыкающая къ ней «черная сотня», въ другомъ

еврейство и лица, принадлежащія къ освободительному движенію. Послѣднія считались общими врагами Россіи и существующаго строя и одинаково не пользовались расположеніемъ властей съ ея агентами. Существованіе помимо бунда также и анархистской партіи въ Бѣлостокѣ (Суражская улица была особенно нелюбима полиціей, куда она боялась показываться) не были тайной для полиціи, которая приписывала существованіе ея исключительно еврейству. Еврей и крамольникъ, по мнѣнію полиціи, были синонимами и обобщены въ одномъ терминѣ—революціонеры. Съ революціонерами же нужно было бороться, ихъ нужно было истребить. Для этого то и подготовлялся боевой матеріалъ въ средѣ войска посредствомъ черносотенной агитаціи. Среди солдатъ появились прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что слѣдуетъ убивать крамольниковъ, что Государственная Дума — жидовская, что революціонеры идутъ противъ царя и т. д. (образцы прокламацій смотри въ приложеніяхъ).

Еще 30 мая въ одной изъ полковыхъ канцелярій приказано было фельдфебелямъ сообщить солдатамъ, что 1 іюня будутъ православная и католическая процессіи, что евреи бросятъ бомбу и будетъ погромъ.

Вмѣстѣ съ этимъ также и городовые распространяли по городу свѣдѣнія о предстоящемъ погромѣ; съ ихъ словъ объ этомъ говорила прислуга, объ этомъ знало бѣлостокское населеніе. Нѣкоторые были настолько увѣрены въ неминуемости прогрома, что выслали свои семьи изъ города.

Какъ полиція смотрѣла на евреевъ, можно видѣть изъ разговора пристава Шереметова съ представите-

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ШИМОЙ ЭПШТЕЙНЪ

лями еврейскаго общества, ведшими съ нимъ переговоры по поводу возложенія вѣнка на гробъ Деркачева. «Что? вѣнокъ отъ евреевъ? Никогда! Мы христіане, а не евреи-кровопійцы, вы кровь проливаете, а затѣмъ вѣнки возлагаете. Нѣтъ, этому не быть, я этого не допущу». При этомъ Шереметовъ говорилъ о протестѣ полиціи противъ возложенія вѣнка; когда же представители добивались, въ чемъ выразится протестъ, то онъ сказалъ, что «если же вы все-таки возложите вѣнокъ на гробъ, то будете черезъ два дня жалѣть объ этомъ». Не лучше говорилъ представителямъ еврейскаго ебщества и гродненскій губернаторъ Кистеръ, къ которому встревоженное еврейское общество послало особую депутацію. Онъ указывалъ на ненависть полиціи къ евреямъ, которые стрѣляютъ въ полицію, что убійцы несомнѣнно евреи и т. п. «Мнѣ ежедневно» продолжалъ губернаторъ, «приходится разсматривать политическія дѣла и все это дѣла евреевъ; евреи и въ солдатъ стрѣляютъ, и злоба въ войскахъ растетъ и можетъ наступить моментъ, когда съ разросшейся въ войскѣ злобой нельзя будетъ справиться»; что если бы онъ самъ былъ на похоронахъ Деркачева и раздался бы выстрѣлъ, то онъ отдалъ бы приказъ стрѣлять по городу; что за четвергъ, 1 іюня, онъ ручается, но за будущее—нѣтъ; что въ Бѣлостокѣ было не военное положеніе, а одно недоразумѣніе; что при военномъ положеніи должны дѣйствовать военные суды и т. п. Мѣстный начальникъ гарнизона генералъ фонъ-Бадеръ также былъ убѣжденъ, что еврейское общество повинно въ метаніи бомбъ. Такимъ образомъ и губернаторъ зналъ о гото-

вящемся погромѣ, и зналъ при томъ не отъ зависимыхъ отъ него мѣстныхъ властей, а отъ представителей общества, которые не скрывали отъ него истиннаго положенія вещей.

Переходя къ отношеніямъ христіанъ-обывателей къ еврейскому населенію, то, по общему свидѣтельству, они представлялись совершенно нормальными и никогда не подавали повода къ какимъ-либо опасеніямъ насчетъ возможнаго столкновенія; никакой вражды на почвѣ національной, религіозной или экономической не существовало. Даже конкуренція въ фабричномъ трудѣ между еврейскими и христіанскими рабочими не вызвала столкновеній; несмотря на неоднократныя попытки полиціи обострить ихъ отношенія и даже довести до открытой борьбы, противоположность интересовъ группъ сглаживалась соглашеніями на вполнѣ мирной почвѣ. Все это устанавливается единодушными показаніями свидѣтелей какъ христіанъ, такъ и евреевъ, а также и единогласнымъ заключеніемъ частнаго совѣщанія бѣлостокской городской думы отъ 5 іюня 1906 года.

Подготовленіе къ погрому между тѣмъ все шло.

31 мая состоялся общій приказъ по 16-й пѣхотной дивизіи о распредѣленіи 1 іюня войскъ въ г. Бѣлостокѣ сверхъ ежедневно назначаемыхъ нарядовъ.

Городъ распредѣленъ на сѣверный и южный раіоны съ назначеніемъ для нихъ начальниковъ, а именно — для сѣвернаго — полковника Войцеховскаго, для южнаго—полковника Буковскаго. Общее же руководство начальникъ дивизіи оставилъ за собой. Въ этомъ же

приказѣ подробно изложены и правила, какими должны руководствоваться войска.

Наступилъ четвергъ, 1 іюня. Въ городъ прибыли православныя церковныя процессіи изъ окрестныхъ селъ и образовали одну огромную процессію, которая предприняла шествіе отъ собора по Липовой, Николаевской и Александровской улицамъ. Въ этотъ же день назначена была и католическая процессія отъ костела до кладбища св. Роха. Стеченіе народа было большое. Когда православная процессія съ Александровской улицы начала поворачивать на Институтскую, то близъ углового дома Рахитеса изъ сосѣднихъ домовъ Фальмана и Маковскаго раздались выстрѣлы, а затѣмъ нѣкоторые будто бы видѣли даже, что «было что-то брошено, которое шипѣло». Произошла паника, многіе побросали на мостовую иконы и хоругви. Оказалось, что здѣсь, на Александровской улицѣ, были ранены: Миньковская и Демидюкъ. Немедленно же появились здѣсь войска, которыя, повидимому, находились по сосѣдству, въ отдѣленіи государственнаго банка, и начали обстрѣливать означенные дома и даже находящееся по сосѣдству казначейство. Войска появились и открыли пальбу настолько быстро, что толпа еще не успѣла разбѣжаться отъ смятенія. Относительно Миньковской всѣ врачи удостовѣрили, что она ранена разорвавшимся снарядомъ. Тотчасъ же послѣ первыхъ выстрѣловъ, толпа хулигановъ напала на христіанскую аптеку въ домѣ Рахитеса, разгромила ее, а равно и сосѣднія еврейскія квартиры и лавки, а также произвела первыя избіенія евреевъ. Когда же остатки православной процессіи вернулись уже въ церковь, и

толпа громилъ приблизилась къ Суражской улицѣ, то на углу этой улицы и площади была брошена бомба, отъ которой однако никто не пострадалъ. Она была брошена, вѣроятно, потому, чтобы удержать направившихся туда хулигановъ, которые дѣйствительно отъ взрыва разбѣжались. Не пошли на эту улицу и городовые, а также и солдаты; послѣдніе лишь обстрѣливали ее съ Базарной площади. Какъ по сигналу, быстро возникъ погромъ во многихъ мѣстахъ. Съ необыкновенной быстротою распространялись сказанія о томъ, что убиты православный священникъ и католическій ксендзъ, что евреи стрѣляли въ иконы, что убита была ими женщина и т. п. ужасы. Нашелся къ услугамъ и литераторъ, гродненскій чиновникъ Стукаличъ, который офиціально телеграфировалъ всему міру о творимыхъ евреями злодѣяніяхъ. Этимъ нелѣпымъ свѣдѣніямъ повѣрили и многіе офицеры, которые грозили потрепать евреевъ.

Необходимо замѣтить, что между офицерами и хулиганами въ эти дни иногда не было той пропасти, которая должна была ихъ отдѣлять. Такъ, когда толпа хулигановъ шла по Базарной улицѣ, то два офицера подозвали ее къ себѣ и о чемъ-то добродушно бесѣдовали съ ней; затѣмъ толпа направилась было на Липовую улицу, но одинъ изъ офицеровъ махнулъ рукой на Николаевскую улицу, куда толпа и двинулась. Понимавшій по движенію руки городовой отставшихъ отъ ушедшей толпы уже самъ направлялъ на Николаевскую улицу, а спустя немного времени выведена была рота, которая начала обстрѣливать Николаев-

скую улицу, гдѣ работали хулиганы, вполнѣ увѣренные, что выстрѣлы предназначены не для нихъ.

Наблюдались, какъ обычныя, такія явленія: хулиганы вмѣстѣ съ городовыми громили лавки и расхищали товаръ, а солдаты шли позади и обстрѣливали улицы, если на нихъ появлялся какой-либо еврей; хулиганы же оставались невредимыми и продолжали дѣлать свое дѣло. Грабили не только хулиганы и городовые, но нерѣдко и солдаты. Напримѣръ, былъ такой случай, когда одинъ солдатъ набралъ столько разныхъ вещей, что просилъ другого солдата подпоясать его шинель, дабы не выпали вещи, что тотъ охотно и исполнилъ.

Начиная съ четверга и до субботы по улицамъ шла положительно канонада по невидимому непріятелю. Въ этой стрѣльбѣ мишенью служили исключительно евреи; если по улицѣ проходилъ христіанинъ, по немъ не стрѣляли, но лишь только показывался еврей, какъ въ него летѣли пули. Въ городѣ масса разстрѣлянныхъ домовъ. Стрѣльба шла безпорядочно и куда попало. Это не были двѣ воюющія стороны, это была охота вооруженныхъ людей за безоружными. Стоило кому-либо выстрѣлить гдѣ-нибудь, какъ на выстрѣлъ прибѣгали солдаты и принимались стрѣлять по улицѣ и въ дома. Въ пятницу, 2-го іюня, активнымъ дѣятелемъ выступаетъ по преимуществу полиція. Она начинаетъ разыскивать тѣ дома, гдѣ собрались евреи. Эти дома, по указанію городового или околоточнаго, сначала обстрѣливались, а потомъ солдаты проникали въ домъ, выгоняли оттуда населеніе и разстрѣливали мужчинъ.

Военные патрули ходили по улицамъ часто подъ командой городовыхъ, послѣдніе и распоряжались стрѣльбой. Часто и солдаты были иниціаторами разстрѣловъ.

Въ эти дни провокаторскіе выстрѣлы служили предлогомъ обстрѣливать дома и разстрѣливать людей. Были случаи, что такіе выстрѣлы производили городовые, а потомъ они же призывали солдатъ. Всякій еврей, не взирая на возрастъ, считался революціонеромъ. Кличка «революціонеръ» была совершенно достаточна для постановленія смертнаго приговора, совершенно безразлично, кто произносилъ эту кличку—городовой, солдатъ или хулиганъ. Затѣмъ кличка «революціонеръ» была оставлена, ее замѣнила «жидъ». Стоитъ хулигану закричать «жидъ! жидъ!» и показать солдатамъ бѣгущаго спасаться или спрятавшагося еврея, какъ солдатъ немедленно же стрѣлялъ. Въ эти дни, т.-е. въ пятницу и субботу, погромъ и разграбленіе имущества отошли на второй планъ. Дѣятельность направлена была на людей, которыхъ старались взоможно больше истребить. Вмѣсто громилъ главными дѣятелями являются уже войска и полиція. На убитыхъ въ эти дни въ громадномъ большинствѣ случаевъ обнаруживаются пулевыя и штыковыя раны и только въ значительномъ меньшинствѣ случаевъ — раны отъ тупыхъ орудій, при чемъ нѣкоторые трупы имѣютъ кромѣ ранъ отъ тупыхъ орудій также слѣды солдатскихъ пуль и штыковъ.

Нижеописанные случаи могутъ послужить иллюстраціей къ сказанному.

Событія на вокзалѣ.

Лишь только начался 1 іюня погромъ въ городѣ Бѣлостокѣ, какъ часть хулигановъ сосредоточилась на вокзалѣ въ ожиданіи появленія здѣсь евреевъ, бѣгущихъ изъ города или прибывающихъ съ поѣздами въ городъ. Съ первыхъ же моментовъ погрома въ городѣ и на вокзалѣ появились войска—пѣхота и драгуны, на вокзалѣ находился комендантъ, нѣсколько жандармскихъ унтеръ-офицеровъ; въ буфетѣ были офицеры сосредоточенныхъ въ Бѣлостокѣ полковъ—Казанскаго и Владимірскаго. 1 іюня въ Бѣлостокъ прибылъ гродненскій губернаторъ, довольно долго оставался на вокзалѣ, на короткое время ѣздилъ въ городъ и уѣхалъ обратно экстреннымъ поѣздомъ въ Гродно, а затѣмъ въ Вильну къ генералъ-губернатору. Несмотря на пребываніе на вокзалѣ губернатора, войскъ, жандармовъ, хулиганы свободно себя чувствовали и не были никѣмъ стѣсняемы въ своей «работѣ», а, напротивъ, встрѣчали сочувствіе. Лишь только прибывалъ поѣздъ и евреи показывались на платформѣ, какъ хулиганы съ крикомъ «жиды! бей жидовъ»! набрасывались на нихъ и избивали ихъ палками. Тѣ изъ евреевъ, которымъ удавалось проскочить черезъ толпу хулигановъ и добѣжать до мостика, ведущаго черезъ рельсы въ городъ, должны были возвращаться на платформу, такъ какъ стоявшіе на мосту солдаты не пус-

кали ихъ. Кто изъ евреевъ успѣвалъ выбѣжать на подъѣздъ, тотъ попадалъ опять же въ руки хулигановъ, которые стояли у подъѣзда и ожидали. Хулиганы не ограничивались этимъ, они врывались въ залъ 1 класса и или избивали тамъ же скрывшихся туда евреевъ, или вытаскивали ихъ на подъѣздъ и тамъ добивали. Все это происходило на глазахъ массы солдатъ, жандармовъ, коменданта, офицеровъ. Весь этотъ ужасъ, котораго они были свидѣтелями, не вызывалъ у нихъ чувства сожалѣнія, наоборотъ, нѣкоторые изъ нихъ «посмѣивались» и «одобряли» хулигановъ. Были случаи, когда хулиганы не обращали вниманія на проѣзжавшихъ офицеровъ и, несмотря на заступничество ихъ, все же избивали евреевъ. Это была какая-то дикая оргія, охота людей на людей. Одинъ еврей, вырвавшись отъ хулигановъ на платформѣ, попалъ на подъѣздъ; лицо его было все окровавлено, глазъ разбитъ; хулиганы встрѣтили его здѣсь и снова принялись бить палками. Молодого еврея хулиганы схватили за ноги и били о камни; о дальнѣйшей судьбѣ его разсказчикъ Ц. не знаетъ, такъ какъ самъ долженъ былъ скрываться. На глазахъ этого свидѣтеля жестоко было избито до 8 евреевъ. Избитый хулиганами еврей Моловидъ разсказываетъ, что на евреевъ напали хулиганы въ залѣ 1-го класса; ему удалось скрыться въ поварскую въ верхнемъ этажѣ; однако хулиганы и туда добрались и били Моловида палками, пока онъ сбѣгалъ внизъ по лѣстницѣ, причемъ нанесли ему 5 ранъ по головѣ (Моловидъ показалъ свои раны). Бывшій съ нимъ Абрамскій, не будучи въ состояніи сбѣжать по лѣстницѣ, бросился

изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Моловидъ добѣжалъ до подъѣзда, но тамъ его встрѣтили хулиганы и снова били палками и камнями. Это побоище евреевъ происходило тогда, когда губернаторъ былъ на вокзалѣ. Избіенію евреевъ на вокзалѣ покровительствовала власть, что можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ четвергъ на платформѣ жандармскій офицеръ Г., собравъ вокругъ себя хулигановъ, сказалъ имъ, что на вокзалѣ приходится бить только бѣдноту, а нужно идти въ городъ и тамъ разбивать магазины и избивать жидовъ, стоявшій здѣсь ротмистръ пограничной стражи, Ж., добавилъ, что «носящихъ черныя рубахи» (евреевъ) нужно убивать на смерть. Послѣ этого благословенія, часть хулигановъ ушла въ городъ, часть же осталась здѣсь. Въ пятницу, 2 іюня, избіеніе евреевъ на вокзалѣ приняло болѣе интенсивный характеръ. По словамъ заслуженнаго георгіевскаго кавалера (2 креста Георгія) Куректа съ нимъ вмѣстѣ пріѣхало нѣсколько евреевъ. Когда они взошли на платформу, то на нихъ напали хулиганы и принялись бить палками; Куректа кто-то изъ военныхъ укрылъ, и ему удалось пробраться на крышу вокзала; остальныхъ евреевъ били на платформѣ, въ залѣ III класса и избитыхъ выбрасывали изъ вокзала на мостовую, тамъ ихъ добивали; въ этотъ разъ убиты были Гебель, Шимонъ (фамилія не извѣстна) Залманъ изъ м. Тростьянцы, Мордко Левъ и Брянскій. Уже убитыхъ хулиганы въ присутствіи жандармовъ избивали камнями. Съ поѣздомъ прибыли изъ м. Гоніондза 7 евреевъ каменщиковъ, которые, узнавъ о погромѣ, явились спасать свои семьи. Хулиганы

схватили ихъ на платформѣ, вытащили на подъѣздъ и тамъ начали бить; убито было 5 человѣкъ, а двоихъ, Перельштейна и Ватника, спасъ какой-то военный, и они успѣли уѣхать въ Гродно, гдѣ и были допрошены. Разсказывавшаго объ этомъ свидѣтеля Гурвича спасъ подпоручикъ Осовецкой крѣпости, артиллеристъ, Сергѣй Михайловичъ Ластовченко. Свидѣтель очевидецъ Аракинъ показалъ, что съ поѣздомъ, на которомъ онъ пріѣхалъ 2 іюня въ Бѣлостокъ, было много евреевъ, изъ нихъ онъ зналъ лишь М. И. Гурвича изъ м. Тростьянцы. Когда поѣздъ остановился у платформы, хулиганы окружили его и принялись избивать евреевъ. Гурвичъ укрывался за спину коменданта станціи Бѣлостокъ, умоляя о спасеніи, но онъ оттолкнулъ его отъ себя и Гурвичъ былъ убитъ палками на платформѣ, а трупъ его былъ оттащенъ къ залу III класса; другого убили также на платформѣ; 5—6 евреевъ успѣли добѣжать до подъѣзда вокзала, гдѣ и были убиты хулиганами. Когда одна женщина зарыдала отъ видѣнныхъ ужасовъ, то прогуливавшійся въ вокзалѣ по залу I класса офицеръ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, успокаивалъ ее тѣмъ, что не слѣдуетъ огорчаться, а мы должны быть довольны такимъ зрѣлищемъ, ибо евреи еще больше заслужили. Разъ они осмѣлились бросать бомбы въ крестный ходъ и убивать нашихъ священниковъ, то слѣдуетъ ихъ стереть съ лица земли. Когда подошелъ поѣздъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, изъ вагоновъ вышли около 10 евреевъ, и 8 изъ нихъ были убиты хулиганами на подъѣздѣ вокзала. Спасавшійся отъ погрома Кронер-

бергъ также былъ свидѣтелемъ, какъ хулиганы «убивали», истязуя 5—6 евреевъ. Это происходило на глазахъ массы солдатъ, нѣсколькихъ офицеровъ, жандармовъ; въ буфетѣ находились фабричный инспекторъ Рудковскій и товарищъ прокурора г. Бѣлостока; они подходили къ тѣмъ окнамъ, предъ которыми производилось избіеніе. Когда же часовъ въ 6 вечера, Кроненбергъ явился въ Гродно къ губернатору, гдѣ встрѣтилъ и бѣлостокскаго товарища прокурора и разсказалъ ему объ избіеніи, то губернаторъ ничего другого не могъ ему сказать, какъ «евреи сами вызвали погромъ своей стрѣльбой и бомбами». По словамъ Бибило, съ поѣздомъ пріѣхало 9 евреевъ и 1 еврейка, въ вагонахъ они находились подъ охраной жандармовъ и солдатъ, которые и ввели ихъ въ вокзалъ; когда же евреи вышли на подъѣздъ, то хулиганы заперли дверь вокзала, дабы они не могли туда скрыться, и принялись ихъ избивать, здѣсь убито было 6 евреевъ. Никто изъ властей не оказалъ помощи убиваемымъ и избиваемымъ и не разогналъ убійцъ. Лишь одинъ пассажиръ, не вооруженный и не въ мундирѣ, заступился за несчастныхъ, но и онъ былъ убитъ хулиганами (по словамъ инженера Ефимова, начальника участка, живущаго въ Старосельцахъ, убитъ былъ какой-то студентъ). Когда умирающему осталось сдѣлать послѣдній вздохъ, то и тутъ хулиганы не оставляли въ покоѣ, а добивали камнями. Били ногами, кулаками, желѣзными и деревянными палками, били о мостовую, били всѣмъ, что только попадалось подъ руку, и били съ необыкновенной жестокостью и звѣрствомъ.

Отдѣльные случаи убійствъ.

1) Въ пятницу Лейба Гинзбургъ, боясь выходить, находился въ своей квартирѣ въ домѣ Брискера на Загородной улицѣ. Къ нему въ квартиру кто-то постучалъ, онъ двери не открылъ, тогда она была сломана и въ квартиру ворвался околоточный 4 участка Байбакъ съ солдатами и приказалъ солдатамъ стрѣлять въ находившихся тамъ евреевъ. Солдатъ выстрѣлилъ и убилъ жену Гинзбурга Хану, тѣмъ же выстрѣломъ ранена была сестра Ханы, Рохля. Послѣдняя была при допросѣ съ простреленной рукой. Этого мало, Байбакъ вывелъ изъ квартиры Гинзбурга еврейку Инду Лею Кустину, у которой на рукахъ былъ 3-лѣтній ребенокъ и приказалъ солдату стрѣлять; тотъ выстрѣлилъ, но не попалъ въ Кустину, а убилъ ребенка. Въ домѣ Вата тотъ же Байбакъ произвелъ обыскъ, но ничего не нашелъ, тѣмъ не менѣе онъ повелъ съ собою брата Вата, Іоселя Вата, и еще молодого человѣка Нахима (онъ въ больницѣ). Приведя этихъ лицъ къ строющемуся дому, Байбакъ сказалъ солдатамъ, что это революціонеры и ихъ нужно застрѣлить; Вату прострѣлена была шея, а Нахимъ упалъ на колѣни и умолялъ о пощадѣ, но солдатъ прокололъ его штыкомъ.

2) 1 іюля въ 10 ч. веч. въ пекарнѣ Пресса, находящейся на Николаевской ул., были арестованы приставомъ 2 уч. Костежкимъ сынъ пекаря и два

рабочихъ—булочники—евреи Ицко Сапиръ и Мойша Лидовій; они были отведены въ участокъ. Тамъ были убиты городовыми и солдатами Ицко Сапиръ и Мойша Лидовія. Сына же Пресса избили и разбили голову.

3) Послѣ сдѣланныхъ въ православную процессію выстрѣловъ, когда войска начали обстрѣливать на Александровской улицѣ домъ Рахитеса, прибывшій сюда полковой командиръ Казанскаго полка, узнавъ, что будто брошена бомба, приказалъ солдатамъ войти въ домъ и вытащить оттуда евреевъ. Солдаты ворвались въ квартиру Лапидуса и начали выгонять оттуда семью его. Къ квартирѣ явились и хулиганы. На лѣвой сторонѣ дома стояли хулиганы. Когда евреи хотѣли бѣжать направо, полиція воспротестовала этому: гонимые полиціей налѣво, евреи очутились передъ хулиганами. Тутъ были убиты: сыновья Лапидуса Маркусъ и Аронъ, дочь Блюма; ранены: Хана, Зина, Хая-Сора Лапидусъ и Фрейде. Домъ Лапидуса былъ разграбленъ.

Одинъ старикъ еврей побѣжалъ вмѣстѣ съ женщиной, чтобы гдѣ нибудь скрыться, но былъ пойманъ хулиганами и убитъ (Фрейткинъ)?. Ученикъ реальнаго училища, христіанинъ, Дикій хотѣлъ было защитить Лапидусовъ, но самъ былъ тамъ же убитъ.

4) Въ субботу, 3 іюня, пекарь Гершель и портной Маркель разносили хлѣбъ евреямъ, которые скрывались по погребамъ и голодали. Когда они появились на Песчаной улицѣ, то встѣтили тамъ нѣсколькихъ городовыхъ; старшій городовой Романтовичъ началъ стрѣлять въ нихъ, причемъ Гершель раненъ (находится въ больницѣ), а Маркель убитъ наповалъ.

Когда еврей Ницбергъ высунулъ было голову, то Романтовичъ и въ него выстрѣлилъ два раза, но промахнулся.

5) Въ пятницу, 2 іюня, на Кузнечной улицѣ, въ квартиру Юделя Тайцмана хулиганы начали бросать въ окна камни. Желая спастись, вся семья отправилась къ редственнику Гиндлеру, уговорившись предварительно съ городовымъ № 40, что послѣдній ихъ «проводитъ». Когда Тайцманы подошли къ Почтовой улицѣ, то навстрѣчу имъ появилась толпа хулигановъ, которая набросилась на нихъ. Убѣгая отъ хулигановъ, Юдель Тайцманъ упалъ и былъ убитъ хулиганами, въ присутствіи того же городового № 40.

6) Въ четвергъ, 1 іюня, въ еврейскую больницу, находящуюся по Александровской улицѣ, пришелъ околоточный надзиратель Грикинъ и пригласилъ больничнаго фельдшера Шліому Сошицкаго пойти вмѣстѣ съ нимъ для оказанія медицинской помощи раненымъ. Фельдшеръ Сошицкій пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. На Александровской улицѣ онъ подавалъ медицинскую помощь. Но когда хулиганы узнали въ немъ еврея, то несмотря на то, что онъ въ то же время оказывалъ медицинскую помощь христіанкѣ, они убили его палками на глазахъ полиціи.

7) Въ субботу, 3 іюня, спасаясь съ родными отъ погрома, Либа Шляхтеръ помѣстилась на чердакѣ дома Рама; съ ними были еще постороннія лица. Рано утромъ къ нимъ пробрались солдаты подъ командой городового и убили Хаима Шляхтера, малолѣтнюю дѣвочку, мальчика, вдову съ двумя маленькими дѣтьми на рукахъ; ранили Берка Шляхтера-отца, а остальныхъ выгнали на улицу.

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

ТРОЕ НЕОПОЗНАННЫХЪ УБИТЫХЪ.

8) Въ четвергъ, 1 іюня, вскорѣ послѣ начала погрома, Замель Цукерманъ работалъ гармоніи въ домѣ сестры своей Ривки Боруховичъ. Въ передней части дома помѣщалась мелочная лавка Боруховичъ. Громилы напали на лавку и начали громить ее. Цукерманъ и Боруховичъ успѣли черезъ окно выскочить во дворъ и побѣжали въ квартиру живущаго въ томъ же дворѣ городового Карпова, но дверь оказалась запертой. Во дворъ явился какой-то городовой съ солдатами и указалъ на нихъ; солдатъ выстрѣлилъ въ нихъ, причемъ Цукерманъ былъ убитъ, а Боруховичъ тяжело раненъ.

Событія на Боярахъ.

Боярами называется часть г. Бѣлостока.

На Суворовской улицѣ находится кожевенный заводъ Полящука. По словамъ очевидцевъ, въ пятницу 2 іюня, въ 6—7 час. веч. рабочій Вербицкій привелъ къ заводу солдатъ и сказалъ имъ, что тамъ находятся евреи. Солдаты пытались войти въ заводъ съ парадного хода, но не удалось. Тутъ же собрались и хулиганы. 3 солдата и хулиганы ворвались въ заводъ чернымъ ходомъ, а на улицѣ расположились остальные солдаты и съ ними три жандарма, фамилія одного изъ нихъ Шульцъ. Бывшіе въ заводѣ евреи выбѣжали на балконъ и начали звать на помощь, тогда стоявшіе на улицѣ солдаты и жандармы открыли въ нихъ стрѣльбу и убили Гвирцмана. Въ самомъ зданіи были убиты: Пинхусъ Ашъ, Шлема Фурманъ и Лейба Мазуръ. Сына Полящука солдаты арестовали, и когда вели его, то хулиганы наносили ему побои. На другой день, часовъ въ 9 утра, на за-

водъ пришелъ рабочій Михалка и, увидѣвъ, что на чердакѣ спрятались Айзикъ Бохрохъ, Ицко Цемникъ и Зорохъ Рѣзникъ, привелъ солдатъ, которые застрѣлили Бохроха и Цемника. Рѣзникъ же побѣжалъ, но былъ пойманъ и арестованъ, якобы по обвиненію въ убійствѣ женщины.

Въ пятницу же многіе евреи изъ прилегающихъ къ лѣсопильному заводу Заблудовскаго домовъ по Николаевской ул. собрались на заводѣ и скрылись частью въ котельномъ помѣщеніи, а частью въ помѣщеніяхъ сторожа Казиміра Петкевича и мастера Ѳомы Немиро. Но такъ какъ и сторожъ, и мастеръ заявили скрывшимся, что полиція строго-на-строго приказываетъ не давать убѣжища евреямъ, то евреи вынуждены были всѣ спрятаться въ котельномъ помѣщеніи. Жара была ужасная, и дѣти начали задыхаться. Когда на Николаевской улицѣ погромъ, казалось, кончился, то скрывавшіеся евреи рѣшили разойтись. Часть ихъ перешла въ деревянный флигель Абрама Каца, часть ихъ осталась на лѣсопильномъ заводѣ, а остальные укрылись въ конторѣ завода. Деревянный флигель Абрама Каца прилегаетъ къ огороду, выходящему на Бояры. Когда солдаты, обстрѣлявшіе домъ Полящука, окончили свою работу, то они, сломавши заборъ, зашли во дворъ Заблудовскаго и стали обстрѣливать домъ Абрама Каца. Эту стрѣльбу услышали солдаты, находившіеся въ сосѣднемъ съ домомъ Заблудовскаго каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, прибѣжали туда и съ двухъ сторонъ начали обстрѣливаніе этого дома, пока онъ не загорѣлся. Городовой съ 2 солдатами подошелъ къ дому и предложилъ женщинамъ выйти изъ него. Часть начала вы-

ходить сейчасъ же, а часть еще продолжала прятаться, но скоро были вынуждены и они выходить. Первымъ выбѣжалъ Абрамъ Кацъ, но онъ тутъ же былъ пристрѣленъ солдатами, выстроившимися вокругъ горѣвшаго зданія. Слѣдующимъ былъ убитъ Нахманъ Грабовскій. Онъ имѣлъ на рукахъ маленькаго ребенка 2 лѣтъ; пуля пробила руку ребенку. Затѣмъ выбѣжалъ Шоломъ Новикъ съ ребенкомъ на рукахъ, въ сопровожденіи жены своей Тайбы Новикъ. Офицеръ приказалъ ему отдать женѣ ребенка. Когда онъ это исполнилъ, то былъ звѣрски заколотъ штыками. Такимъ же образомъ были застрѣлены: Симха Вайштейнъ, Гиршъ Гепнеръ, Зорахъ Пандэ и Мордухъ Шмукляръ. Старуха Тауба Кацъ и еще два неизвѣстныхъ человѣка, не успѣвшіе выскочить изъ горѣвшаго дома, сгорѣли живьемъ. Два еврея спрятались въ погребѣ, наполненномъ водой. Всю ночь съ 2 на 3 іюня они простояли въ водѣ. Утромъ ихъ накрыли солдаты. Одному удалось откупиться (за 50 коп.), другой же, Евель Творковскій, не имѣвшій денегъ, былъ убитъ солдатами. Прибывшіе пожарные не были допущены къ тушенію пожара. Вопреки офиціальнымъ донесеніямъ, въ этомъ домѣ никакихъ революціонеровъ не было и никакой стрѣльбы оттуда не производилось. О стрѣльбѣ изъ этого дома по полицейскому участку не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ сожженный солдатами домъ отстоитъ отъ полицейскаго участка шаговъ на 300—400 и отдѣленъ отъ него двухъ-этажнымъ каменнымъ флигелемъ. Солдатами, стрѣлявшими въ евреевъ, распоряжался поручикъ Б., при этомъ былъ и приставъ 2 участка.

Въ ту же пятницу, днемъ, евреи Мейша и Берко Невязскіе проходили по Слонимскому переулку; на встрѣчу имъ появилась толпа хулигановъ съ городовыми; тамъ же былъ и приставъ 2 участка г. Бѣлостока. Невязскіе, предвидя опасность, обратились къ приставу и умоляли его пропустить ихъ и не убивать. Приставъ отвернулся,—тогда хулиганы набросились на нихъ и начали избивать ихъ палками. Берко былъ убитъ на мѣстѣ, а Мейша тяжело раненъ. Оба они ограблены хулиганами. Въ субботу, утромъ, часовъ въ 6, по Слонимской ул. проходилъ военный патруль подъ командой городового. Какой-то хулиганъ сказалъ имъ, что на кафельномъ заводѣ Миньковскаго скрывается еврей. Солдаты побѣжали туда, отыскали въ погребѣ еврея, впослѣдствіи оказавшагося Янкелемъ Суравичемъ, и требовали, чтобы онъ вышелъ, но тотъ продолжалъ тамъ оставаться, тогда одинъ солдатъ вытащилъ его за волосы и приказалъ идти, а другой взялъ ружье на прицѣлъ. Суравичъ понялъ, что если онъ отойдетъ, то будетъ пристрѣленъ; поэтому онъ схватился за солдата и умолялъ о пощадѣ, но солдатъ оттолкнулъ его прикладомъ и застрѣлилъ его. Солдаты были Казанскаго полка.

Шествіе хулигановъ на Боярахъ, самой спокойной части города, сопровождалось вторженіемъ въ квартиры евреевъ, разгромомъ, убійствами и грабежами. Въ одной изъ квартиръ хулиганы разгромили все, а потомъ отыскали спрятавшагося еврея и хотѣли убить его, но онъ откупился 200 р.; этимъ хулиганы остались настолько довольны, что поставили даже стражу надъ этимъ евре-

емъ, дабы никто его не трогалъ. Во дворѣ этого же еврея хулиганъ замѣтилъ какого-то другого еврея; немедленно же онъ былъ избитъ и ограбленъ; тутъ же попался имъ на глаза 70-лѣтній старикъ еврей, которому они лопатой снесли кожу съ большей части головы. Вскорѣ появилась подвода пожарной команды и забрала израненныхъ и убитыхъ евреевъ. Затѣмъ солдаты и хулиганы раздѣляются на двѣ части, одна отправляется въ поле, а другая въ сады разыскивать евреевъ. Надо сказать, что евреи, опасаясь оставаться въ квартирахъ, скрывались въ садахъ христіанъ, съ согласія этихъ послѣднихъ. Въ одномъ изъ садовъ хулиганы увидѣли еврея и съ крикомъ «жидъ! жидъ!» погнались за нимъ; одинъ изъ хулигановъ схватилъ его, но еврей, оказавшійся Левинымъ, вступилъ съ нимъ въ борьбу, тогда на помощь подбѣжалъ городовой и 5 выстрѣлами ранилъ его; раненый все еще продолжалъ держать за ногу хулигана, послѣдній ударилъ его камнемъ въ голову. Здѣсь же солдатъ, замѣтивъ спрятавшагося въ кустахъ еврея, застрѣлилъ его. Подъ предводительствомъ городовыхъ толпа продолжаетъ розыски. Находятъ молодого еврея, лѣтъ 19; раздаются крики: «анархистъ, убить его!» Мольбы напрасны; открываютъ другого еврея, скрывшагося на чердакѣ въ соломѣ; оттуда вытаскиваютъ Шлему Пружанскаго. Рѣшеніе—убить ихъ; но одинъ изъ солдатъ протестуетъ и уходитъ жаловаться по начальству. Другіе солдаты требуютъ, чтобы задержанные отошли въ сторону; тѣ, зная, зачѣмъ это предлагается, сопротивляются, тогда хулиганы избиваютъ ихъ кольями; но жертвы еще живы; хулиганы просятъ солдатъ прикончить ихъ, и тѣ выстрѣлами въ голову доканчи-

ваютъ начатое хулиганами. Далѣе, хулиганы врываются съ солдатами въ квартиру еврея Айнштейна, громятъ ее, убиваютъ отца, сыновей Шмуеля и Рахмеля, 19 и 22 л., а мать Шейну и дочь Соню, 18 л., выводятъ оттуда. Дочь пытается спастись бѣгствомъ, но раненая выстрѣломъ солдата въ ногу, она падаетъ; городовой, видя, что она только ранена, убиваетъ ее изъ револьвера. Матери Айнштейна солдаты приказываютъ отойти въ сторону, но лишь только она это сдѣлала, какъ была убита солдатскимъ выстрѣломъ. Итакъ, вся семья погибла.

Нѣкоторое смущеніе въ среду хулигановъ внесла смерть христіанина Ходакевича. Надо сказать, что въ саду Ходакевича, какъ и его сосѣдей, скрывались спасавшіеся евреи. Ходакевичъ, по словамъ его дочери, взявъ топоръ, пошелъ задѣлать въ заборѣ сада отверстіе. Въ это время военные патрули съ двухъ сторонъ производили обстрѣлы, одинъ со стороны улицы, а другой въ садахъ, такъ что оказалось, что патрули стрѣляли другъ въ друга и, какъ говорили нѣкоторые, будто въ этой перестрѣлкѣ раненъ одинъ солдатъ. Подъ этотъ то перекрестный огонь, повидимому, и попалъ Ходакевичъ. Между тѣмъ при осмотрѣ трупа Ходакевича обнаружено было, что у него и разрублена была рука. Этимъ воспользовались хулиганы и начали кричать: «это евреи убили хозяина сада». Невозможно допустить, чтобы евреи посягнули на жизнь Ходакевича, который предоставилъ имъ свой садъ для спасенія. Порубъ руки можно объяснить только провокаціонной цѣлью. Насколько удалось собрать свѣдѣнія, Ходакевичъ былъ погребенъ безъ судебно-медицинскаго вскрытія, а лишь послѣ осмотра;

поэтому и не опредѣлено, разрублена рука при жизни его или послѣ смерти. Дочь Ходакевича обратиласькъ и. д. полицеймейстера Мацевичу съ просьбой разслѣдовать дѣло. Между прочимъ онъ, окруженный хулиганами, обратилъ вниманіе на трупы; хулиганы сказали ему, что таковые лежатъ и въ саду, и въ домѣ. На это Мацевичъ отвѣтилъ довольно благосклонно: «это вернулось за нашихъ».

Въ субботу утромъ снова появился военный патруль подъ командой городового и снова производилъ обыски домовъ. Удалось найти сидѣвшаго еще съ четверга рабочаго еврея въ изразцовой печи; на вопросы, что онъ тутъ дѣлаетъ, рабочій молчалъ; тогда городовой закричалъ солдату: «бей его ружьемъ!» солдатъ ударилъ его прикладомъ и разбилъ голову; по распоряженію городового, сжалившагося надъ еще неумирающимъ рабочимъ, солдатъ тремя выстрѣлами прикончилъ его.

Заключеніе.

Необходимо остановиться на выводахъ, которые можно извлечь изъ предыдущаго изложенія обстоятельствъ дѣла.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе планомѣрность произведеннаго погрома. О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его, слѣдовательно онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой на національной или религіозной почвѣ. Если принять во вниманіе, что низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, то приходится признать, что эти выдумки входили въ планъ. На-

конецъ, пріурочиваніе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно бываетъ чутка и религіозно настроена, является наилучшимъ выборомъ момента. Можно понять, если бы толпа, оскорбленная выстрѣлами евреевъ, произвела бы погромъ, насиліе на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло это оскорбленіе; но невозможно допустить, чтобы безъ предварительной подготовки погромъ такъ быстро и въ столькихъ пунктахъ возникъ бы точно по сигналу. Соображая всѣ данныя, приходится придти къ заключенію, что погромъ былъ подготовленъ и организованъ. Но кѣмъ же? Останавливаясь на образѣ дѣйствій г. начальника губерніи, нельзя не усмотрѣть, что еще до погрома представители еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на Шереметова, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома, на лицо, облеченное властью и враждебное еврейскому населенію. Но губернаторъ говоритъ представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметова, что это единственный у него смѣлый и энергичный чиновникъ. Наступаетъ день погрома. Губернаторъ днемъ пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ Богаевскимъ, а потомъ быстро исчезаетъ изъ Бѣлостока и направляется въ г. Вильну къ генералъ-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненыхъ, трупы на улицѣ, а на вокзалѣ производится избіеніе хулиганами евреевъ, но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію, онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно безсиленъ и не облеченъ властью.

Приходится поэтому сдѣлать два предположенія: или губернаторъ зналъ о готовящемся погромѣ и не прикратилъ уже возникшаго лишь въ силу того, что погромъ долженъ произойти, такъ какъ это нужно, такъ приказано,—или же губернаторъ самъ былъ лишенъ власти кѣмъ-то другимъ, тайно, негласно и при томъ безъ вѣдома его самого.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что члены Государственной Думы Якубсонъ и Шефтель, 2-го іюня, утромъ обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о прекращеніи погрома, то министръ имъ отвѣтилъ, что онъ немедленно пошлетъ телеграмму о принятіи «дѣйствительныхъ мѣръ». Между тѣмъ, 2-го іюня съ 5 часовъ дня до утра 3-го іюня было особенно многочисленное разстрѣливаніе евреевъ. Гдѣ эти «дѣйствительныя мѣры?» Неужели о принятіи ихъ не было сообщено? Но этого, казалось бы, допустить нельзя. Значитъ, на мѣстѣ не находили нужнымъ считаться съ этими министерскими предписаніями, а не находили нужнымъ потому, что была какая-то особая власть, которая для нихъ была больше, чѣмъ власть министра, болѣе гарантировала имъ безнаказанность и санкціонировала ихъ преступную дѣятельность.

Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣйствительность «дѣйствительныхъ мѣръ» министра, нужно признать, что въ организаціи погрома участвовала какая-то тайная власть, можетъ быть, извѣстная, а, можетъ быть, и неизвѣстная явной власти.

Что же касается мѣстной полицейской власти, то она съ перваго же момента погрома не только не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію его, но въ лицѣ низшихъ агентовъ своихъ разжигала темныя силы, рас-

пуская слухи о злодѣяніяхъ евреевъ въ отношеніи участвовавшихъ въ религіозной процессіи, сама принимала дѣятельное участіе въ учиненіи погрома и разграбленіи имущества, приняла на себя роль опредѣлителя качествъ революціонера и распоряжалась разстрѣлами этихъ лицъ; предводительствовала шайками хулигановъ при разгромѣ магазиновъ и допускала хулигановъ совершать убійства и звѣрства надъ евреями.

Наконецъ, военныя власти до введенія военнаго положенія приняли полную власть надъ городомъ, *предоставили въ распоряженіе городовыхъ вооруженныхъ солдатъ*, которые частью по указанію городовыхъ, частью хулигановъ, а частью по собственному побужденію разстрѣливали безоружныхъ евреевъ, не только не оказывавшихъ никакого сопротивленія, но въ страхѣ скрывавшихся на чердакахъ, въ садахъ, сараяхъ и т. д.

На основаніи вышеизложеннаго, комиссія признаетъ, что:

Во 1-хъ, никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ города Бѣлостока не существовало.

Во 2-хъ, нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также и войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи.

Въ 3-хъ, погромъ былъ подготовленъ заранѣе и объ этомъ задолго было извѣстно какъ администраціи, такъ и самому населенію.

Въ 4-хъ, ближайшій поводъ къ погрому былъ также заранѣе пріуготовленъ, предсказанъ властями и посему онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ вспышка религіознаго или національнаго фанатизма.

Въ 5-хъ, дѣйствія войскъ и гражданскихъ властей во время погрома представляются явнымъ нарушеніемъ установленныхъ на сей предметъ законовъ, а равно и правилъ 7 февраля 1906 г. Это было систематическое разстрѣливаніе мирнаго еврейскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, подъ видомъ усмиренія революціонеровъ, ибо никакихъ революціонныхъ дѣйствій, какъ толпы, такъ и отдѣльныхъ лицъ, которыя дали бы основанія для принятія мѣръ усмиренія,—не установлено.

Въ 6-хъ, гражданскія и военныя власти не только бездѣйствовали, не только содѣйствовали погрому, но во многихъ случаяхъ, въ лицѣ низшихъ агентовъ, производили его сами въ видѣ убійствъ, истязаній и грабежей.

Въ 7-хъ, офиціальныя донесенія въ изложеніи причинъ, поводовъ и хода событій (о стрѣльбѣ въ войска и христіанское населеніе, революціонныхъ нападеніяхъ и т. п.) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

А посему комиссія полагаетъ:

Предложить Государственной Думѣ сдѣлать запросъ:

1) Министру внутреннихъ дѣлъ: привлекаются ли къ судебной отвѣтственности гродненскій губернаторъ и чины полиціи г. Бѣлостока, одни за обнаруженное ими во время произошедшаго съ 1 по 3 іюня 1906 года въ г. Бѣлостокѣ погрома — бездѣйствіе власти, а другіе за содѣйствіе къ погрому и непосредственное въ немъ участіе?

2) Министру военному: а) извѣстно ли ему, что еще до введенія военнаго положенія въ г. Бѣлостокѣ, высшія мѣстныя военныя власти фактически устранили гродненскаго губернатора и и. д. поли-

цеймейстера отъ исполненія ихъ обязанностей и приняли таковыя на себя, вопреки существующимъ узаконеніямъ?

б) Извѣстно ли также ему, что во время погрома въ Бѣлостокѣ съ 1 по 3 іюня 1906 г. вызванныя въ городъ войска предоставляемы были въ распоряженіе низшихъ полицейскихъ служителей и, какъ по указанію этихъ послѣднихъ, такъ даже и частныхъ лицъ, разстрѣливали мирныхъ жителей?

и в) Будутъ ли виновные привлечены къ судебной отвѣтственности?

Вмѣстѣ съ симъ комиссія не можетъ не указать, что и безъ того терроризованное мѣстное населеніе окончательно запугано введеннымъ военнымъ положеніемъ и что правильное разслѣдованіе всего происшедшаго въ Бѣлостокѣ мыслимо лишь при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: а) смѣщенія или перевода мѣстныхъ властей (какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ) и б) снятія военнаго положенія.

ЗАСТѢНОКЪ ВЪ РИГѢ.

Съ января мѣсяца безсмѣнно засѣдаетъ въ Ригѣ военный трибуналъ, который казнитъ и приговариваетъ къ смерти подростковъ и невинныхъ людей.

Этотъ жестокій трибуналъ въ серединѣ мая мѣсяца казнилъ 8 человѣкъ, изъ которыхъ 6 невинны, что установлено свидѣтельскими показаніями; трое изъ нихъ имѣли 18 лѣтъ отъ роду.

За эти 4 мѣсяца онъ разсмотрѣлъ 18 процессовъ, приговорилъ къ смерти 18 человѣкъ и казнилъ 15. Среди нихъ есть совершенно невинные.

Сейчасъ, когда я пишу эти строки, передъ инквизиціоннымъ столомъ предстало 35 человѣкъ, изъ нихъ 18 имѣютъ обвиненіе по ст. 279, по которой имъ грозитъ смертная казнь.

Все судопроизводство отъ начала до конца, добываніе слѣдственнаго матеріала, оперированіе надъ этимъ матеріаломъ—представляетъ изъ себя такое систематическое правонарушеніе, такое игнорированіе всѣхъ требованій справедливости и законности, что дѣлается страшно за жизнь окружающихъ и мучительно больно, что все переживаемое здѣсь возможно въ нашъ просвѣщенный двадцатый вѣкъ.

Когда я ознакомился на мѣстѣ съ дѣятельностью за всѣ 4 мѣсяца этого судбища, то мнѣ казалось, что времена отодвинулись назадъ, что я вижу на яву, въ дѣйствительности, ушедшія въ далекую глубь прошлаго средневѣковыя картины пытокъ, казней...,

Тотъ матеріалъ, который я добылъ здѣсь, въ Ригѣ, заставитъ содрогнуться сердце каждаго читателя и вырветъ мучительный стонъ негодованія и протеста.

Этотъ трибуналъ состоитъ изъ 5 лицъ: генералъ-майора Арбузова, подполковниковъ Кермана, Баумана, Витковскаго и Дроздова.

Мѣсто для своихъ засѣданій они выбрали въ церкви. Могъ ли себѣ кто-нибудь представить, что тамъ, гдѣ раздаются божественныя слова христіанской любви, братскаго всепрощенія, въ храмѣ Божіемъ военные судьи съ суровыми лицами произносятъ смертные приговоры надъ невинными жертвами?

Я не вѣрилъ и рѣшилъ самъ лично своими глазами увидѣть, гдѣ и при какихъ условіяхъ происходитъ это страшное судбище.

И увидѣлъ я, что судъ происходитъ въ церкви мѣстнаго унтеръ-офицерскаго учебнаго батальона.

Вдоль амвона передъ царскими вратами поставленъ столъ, за которымъ сидятъ суровые судьи.

Пространство между столомъ и амвономъ отгорожено филенчатой тоненькой перегородкой, покрашенной голубой краской; въ этой перегородкѣ прорѣзана дверь и виситъ замокъ.

Со всѣхъ стѣнъ сняты иконы.

Оставленъ только ликъ Спасителя.

На перегородкѣ, противъ Царскихъ вратъ, повѣшенъ портретъ Царя.

Иконы для судей оказались лишними, ихъ понадобилось вынести.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ и спросилъ солдатика, стоявшаго около меня!

— Скажите, вотъ здѣсь вы молитесь Богу?

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ШЛЕМА ПІ'УЖАНСКІЙ.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—снимаемъ перегородку, за ней сейчасъ начинается амвонъ, иконостасъ, Царскія врата... Здѣсь происходитъ богослуженіе и мы молимся!

— Куда же вы дѣвали иконы со стѣнъ?

— Сняли ихъ незадолго до суда и отвезли въ лагерь!—отвѣтилъ благодушный солдатикъ. — Нельзя, чтобы во время суда висѣли изображенія святыхъ: непристойно будетъ, вотъ и вынесли ихъ!

Я поспѣшилъ удалиться.

Вмѣсто привычнаго въ церквахъ запаха лампаднаго масла, ладана, здѣсь пахло невинной человѣческой кровью.

Вмѣсто привычнаго церковнаго пѣснопѣнія, здѣсь слышался звонъ оружія; вмѣсто молящихся здѣсь были казацкія лица, ружья, штыки, нагайки.

Жутко стало, видя современную картину безправія, насилія и глумленія надъ личностью, забравшуюся въ святая святыхъ вѣрованія народа.

Прежде чѣмъ описывать дѣйствія этого суда, необходимо для полноты его характеристики разсказать о тѣхъ дополнительныхъ учрежденіяхъ, которыя вырабатываютъ и доставляютъ для него судебный матеріалъ. Могъ ли кто-нибудь въ нынѣшнее просвѣщенное время представить себѣ, что въ Ригѣ есть правильно оборудованные и хорошо обставленные со всѣми необходимыми силами застѣнки для пытанія подсудимыхъ.

Да, да, застѣнки—я не обмолвился! Именно застѣнки на подобіе тѣхъ, какіе были въ средніе вѣка.

Такихъ застѣнковъ въ городѣ имѣется 3 (можетъ

быть, болѣе, но мнѣ удалось получить свѣдѣнія толь ко о трехъ застѣнкахъ).

Въ этихъ застѣнкахъ пытаютъ подсудимыхъ, чтобы добыть тотъ матеріалъ для суда, который при другихъ условіяхъ не могъ бы быть полученъ. Пытаютъ этихъ жертвъ, чтобы подъ давленіемъ переживаемыхъ ими страшныхъ физическихъ страданій подсудимый оговорилъ себя и товарищей, указываемыхъ ему палачами.

Добытый такимъ путемъ свидѣтельскій матеріалъ «чистосердечныхъ признаній» поступаетъ въ этотъ судъ, который на основаніи того же «признанія» постановляетъ смертную казнь.

Для этого суда не нужно разбираться въ вопросѣ, какимъ путемъ получены показанія; ихъ совѣсть покойна, они поступаютъ на основаніи закона и справедливости.

Итакъ, въ Ригѣ существуютъ три инквизиціонныхъ застѣнка:

1) Сыскное отдѣленіе.

2) Съѣзжій домъ при 2-й Петербургской части и

3) Второй Митавскій участокъ.

Въ сыскномъ отдѣленіи пытки производятся слѣдующимъ образомъ: когда подсудимаго приводятъ въ отдѣленіе, полиція снимаетъ съ него допросъ, требуетъ показаній и, когда не получаетъ желаемаго отвѣта, грозитъ пытками.

Послѣ угрозъ полиція переходитъ къ дѣлу. Старшіе чины выходятъ изъ этой комнаты въ дальнія, а нижніе чины при участіи казаковъ начинаютъ бить.

Бьютъ жестоко, до остервенѣнія!..

Бьютъ нагайками, прикладами и резиновыми пал-

ками, которыя носятъ названіе въ этихъ застѣнкахъ «пипокъ».

Имѣются у нихъ еще пеньковые жгуты, переплетенные проволокой.

Бьютъ подсудимыхъ до того, что они теряютъ сознаніе.

Когда подъ ударами палача несчастный падаетъ на полъ обезсиленный, безъ чувствъ, тогда инквизиторы обливаютъ его холодной водой, пока не придетъ въ сознаніе.

Но если и это не помогаетъ, если послѣ всѣхъ нанесенныхъ истязаній тотъ продолжаетъ упорствовать—не оговариваетъ себя и своихъ товарищей, то его вновь начинаютъ бить, но уже «смертнымъ боемъ». Тогда примѣняютъ къ замученной жертвѣ методы своего собрата по оружію, палача Аврамова—выдираютъ изъ его головы волосы, втираютъ въ зарубцованныя мѣста соль, примѣняютъ даже электричество.

Если пытаемый еще въ силахъ говорить, то къ нему приходятъ старшіе полицейскіе чины изъ сосѣдней комнаты и уговариваютъ чистосердечно покаяться во всемъ.

Послѣ всѣхъ перенесенныхъ мукъ, передъ ужасной перспективой еще много, много разъ ихъ испытывать, ощущая еще на себѣ въ данный моментъ эти боли, многіе пытаемые изъ болѣе слабыхъ подтверждали все то, что хотѣла получить отъ нихъ полиція.

Съ этимъ «чистосердечнымъ признаніемъ» пытки кончались. Замученную жертву отвозили въ камеру и мѣсяца черезъ полтора подсудимый появлялся пе-

редъ лицомъ военнаго трибунала, гдѣ ему и его оговореннымъ товарищамъ произносился приговоръ: смертная казнь.

Нѣсколько иначе происходятъ пытки въ съѣзжемъ домѣ второй Петербургской части. Пишу со словъ того человѣка, который тамъ сидѣлъ въ камерѣ и видѣлся съ пытаемыми, и самъ видѣлъ того несчастнаго, который послѣ пытокъ повѣсился.

Этотъ домъ состоитъ изъ двухъ этажей. Въ первомъ этажѣ расположены одиночныя камеры заключенныхъ; во второмъ находится канцелярія пристава.

И вотъ, во второмъ этажѣ устроенъ застѣнокъ, тамъ снимается съ заключенныхъ допросъ и тамъ ихъ пытаютъ. Пытки начинаются преимущественно съ 10 час. вечера.

Когда въ камеры съѣзжаго дома привели двухъ арестованныхъ братьевъ, одного изъ нихъ къ вечеру повели въ застѣнокъ на допросъ.

Его долго и жестоко мучили; онъ упорствовалъ и никого не оговаривалъ. Его мужество оказалось сильнѣе пытокъ; палачи утомились, но не получили ни одного чистосердечнаго «признанія».

Совершенно окровавленнаго, его помѣстили въ нижнемъ этажѣ въ холодномъ карцерѣ.

Когда онъ пролежалъ тамъ $1^1/_2$ сутокъ, полиція его извѣстила, что если онъ не покается, его опять поведутъ вечеромъ на допросъ.

Несчастный не могъ пережить вновь этихъ страшныхъ мукъ, нечеловѣческихъ пытокъ, и рѣшилъ умереть, не дожидаясь ихъ.

Но не такъ-то легко это сдѣлать въ тюрьмѣ.

Къ счастью, ему повезло. Въ правомъ отъ входа

углу оказался ввернутый въ стѣну крюкъ на разстояніи одного аршина отъ пола. Правда, что при такомъ близкомъ разстояніи отъ опоры очень трудно повѣситься, но его желаніе умереть было настолько велико, что онъ сдѣлалъ жгутъ изъ полосы своей рубашки, самъ вытянулся на полу, а голову просунулъ въ петлю.

Въ такомъ наклонномъ положеніи часовой его замѣтилъ, когда онъ уже представлялъ собой холодный трупъ.

Надо думать, что онъ умиралъ долго и въ страшныхъ мученіяхъ; все лицо было искажено ужасными судорогами. Часовой, увидавъ его повѣсившимся, въ испугѣ позвалъ того заключеннаго, который мнѣ это разсказывалъ, отперъ ему камеру говоря: «Посмотрите, какъ онъ задавился! Бѣдняжка!!».

И дѣйствительно, было страшно смотрѣть на этого несчастнаго. Сколько нечеловѣческой силы воли, невѣроятной твердости понадобилось примѣнить, чтобы покончить съ собой, когда большая часть туловища полулежала на полу, на спинѣ, и когда петля съ слабыми усиліями еле затягивала горловыя дыхательныя связки.

Но онъ умеръ, избѣгнувъ пытокъ, умеръ—не оговоривъ никого.

Скоро пришли власти, составили протоколъ и ушли. Пришелъ и тотъ околоточный надзиратель, который его пыталъ и долженъ былъ пытать еще...

Увидавъ эту ужасную позу повѣсившагося, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ своему пріятелю, стоявшему рядомъ: «Погляди-ка! Погляди, вотъ сволочь—какъ повѣсился-то!»

Приведу теперь офиціальныя данныя изъ протокола осмотра рижскимъ тюремнымъ врачемъ Вибе четырехъ человѣкъ, которыхъ пытали во 2-омъ Митавскомъ участкѣ.

«На пріемъ ко мнѣ явились четверо подсудимыхъ: Виндеузъ, Каллей, Таркшъ, и Эглитъ и просили осмотрѣть.

Осмотрѣвъ ихъ, я замѣтилъ массу слѣдовъ побоевъ: ссадинъ, кровоподтековъ и пр. У Эглитъ былъ слѣдъ сильнаго удара подъ глазомъ. Побои нанесены за 4—5 дней или болѣе до осмотра.

По характеру поврежденій надо заключить, что они нанесены какимъ либо тупымъ оружіемъ; нѣкоторые изъ кровоподтековъ могли быть результатомъ ударовъ кулаками, но были и такія ссадины, которыя не могли появиться вслѣдствіе ударовъ кулаками: относительно происхожденія этихъ ссадинъ можно сказать, что они не есть результатъ нанесенія ударовъ палкою, нагайкой или хлыстомъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ кровоподтеки имѣли бы видъ продольныхъ полосъ, каковаго они въ дѣйствительности не имѣли; возможно, что эти кровоподтеки явились результатомъ ударовъ, нанесенныхъ каблуками сапога, желѣзнымъ кастетомъ или тому подобнымъ тупымъ оружіемъ. Каждый изъ ударовъ въ отдѣльности не былъ особенно тяжелъ, но въ виду того, что ихъ было очень много, я тогда пришелъ къ заключенію, что лица, подвергшіяся имъ, испытывали значительное физическое страданіе и большое нервное потрясеніе. О результатахъ осмотра я сообщилъ прокурору рижскаго окружнаго суда вслѣдствіе офиціальнаго о томъ запроса, основаннаго на поданной ему матерью

подсудимаго Эглитъ жалобы. Указанные подсудимые сообщили мнѣ, что удары нанесены имъ во II митавскомъ полицейскомъ участкѣ города Риги».

Приведу показаніе на судѣ свидѣтеля Янсона, заимствованное изъ протокола военнаго суда. «Я, Янсонъ, былъ вмѣстѣ съ Мейеромъ во II митавскомъ полицейскомъ участкѣ гор. Риги. Содержался съ нимъ въ одной камерѣ. Его позвали на допросъ, послѣ чего послышались крики въ зданіи участка.

Черезъ нѣкоторое время Мейера втолкнули въ камеру городовые, при чемъ онъ былъ окровавленный и въ безсознательномъ состояніи. Голова и лицо были въ крови; когда мы его раздѣли, спина была покрыта синими пятнами, и когда онъ пришелъ въ сознаніе, онъ сказалъ, что его били околоточные и городовые, и требовали, чтобъ онъ сознался въ томъ, что стрѣлялъ въ городовыхъ, но онъ намъ говорилъ, что этого ничего не знаетъ».

Еще показаніе Мартина Бента: «Я видѣлъ Мейера во II митавскомъ полиц. участкѣ гор. Риги, гдѣ одно время содержался вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ карцерѣ.

Мейера позвали на допросъ, послышались крики; я по голосу узналъ, что кричитъ Мейеръ. Черезъ нѣкоторое время Мейера втолкнули окровавленнаго. Изъ одной или изъ нѣсколькихъ ранъ на головѣ текла кровь; когда раздѣли его, спина оказалась въ синихъ пятнахъ».

Показаніе свидѣтеля Межвилка: «Я видѣлъ подсудимаго Аушро во II митавскомъ полиц. участкѣ гор. Риги окровавленнымъ. На вопросъ о причинѣ такого его состоянія, Аушро отвѣчалъ, что его въ участкѣ избивали 4 раза; послѣ каждаго избіенія его обливали

водой и требовали, чтобы онъ сознался въ участіи въ убійствѣ пристава Поржицкаго. При избіеніи Аушро, по его словамъ, присутствовалъ подсудимый Ликкъ, который утверждалъ, что Аушро участвовалъ въ этомъ преступленіи.

Въ полицейскомъ участкѣ Ликкъ также говорилъ ему, свидѣтелю, что онъ сознался въ участіи въ убійствѣ Поржицкаго, подъ вліяніемъ побоевъ, которымъ его подвергли во Митавскомъ участкѣ».

Приведенныя здѣсь показанія заимствованы изъ протокола засѣданія рижскаго военнаго суда.

Въ день моего отъѣзда изъ Риги я получилъ письмо отъ одного заключеннаго А. изъ тюрьмы, которое привожу полностью со всѣми орѳографическими ошибками:

«Миня отправили въ сыскное отделеніе. Начальникъ Кошко придопросе далъ мне взубы какимъ то орудіимъ, такъ что уминя сразу выбилъ передній зубъ и еще 2 едва держутца; притомъ Кошко вывелъ меня бить казакамъ, которые принялись и изрубили намне одежу и также тело повырывали.

Пристава помочникъ 4 части московскаго участка разрубилъ мне шашкой голову у 2 местахъ, я облился весь кровью; притомъ ставили меня в ѣликтрической опаратъ, где с меня стенули всѣ мои мѣры. Наносили мне самые звѣрскіе побои. Терзали меня 8 сутокъ.

Лишили меня моего здаровья, такъ что я наоба уха оглохъ и не знаю за что меня вечно зделали колекой и кромѣ того томятъ въ тюрьме. Я имею жену и трое малолетнихъ дѣтей, которые остались безъ куска хлеба. Вотъ каково мое невинное мученье».

Кромѣ этихъ показаній, есть у меня еще другія,

которыя доказываютъ неоспоримость примѣненія въ трехъ перечисленныхъ застѣнкахъ тѣлесныхъ пытокъ, чтобы вызвать въ подсудимомъ оговоръ, какъ самого себя, такъ и другихъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу.

И эти пытки достигали своихъ результатовъ. Въ каждомъ процессѣ находились два, три такихъ лица, которыя не въ состояніи были перенести этихъ страшныхъ мукъ и оговаривали.

По отношенію къ нѣкоторымъ женщинамъ тоже примѣнялись тѣ же пытки. У одного присяжнаго повѣреннаго въ Ригѣ, я видѣлъ фотографію спины одной женщины, которая была сильно избита. Къ другимъ женщинамъ примѣняютъ угрозы слѣдующаго содержанія: «Если не покаешься, то знай, что тутъ есть казаки и мы отдадимъ тебя казакамъ поживиться! Тогда развяжется у тебя языкъ!»...

Одну изъ таковыхъ угрозъ пришлось услышать по отношенію къ себѣ одной молоденькой дѣвушкѣ, которая лично мнѣ это передавала.

Она говорила, что эта фраза такъ сильно на нее подѣйствовала, что и теперь безъ ужаса она не можетъ вспомнить этого момента. Она хорошо понимала тогда, что въ устахъ тѣхъ палачей это не угроза, а лишь предостереженіе, что если захотятъ они привести ее въ исполненіе, то не задумываясь—сдѣлаютъ.

Сейчасъ въ процессѣ 36-ти есть старуха Лахтъ, имѣющая отъ роду болѣе 50-ти лѣтъ; она такъ напугана всѣмъ происходящимъ около нея, что стала заговариваться, сдѣлалась совершенно ненормальной и защита потребовала подвергнуть ее медицинскому освидѣтельствованію.

Какъ я сказалъ выше, почти въ каждомъ процессѣ

находились слабые люди, на которыхъ пытки дѣйствовали удручающе и они оговаривали себя и товарища.

Такъ, въ процессѣ, который закончился недѣлю тому назадъ и въ результатѣ котораго оказалось 8 человѣкъ законно разстрѣлянныхъ, оговаривали двое: Виндеусъ и Таркшъ.

Объ этомъ процессѣ я сообщу отдѣльно, скажу только, что во время моего пребыванія въ Ригѣ министръ внутреннихъ дѣлъ затребовалъ это дѣло къ себѣ по телеграфу. Надо думать, онъ хочетъ дать отвѣтъ на запросъ Думы. Въ этомъ дѣлѣ, по заключенію защиты, 6 человѣкъ разстрѣляны невинно, ихъ alibi было ими установлено.

Теперь же перейду къ тому дѣлу 36-ти, которое должно закончиться, повидимому, крайне печально, а именно: смертнымъ приговоромъ для 18-ти человѣкъ.

Когда общество познакомится хотя бы вкратцѣ съ этимъ дѣломъ, то, быть можетъ, казнь ихъ вселитъ ужасъ въ обществѣ и остановитъ на будущее время руку палача.

Чтобы создать для этого большого дѣла «чистосердечныя признанія»—пришлось прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ средствамъ пытки, нежели примѣнялись ранѣе. Здѣсь недостаточно было пытать, нужно было грозить смертью, и даже убить.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ по показанію 3 свидѣтелей—подсудимыхъ:

«Понадобилось отправить 4 арестованныхъ въ исправительное рижское арестантское отдѣленіе. Сопровождалъ ихъ конвой, въ которомъ находился капитанъ пулеметной роты Павловскій. Арестованныхъ повели не городомъ, а окраинами, ночью. Въ это время свѣ-

тила луна. Когда они вышли на пустынное мѣсто, около Грюзенберга, конвой остановился.

Капитанъ предложилъ всѣмъ четверымъ покаяться въ покушеніи на ограбленіе конторы «Надежда».

Они отрицали свое участіе.

Тогда капитанъ замѣтилъ имъ, что если они не признаются, то онъ ихъ убьетъ, и приказалъ одному изъ нихъ, Іоднису, встать въ сторону и подумать.

Черезъ нѣсколько минутъ на вопросъ капитана, рѣшилъ ли онъ покаяться, тотъ отвѣтилъ, что онъ невиненъ, и ничего не знаетъ.

Капитанъ приказалъ солдатамъ разстрѣлять его.

Іодниса поставили въ сторону, дали нѣсколько выстрѣловъ по немъ, и убили...

Послѣ такого реальнаго осуществленія своей угрозы капитанъ Павловскій разсчитывалъ, что остальные трое сейчасъ же все ему покажутъ, но слѣдующій по порядку Бушманъ отвѣтилъ такимъ же незнаніемъ дѣла и невозможностью дать какія-либо показанія.

Ему послѣдовала такая же участь. И послѣ сдѣланнаго выстрѣла онъ замертво упалъ на землю.

Капитанъ Павловскій поднесъ зажженную спичку къ губамъ Бушмана и, увѣрившись, что казненный не дышетъ,—оставилъ обоихъ лежать на землѣ, а самъ вновь обратился съ предложеніемъ къ двумъ оставшимся въ живыхъ, не захотятъ ли они теперь покаяться.

Въ ужасѣ они вскрикнули:

— Все, все покажемъ! Не убивайте!

И эти двое, Андрее и Ревальдъ, чтобы спасти себѣ жизнь, оговорили большинство изъ этого процесса 36.

Совершенно неожиданно для капитана, Бушманъ ожилъ, былъ отправленъ въ тюремную больницу и черезъ мѣсяцъ поправился.

На вопросъ защиты, заданный на судѣ капитану Павловскому, почему на дорогѣ разстрѣляли Іодниса и тяжело ранили Бушмана, тотъ отвѣтилъ, что они сдѣлали попытку бѣжать.

Его попросили изложить подробности этой попытки и всѣ обстоятельства убійства; онъ очень путался въ показаніяхъ; сначала сказалъ, что онъ самъ не конвоировалъ арестованныхъ, а только шелъ по другой сторонѣ дороги; начальствованіе же конвоемъ было сдано имъ унтеръ-офицеру, фамилію котораго онъ не помнитъ, также не знаетъ ни одного изъ солдатъ, который находился въ составѣ конвоя. Потомъ капитанъ Павловскій показалъ, что въ моментъ выстрѣловъ онъ находился далеко отъ партіи, сзади, приблизительно въ 20 минутахъ разстоянія.

На вопросъ защиты, производилось ли по этому поводу дознаніе, предсѣдатель военнаго суда остановилъ защитника и не позволилъ больше касаться этого вопроса *).

---

*) Во время печатанія этой книги въ газетѣ „Свободная Жизнь" отъ 30 іюля 1906 г. появилась слѣдующая замѣтка:

„О дѣйствіяхъ извѣстнаго по усмиренію Прибалтійскаго края командующаго пулеметной ротою Павловскаго въ настоящее время, наконецъ, производится дознаніе. Какъ извѣстно, онъ, отводя арестованныхъ имъ лицъ въ тюрьму, по дорогѣ допрашивалъ ихъ, а когда они не признавались, онъ одного застрѣлилъ, а другого, Д. Бушмана, смертельно ранилъ, послѣ чего двое другихъ, Андрее и Ревальдъ подтвердили все, что онъ отъ нихъ требовалъ. Потомъ на основаніи ихъ показаній были привлечены къ отвѣтственности 36 лицъ, изъ которыхъ семь были приговорены къ смертной казни. Приговоръ кассированъ главнымъ военнымъ судомъ, и дѣло будетъ разсматриваться 8-го августа. (Корр. «Своб. Жизни»).

Тѣ же трое, оставшіеся въ живыхъ, свидѣтели этой кровавой сцены показали, какъ у меня и записано.

Нужно замѣтить, что когда Бушманъ сталъ поправляться, къ нему въ больницу явился жандармскій подполковникъ Байковъ и сталъ уговаривать его во всемъ сердечно покаяться, сказавъ, что въ противномъ случаѣ его опять поведутъ на пустынную гору Грюзенбергъ.

Бушманъ былъ твердъ и отрицалъ свое участіе.

ПРОЦЕССЪ 36-ТИ ВЪ РИГѢ.

Военный трибуналъ въ Ригѣ, какъ я уже упоминалъ въ предыдущемъ очеркѣ, разсмотрѣлъ 18 процессовъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, казнивъ 15 человѣкъ.

Каждый изъ этихъ процессовъ настолько интересенъ, настолько сильно въ каждомъ проявились несправедливыя отношенія судей, не считавшихся съ велѣніемъ своей совѣсти, что для полноты характеристики дѣйствій этой коллегіи необходимо разсмотрѣть каждый процессъ въ отдѣльности, но для этого потребуется слишкомъ много времени и мѣста.

Поэтому я выдѣлю тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ наибольшій интересъ, и начну съ процесса 36-ти.

Въ прошлой главѣ я писалъ, что для того, чтобы вымучить свидѣтельскія показанія для этого процесса, пришлось палачамъ одного изъ подсудимыхъ убить, а другого тяжело ранить; послѣ этого устрашенія двое наиболѣе слабыхъ, Андрее и Ревальдъ, оговорили остальныхъ лицъ.

Въ числѣ подсудимыхъ находятся двѣ гимназистки, одна изъ 5-го класса гимназіи, другая изъ 6-го; большая часть остальныхъ—несовершеннолѣтніе.

Есть одна старуха, имѣющая болѣе 50-ти лѣтъ. Она ничего не понимаетъ, что вокругъ нея дѣлается; не знаетъ, за что ее арестовали; все окружающее ее пугаетъ и разсудокъ началъ мутиться.

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ АРОНЪ ЛАПИДУСЪ.

Передъ началомъ суда администрація перевезла нѣкоторыхъ подсудимыхъ изъ исправительнаго рижскаго арестантскаго отдѣленія въ лифляндскую губернскую тюрьму.

Послѣдняя построена на 200 человѣкъ, но сейчасъ въ ней содержится болѣе шестисотъ. Въ одну одиночную камеру посадили 6 человѣкъ, такъ что на ночь весь полъ покрывался тѣлами, спали прямо на асфальтовомъ полу. Размѣръ камеры весьма маленькій, 3 шага въ одну сторону и 5 шаговъ въ другую. Недостатокъ воздуха, тѣснота, грязь, отсутствіе дневного свѣта черезъ затемненное частой желѣзной рѣшеткой окно,—все это скоро дало себя почувствовать и одинъ изъ подсудимыхъ Фрадкинъ, за 6 дней пребыванія въ такомъ помѣщеніи тяжело захворалъ; несмотря на его болѣзнь онъ былъ все-таки вызванъ въ судъ, товарищи принесли его на рукахъ, и въ такомъ видѣ онъ находился на судѣ; на другой день онъ уже не могъ явиться, а черезъ полтора сутокъ умеръ.

Тюремный докторъ навѣстилъ его уже послѣ смерти. Отъ какой болѣзни онъ умеръ, такъ и осталось неизвѣстнымъ и для большинства заключенныхъ загадочнымъ.

Тюремный врачъ въ своемъ оффиціальномъ донесеніи сообщилъ, что Фрадкинъ умеръ по причинамъ тѣсноты и сырости тюремнаго помѣщенія.

Послѣ этого арестованныхъ разсадили по двое въ каждую камеру.

Но, что всего страннѣе, на другой день послѣ смерти Фрадкина захворалъ въ той же камерѣ второй подсудимый, Захаровъ. Тогда администрація по-

торопилась перевести его обратно въ исправительное отдѣленіе рижской тюрьмы, въ лучшія гигіеническія условія и тамъ онъ быстро поправился.

Относительно этого подсудимаго Захарова необходимо сказать нѣсколько словъ.

Судъ приписываетъ ему большое участіе въ разсматриваемомъ преступленіи, считаетъ его за главаря боевой соціалъ-демократической дружины, и съ особеннымъ стараніемъ ищетъ уликъ, чтобы на законномъ основаніи казнить его.

Но уликъ нѣтъ!.. И когда господинъ Т. въ разговорѣ съ однимъ изъ судей, съ подполковникомъ Керманомъ, обратилъ на это обстоятельство его вниманіе, подполковникъ въ помѣщеніи суда отвѣтилъ ему:— «Это не важно! Есть ли улики, нѣтъ ли ихъ, все равно Захаровъ у насъ давно виситъ на веревкѣ».

Въ своемъ страстномъ желаніи удовлетворить кровавые инстинкты, военный трибуналъ приписываетъ ему участіе въ одномъ преступленіи, которое совершено черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Захаровъ былъ арестованъ, и содержался во время совершенія преступнаго акта въ тюрьмѣ. Судъ мотивировалъ свое обвиненіе въ участіи въ преступленіи арестованнаго человѣка тѣмъ, что пагубное вліяніе Захарова было настолько велико, что оно сказалось въ указываемомъ преступленіи. Въ этомъ, по мнѣнію суда—его вина, кромѣ того судъ призналъ правильными показанія одного свидѣтеля, изъ оговаривавшихъ, а именно Андрее, утверждавшаго, что между 17—20 октября онъ видѣлъ Захарова ораторствующимъ на народномъ митингѣ. Но защита отнеслась крайне недовѣрчиво къ этому показанію, хорошо зная, какимъ жестокимъ

образомъ добыты «чистосердечныя» признанія Андрее, и послѣ долгихъ трудовъ удалось ей установить alibi Захарова; именно въ это самое время Захаровъ содержался въ рижской тюрьмѣ.

Противъ Захарова имѣется еще кромѣ того личное раздраженіе судей; въ минуту запальчивости, видя эту картину суда, онъ имѣлъ неосторожность сказать: «Это не судьи, а мясники!»

Я видѣлся въ Ригѣ съ однимъ пріятелемъ Захарова; онъ передавалъ мнѣ, что Захаровъ хорошо знаетъ про сказанную классическую фразу судьи подполковника Кермана: «онъ давно у насъ виситъ на веревкѣ!» и ждетъ себѣ смерти, хотя хорошо понимаетъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ казнить его...

Онъ хорошо знаетъ, видя мстительность и несправедливость своихъ судей, попирающихъ права, законность и справедливость, что ему нѣтъ спасенья, и готовится встрѣтить смерть лицомъ къ лицо.

Въ то же время въ этомъ молодомъ организмѣ живетъ понятная жажда жизни; ему такъ хочется жить и работать для счастья будущей новой Россіи, что глядя на него дѣлается глубоко жаль за эту жизнь, которая погибнетъ отъ руки палача.

И это желаніе, потребность жить, порождаетъ въ немъ сильную мучительную борьбу; онъ готовился къ смерти, ждетъ ее, и въ то же время молодой, бодрый организмъ протестуетъ, возмущается, создавая этимъ страшныя мученія, глубокій внутренній разладъ.

Предсѣдатель Арбузовъ не вѣритъ даже, что передъ нимъ находится именно Захаровъ: онъ считаетъ, что это другая личность, называющаяся этой фамиліей; когда онъ давалъ ему подписывать какую-то бумагу,

то сказалъ: «Подписывайтесь какъ хотите—Маркомъ или кѣмъ другимъ... Захаровымъ,—для насъ все равно!»

По этому процессу допущено военнымъ трибуналомъ много правонарушеній какъ съ юридической, такъ и съ формальной стороны, которыя и изложу въ ихъ постепенномъ порядкѣ.

1) Дѣло 36 было изъято изъ общей подсудности и передано въ военный судъ временнымъ генералъ-губернаторомъ Соллогубомъ приказомъ отъ 15-го апрѣля, въ каковомъ одновременно дѣлается ссылка на положеніе объ усиленной охранѣ и на военное пололоженіе, т.-е. на два закона другъ друга исключающіе, такъ какъ въ статьѣ 8 военнаго положенія прямо указано, что въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено военное положеніе, устраняется дѣйствіе усиленной охраны.

Нужно замѣтить, что во время совершенія даннаго преступленія въ Ригѣ еще не было введено военное положеніе, о чемъ, между прочимъ, мѣстный губернаторъ Звегинцевъ въ своемъ обращеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ и сообщаетъ, прося его предать 36 человѣкъ военному суду на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Министръ удовлетворилъ это ходатайство.

Такимъ образомъ, преданіе военному суду, было санкціонировано двумя властями: министромъ внутреннихъ дѣлъ и временнымъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Это изобиліе властей и законовъ свидѣтельствуетъ,

что нѣтъ такого законоположенія и такой компетентной власти, которая бы въ правѣ была это сдѣлать.

2) Подсудимымъ были вручены обвинительные акты, отпечатанные на гектографѣ; отпечатаны они были такимъ образомъ, что прочесть ихъ было совершенно невозможно,—мѣстами были бѣлые листы бумаги.

А вѣдь людямъ грозитъ смертная казнь; они въ правѣ знать, за что ихъ обвиняютъ, а быть можетъ и казнятъ!

Они обратились съ ходатайствомъ къ предсѣдателю суда о присылкѣ другихъ обвинительныхъ актовъ, которые можно было бы разобрать.

Предсѣдатель нашелъ это совершенно излишнимъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они сидятъ въ одной тюрьмѣ и потому свободно могутъ сообщаться, и въ тотъ же день предсѣдатель суда на заданный ему вопросъ начальникомъ тюрьмы, можно ли подсудимыхъ соединить вмѣстѣ, подтвердилъ, что ихъ слѣдуетъ содержать порознь въ одиночкахъ.

Тогда подсудимые вновь обратились къ тому же предсѣдателю съ просьбой разрѣшить имъ ознакомиться съ дѣломъ въ канцеляріи суда, и въ случаѣ разрѣшенія распорядиться о доставленіи ихъ туда.

На это предсѣдатель Арбузовъ увѣдомилъ ихъ, что ознакомиться съ дѣломъ въ канцеляріи суда они имѣютъ право, относительно же доставленіи ихъ онъ не вмѣшивается, такъ какъ это дѣло тюремной администраціи, которая такъ и не отпустила въ канцелярію.

Никому изъ подсудимыхъ не пришлось ознакомиться со своимъ дѣломъ по обвинительному акту.

3) Всѣ обвинительные акты написаны на русскомъ языкѣ; въ числѣ же подсудимыхъ есть латыши, кото-

рые не знаютъ русскаго языка; переводчиковъ имъ не дали и они не могли даже прочесть то, что написано было въ актахъ ясно и четко.

Одинъ экземпляръ такого обвинительнаго акта, въ которомъ есть бѣлые листы бумаги, въ которомъ совершенно нельзя ни въ чемъ разобраться, я взялъ съ собою, какъ документъ.

4) Въ самый день засѣданія суда, судъ объявилъ, что прокуроръ измѣняетъ 6-и лицамъ выводы обвинительнаго акта, и вмѣсто обвиненія, за которое грозитъ подсудимому каторга, назначаетъ другое обвиненіе, по которому предстоитъ смертная казнь.

Защита просила судъ дать ей для подготовки защиты время, или разрѣшить вызвать новыхъ свидѣтелей для борьбы съ этимъ новымъ обвиненіемъ.

Судъ отказалъ.

5) На второй день судебнаго разбирательства подсудимый Фрадкинъ заболѣлъ и не могъ присутствовать на судѣ; прокуроръ далъ заключеніе выдѣлить дѣло.

Защита просила отложить все дѣло, такъ какъ выдѣленіе одного лица невозможно сдѣлать безъ нарушенія интересовъ остальныхъ подсудимыхъ, и такъ какъ обвиненіе Фрадкина тѣсно связано съ общимъ дѣломъ.

Судъ отказалъ и дѣло Фрадкина выдѣлилъ.

Послѣ отказа защита заявила, что лишается въ извѣстной части защитительнаго матеріала, который могъ бы представить отъ себя, въ своихъ объясненіяхъ, Фрадкинъ, и ходатайствовала для пополненія пробѣла вызвать новыхъ свидѣтелей, которыхъ и указала.

Судъ отказалъ.

6) Въ самомъ разгарѣ разбирательства дѣла судъ сдѣлалъ поразительное, изъ ряда вонъ выходящее, постановленіе. Одиннадцати подсудимымъ угрожаетъ смертная казнь только потому, что они обвиняются въ ограбленіи парохода на Двинѣ 15 дек. и ренсковаго погреба; предварительнаго слѣдствія о преступленіяхъ подсудимыхъ не производилось, и было замѣнено жандармскимъ дознаніемъ.

Защита узнала, что въ производствѣ судебнаго слѣдователя и окружнаго суда имѣются дѣла объ этихъ преступленіяхъ; она указывала суду на то обстоятельство, что при независимомъ другъ отъ друга теченіи дѣлъ объ однихъ и тѣхъ же преступленіяхъ въ военномъ судѣ и окружномъ судѣ возможно прямое противорѣчіе въ приговорѣ по одному и тому же дѣлу двухъ судебныхъ мѣстъ, ходатайствовала о пріобщеніи къ настоящему дѣлу указанныхъ дѣлъ окружнаго суда и судебнаго слѣдователя.

Военный судъ послѣ продолжительнаго совѣщанія постановилъ, въ ходатайствѣ защиты отказать на томъ основаніи, что та власть, которая предала подсудимыхъ военному суду, т. е. временный генералъ-губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ хорошо освѣдомлены о существованіи этихъ дѣлъ въ другихъ судебныхъ установленіяхъ; поэтому судъ мѣнять рѣшеніе этой власти не считаетъ въ правѣ, и въ ходатайствѣ отказываетъ. Такимъ образомъ, теперь можетъ получиться такое ненормальное положеніе:

Военный судъ признаетъ установленнымъ, что ограбленіе парохода на Двинѣ, 15 декабря, было учинено всего одиннадцатью лицами и приговоритъ къ смертной казни одиннадцать подсудимыхъ, которые сейчасъ

предстали предъ судомъ. На основаніи же другого матеріала, собраннаго судебнымъ слѣдователемъ, рижскій окружный судъ признаетъ, что тотъ же пароходъ, того же 15 декабря, былъ ограбленъ тоже одиннадцатью лицами, но совершенно другими и осудитъ другихъ одинадцать человѣкъ.

7) Въ числѣ предъявленныхъ обвиненій, находится весьма странное и совершенно невозможное для защиты обвиненіе. Подсудимыхъ обвиняютъ въ разбойничьемъ нападеніи на цѣлый рядъ ренсковыхъ погребовъ и винныхъ лавокъ въ теченіе декабря и января, при этомъ не указываются ни номеръ дома, ни владѣльцы лавокъ, ни время, ни обстоятельства ограбленія.

При такомъ небываломъ обвиненіи защита лишена всякой возможности оріентироваться и доказывать суду то, что защитѣ, да и самому суду неизвѣстно.

Кромѣ перечисленныхъ явныхъ нарушеній правъ подсудимыхъ, слѣдуетъ еще принять во вниманіе то общее положеніе, какое примѣняетъ судъ, а именно онъ не вызываетъ тѣхъ свидѣтелей со стороны защиты, которые хотя и живутъ на мѣстѣ совершенія преступленія, но не въ самой Ригѣ; свидѣтели же со стороны обвиненія вызываются отовсюду—изъ Курляндіи, Лифляндіи и др. мѣстъ.

Въ виду такого отказа многихъ свидѣтелей приходилось выписывать подсудимымъ за свой счетъ, но такъ какъ большинство изъ нихъ народъ неимущій, то защитники выписывали ихъ на свои деньги и немало израсходовались. Еще особенность этого суда заключается въ томъ, что за всѣ 18 разсмотрѣнныхъ процессовъ была пропущена только одна кассаціонная жалоба; остальныя не были допущены.

II.

Предыдущее дѣло восьми казненныхъ, разсмотрѣнное рижскимъ военнымъ судомъ, и настоящее дѣло 36-ти защищали: пріѣзжій изъ Петербурга адвокатъ Соколовъ и мѣстный изъ Риги—Шабловскій.

Какъ видно изъ предыдущей главы, защита находилась въ весьма затруднительныхъ условіяхъ.

Видя постоянное правонарушеніе суда, чувствуя себя совершенно безсильнымъ встать на дѣйствительную защиту невинныхъ людей, и своимъ активнымъ вмѣшательствомъ помочь выясненію истины, какъ и примѣненіе пытокъ въ застѣнкахъ,—все это создало особый взглядъ и особое отношеніе защиты къ тому дѣлу, которое оно приняло въ свои руки.

Этотъ взглядъ настолько интересенъ, въ особенности интересна та параллель, которую возможно провести между защитой мѣстной и защитой пріѣзжаго, столичнаго адвоката, что слѣдуетъ нѣсколько остановиться на этомъ.

Самымъ сильнымъ и крупнымъ защитникомъ изъ числа мѣстныхъ адвокатовъ можно считать г. Шабловскаго. Относительно этой самоотверженной и свѣтлой личности приходится сказать нѣсколько словъ.

Какъ только начались засѣданія этого жестокаго военнаго трибунала, еще съ января мѣсяца, онъ защищалъ всѣхъ подсудимыхъ, онъ былъ ихъ защитникомъ во всѣхъ 18-ти процессахъ.

Онъ задался цѣлью вырвать отъ смерти тѣ несчастныя жертвы несправедливой жестокости, которыя попадали въ руки военнаго трибунала, прилагая для этого всѣ свои знанія, трудъ и силы.

Онъ совершенно отказался отъ другой практики, которая приносила бы ему матеріальный успѣхъ, и исключительно отдался трудной и тяжелой борьбѣ съ неравнымъ врагомъ.

Многихъ изъ его кліентовъ казнили, хотя, по крайнему убѣжденію г. Шабловскаго, многіе изъ нихъ были совершенно невинны, а многихъ ему удалось спасти отъ петли...

Эти непрерывные процессы, постоянное общеніе съ призракомъ смерти, наблюденія надъ своими кліентами, сегодня бодрыми, здоровыми, а завтра рукою жестокихъ палачей казненными, въ конецъ измучили этого сильнаго, мужественнаго человѣка.

Но онъ до сихъ поръ не пропустилъ еще ни одного процесса военнаго трибунала. Мало того, у него сейчасъ въ портфелѣ имѣется около 50 обвинительныхъ актовъ того-же страшнаго, несправедливаго суда... И защиту ихъ онъ взялъ на себя.

Интересно видѣть его лѣстницу въ пріемные дни: она заполняется измученными ожиданіями казни своихъ родныхъ, друзей, близкихъ людей.

Здѣсь роняются слезы, здѣсь съ замираніемъ сердца ожидаютъ люди услышать слова увѣренія и надежды относительно дорогихъ имъ людей, жизнь которыхъ съ страшными усиліями отстаивается этимъ мужественнымъ человѣкомъ.

Отказавшись отъ всякой другой практики и весь отдавшись спасенію жертвъ изъ рукъ военной кол-

легіи, онъ сталъ терпѣть матеріальный недостатокъ, и его женѣ пришлось обратиться за уроками.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ, чтобъ раздѣлить трудность работы, пріѣзжали къ нему его столичные коллеги, а иногда дѣлили эту работу и мѣстные товарищи.

Изъ разговоровъ съ мѣстной адвокатурой пришлось выяснить, что они держатся совсѣмъ другой тактики на судѣ, нежели ихъ столичные коллеги. Мѣстная адвокатура, ознакомившись хорошо съ характеромъ и типомъ судей, увидѣвъ ихъ мстительную злобу, отсутствіе въ ихъ моральныхъ свойствахъ общепринятыхъ понятій этики, справедливости, честности, она прекрасно поняла, что при наличности перечисленныхъ условій ей нельзя бороться съ врагомъ иначе, какъ дѣлая видъ, что она этого не замѣчаетъ.

Давая отвѣтъ и ставя вопросы, мѣстные защитники стараются своею мягкостью утишить ихъ злобность; своимъ внимательнымъ и особенно деликатнымъ отношеніемъ къ военной коллегіи они стараются не вызвать ихъ мстительности.

Каждый рѣзкій отвѣтъ по существу дѣла, не касаясь личности судей, можетъ вызвать въ нихъ личное раздраженіе и тогда они отомстятъ, жестоко отомстятъ на своихъ жертвахъ, находящихся въ ихъ рукахъ.

Мнѣ сказалъ одинъ мѣстный присяжный повѣренный: «Знаете ли, намъ дорогъ и всего ближе намъ подсудимый. Мы отстаиваемъ и боремся за его жизнь. Поймите — боремся за жизнь человѣка!.. Намъ важно его спасти, безразлично, какую тактику примѣнить для этого.

Конечно намъ приходится отъ этого переносить уколы своему самолюбію... Но если мы этимъ спасемъ жизнь человѣка—то уколы самолюбія легко перенести.

Мы стараемся подкупить судей мягкостью своихъ защитительныхъ рѣчей, въ обращеніи къ нимъ проявляемъ самую изысканную деликатность и предупредительность; зачастую, видя поразительную нелогичность и безтактность ихъ дѣйствій, мы никогда не показываемъ во всей своей наготѣ абсурдность и безтактность ихъ поступка, наоборотъ дѣлаемъ видъ, что хотя эти дѣйствія и хороши, но было бы еще лучше и справедливѣе поступить иначе!..»

Я слушалъ эту рѣчь и недоумѣвалъ.

Должно быть мое недоумѣніе, написанное на лицѣ, обратило вниманіе собесѣдника, и онъ, какъ бы отвѣчая на мои думы, продолжалъ:

«Вотъ посмотрите, какъ печально окончился процесъ 8-ми казненныхъ. Въ немъ принималъ участіе петербургскій защитникъ Соколовъ. Онъ придерживался на судѣ совсѣмъ другой тактики: не считался съ личнымъ настроеніемъ судей, не обращалъ вниманія, что его рѣзкая, сильная рѣчь можетъ быть принята какъ личное оскорбленіе. Вы думаете, даромъ прошелъ для подсудимыхъ слѣдующій инцидентъ съ нимъ на судѣ?

Соколовъ просилъ предсѣдателя занести въ протоколъ суда показанія одного свидѣтеля о томъ, какъ его пытали въ застѣнкѣ, чтобы пытками вымучить показанія.

Предсѣдатель отказалъ въ этомъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что на занесеніе этого показанія объ истязаніяхъ понадобится много времени, защитникъ

Соколовъ возразилъ: времени потребуется на запись не болѣе того, чѣмъ было потрачено его на пытки подсудимаго въ застѣнкѣ.

На это заявленіе защитника предсѣдатель страшно разсердился, сдѣлалъ замѣчаніе Соколову о неприличіи его поведенія на судѣ.

И какъ бы вы думали, продолжалъ мой собесѣдникъ, въ результатѣ этого процесса казнили шестерыхъ человѣкъ невинныхъ. Защитой было установлено ихъ alibi и несмотря на это, судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни...

Кассація не была допущена... и ихъ разстрѣляли...

Я видѣлся съ присяжнымъ повѣреннымъ Соколовымъ, онъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе человѣка, умѣющаго и желающаго отстаивать со всей своей горячностью и пыломъ правоту дѣла. Онъ привыкъ къ петербургской защитѣ, гдѣ чувствуетъ себя сильнымъ и прекрасно вооруженнымъ въ борьбѣ съ несправедливымъ и злонамѣиеннымъ судьей; чувствуетъ себя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше несправедливостей, тотъ допускаетъ, такъ какъ за него, за правду стоитъ общественное мнѣніе.

Въ Петербургѣ защитникъ не считается съ настроеніемъ и личными чувствами предсѣдателя и судей. Давая отвѣты по существу дѣла, онъ не боится, что судья можетъ принять ихъ какъ личное оскорбленіе и станетъ мстить подсудимому, не считаясь со своею совѣстью.

III.

Все обвиненіе всѣхъ 36 человѣкъ основано на «чистосердечныхъ показаніяхъ»—пятерыхъ подсудимыхъ: Ревальде, Андрее, Зедина и двухъ другихъ. Они признались въ «застѣнкахъ» гор. Риги, что семь человѣкъ, теперь приговоренныхъ судомъ къ смертной казни, принадлежали къ офицерскому составу боевой дружины, и что они участвовали въ ограбленіи винныхъ лавокъ и парохода; также они оговорили и себя, признавъ и свое участіе въ этихъ дѣлахъ. Я особенно подчеркиваю то обстоятельство, что они признались во всемъ этомъ на полицейскихъ допросахъ именно въ застѣнкахъ. Чтобы добыть эти необходимыя признанія, ихъ тамъ страшно пытали; были пущены въ ходъ резиновыя палки, металлическіе кастеты; били ихъ прикладами, ногами, шашками. Подъ побоями они теряли сознаніе, ихъ окачивали водой, приводили въ чувство, предлагали «сознаться», и въ случаѣ упорства вновь били. Въ такія минуты переживаемыхъ ужасовъ они подтверждали все, чего отъ нихъ хотѣла полиція; они «чистосердечно признавались» во всемъ, что имъ диктовали, лишь бы прекратились ихъ нечеловѣческія муки.

Показанія Ревальде и Андрее были добыты еще болѣе жестокимъ способомъ, о которомъ я уже писалъ, а именно разстрѣляли двухъ другихъ товарищей для устрашающаго примѣра въ ихъ присутствіи на пустын-

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ЗОРАХЪ ПАНДЕ.

ной горѣ Грюзенбергъ, и подъ угрозой видѣннаго разстрѣла, при видѣ пролитой крови своихъ товарищей, они оговорили всѣхъ тѣхъ, кого намѣтила полиція.

На судѣ всѣ пятеро заявили, что они совершенно отрицаютъ все то, что записано въ полицейскихъ протоколахъ; они сообщили суду, что ихъ страшно пытали въ застѣнкахъ, такъ мучили, жестоко били, что они не выдержали и, чтобы облегчить свои страданія, они подписали полицейскіе протоколы, даже не зная, что подписывали; нѣкоторые же изъ этихъ пяти человѣкъ даже и не могли знать, что тамъ было написано, такъ какъ находились въ полусознательномъ состояніи отъ перенесенныхъ ими пытокъ.

Поэтому они просили судъ не считаться съ этими вымученными «показаніями».

Но у суда другого матеріала не было; добыть неоткуда, поэтому ему ничего не оставалось другого, какъ или, опираться на него или, совершенно отказаться отъ дѣла.

Четверо изъ приговоренныхъ къ смерти, Захаровъ, Рубинштейнъ, Верба и Шейнбергъ обвинялись въ томъ, что 15-го октября они произвели грабежъ и похитили 22 тысячи патроновъ съ парохода Рудольфа «Актэ».

Интересно было знать: откуда взялось это обвиненіе?

На судѣ имѣется только «чистосердечное признаніе» Ревальда и Андрее, вызванное угрозой и устрашающимъ примѣромъ разстрѣла двоихъ товарищей.

Они же на судѣ просили съ этими показаніями не считаться, такъ какъ они ложны и вызваны исключительно пережитымъ страхомъ при видѣ разстрѣлянныхъ товарищей.

Въ показаніяхъ же ихъ значилось, что они сами участвовали въ похищеніи патроновъ съ парохода, а также участвовали и эти четверо человѣкъ.

Другого указанія на это преступленіе на судѣ не было.

Не было даже не только свидѣтеля, который указалъ-бы, что данныя лица грабили пароходъ, но не было даже ни одного человѣка, кто бы подтвердилъ, что дѣйствительно пароходъ былъ ограбленъ.

На судѣ не было никакого заявленія, или полицейскаго протокола, свидѣтельствовавшаго о совершенномъ преступленіи ограбленія парохода!

Не было лица потерпѣвшаго!

Даже больше, не было ни одного человѣка, который бы слышалъ что нибудь о такомъ пароходѣ, съ котораго похищены патроны!

Въ такомъ случаѣ невольно является вопросъ: да было ли дѣйствительно совершено это ограбленіе? Былъ ли пароходъ такой Рудольфа «Актэ?» Были ли на немъ патроны? Ограбленъ-ли онъ?

Суду объ этомъ ничего неизвѣстно!

Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, это вымыселъ услужливой полиціи?

Вполнѣ возможно! Надо же полагать, что если бы случилась такая пропажа, то хозяинъ первымъ дѣломъ сообщилъ бы объ этомъ полиціи, съ просьбой сдѣлать розыски. Кромѣ того, надо думать, что тотъ же хозяинъ сталъ бы искать понесенные имъ убытки и обратился бы въ судъ.

Но этого ничего не было.

Даже больше, самъ судъ призналъ, что названіе

парохода или фамилія пораходовладѣльца не установлены.

И вотъ на основаніи такого неопредѣленнаго преступленія, не доказаннаго, неизвѣстнаго преступленія, четыре человѣка приговорены къ смертной казни.

Интересно знать, откуда взялось это дѣло? Если даже это вымыселъ, откуда онъ вышелъ, кѣмъ пущенъ въ ходъ?

Отвѣтъ одинъ: это дѣло создано жандармской полиціей. Это ея агентовъ предположеніе, что патроны, арестованные въ одномъ изъ тайныхъ хранилищъ, были похищены съ парохода и что виновниками похищенія являются указанныя четыре лица. Это результатъ ихъ тайныхъ шпіонскихъ предположеній, это тотъ подпольный матеріалъ, который никогда не можетъ быть извѣстенъ законному суду и на которомъ судъ никогда не можетъ строить и развивать свои догадки. Это матеріалъ о политической неблагонадежности тысячи лицъ, объявляемой полиціей; матеріалъ, добытый при особомъ умѣньи заглядывать въ душу человѣка и читать тамъ предполагаемыя имъ заговоры противъ государственнаго строя. Это тотъ матеріалъ, который собирался въ теченіе 25 лѣтъ охранными отдѣленіями и наводнилъ въ настоящее время архивный подвалъ департамента полиціи.

Раньше по этому матеріалу ссылали людей въ отдаленныя мѣста Якутской области, а теперь по тому же матеріалу при участіи военной коллегіи рижскаго судебнаго трибунала ихъ приговариваютъ къ смертной казни.

Интересно прослѣдить дальнѣйшее отношеніе судей къ этому матеріалу и къ подсудимымъ; какъ могли

они выйти изъ щекотливаго вопроса—сочетать законное судебное разбирательство, основанное на фактахъ и доказательствахъ, съ данными жандармскаго заглядыванія въ чужую душу, анализа внутреннихъ помысловъ и невысказанныхъ преступныхъ предположеній лицъ, которыя оказались подъ судомъ?

Изъ пяти подсудимыхъ, оговорившихъ себя и своихъ товарищей и доставившихъ единственный матеріалъ для судебнаго разбирательства, наиболѣе милый и нужный для полиціи былъ Зединъ. Полиція стала относиться къ нему особенно внимательно и заботливо послѣ того, какъ онъ указалъ ей тайный складъ патроновъ.

Въ своемъ «чистосердечномъ признаніи» Зединъ показалъ, что самъ участвовалъ въ ограбленіи винныхъ лавокъ и состоялъ въ боевой дружинѣ.

Несмотря на это, судъ его оправдалъ и выпустилъ на свободу.

И посмотрите, какая связь событій: послѣ освобожденія Зедина его видятъ нѣсколько разъ въ жандармскомъ отдѣленіи. И—Зединъ вчера убитъ...

Навѣрное жандармская полиція усматривала въ лицѣ Зедина полезнаго себѣ сотрудника нужнаго для сыска агента, и хотѣла его оставить у себя для дальнѣйшихъ, услугъ; для этого она рѣшила помиловать его и даже выпустить совсѣмъ на свободу, а судъ—его оправдалъ...

Во время допроса жадарм. полк. Байковъ обратился къ Захарову съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Я долженъ предупредить васъ, что вы и всѣ лица изъ процесса 36-ти, которыя принадлежали къ офицерскому составу боевой дружины, будутъ казнены. Въ дан-

номъ случаѣ мы не будемъ разбираться, совершили ли они какое либо преступленіе, или выяснять степень ихъ участія въ этомъ преступленіи—это уже для насъ несущественно, постараемся опредѣлить самое главное для насъ: числился ли такой-то въ офицерскомъ составѣ боевой дружины, и вотъ для этой цѣли я обращаюсь къ вамъ съ просьбой, укажите намъ этихъ лицъ, чтобы спасти невинныхъ, которые быть можетъ должны будутъ пострадать совершенно напрасно!»

Захаровъ отказался вступать съ жандармомъ Байковымъ въ какіе либо разговоры и въ оцѣнку его заключеній.

Теперь же, когда слова Байкова сбылись какъ по писаному, стало ясно, чѣмъ руководствовался судъ, вынося этимъ семерымъ смертную казнь.

Въ оговорахъ пяти человѣкъ они значились офицерами боевой дружины. За это ихъ казнятъ.]

Совершили ли они какое-либо преступленіе, какое именно, для суда осталось неизвѣстнымъ, невыясненнымъ.

Защита хотѣла вызвать свидѣтелемъ кого либо изъ служащихъ парохода Рудольфа «Актэ», но ей было дано времени всего одинъ день, чтобы познакомиться съ дѣломъ.

Но все таки защита установила, что пароходъ Рудольфа „Актэ"—очень маленькій, исключительно пассажирскій, перевозкой грузовъ не занимается, и это обстоятельство опять служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что быть можетъ никакого ограбленія тамъ совершено не было.

Быть можетъ, имѣя это въ виду, судъ въ своихъ

отвѣтахъ и постановилъ, что названіе парохода не установлено.

Затѣмъ въ «чистосердечныхъ признаніяхъ» Ревальда и Андрее при указаніи ими ограбленія парохода не было описанія факта преступленія. Въ подписанномъ ими протоколѣ ничего не упоминалось, при какихъ обстоятельствамъ, гдѣ и когда было совершено похищеніе патроновъ; всѣ важныя детали преступленія отсутствовали. Это подтверждаетъ мысль, что вдохновители «признаній» сами ничего не знали объ этомъ и потому не могли сочинить подробностей ограбленія.

* * *

И вотъ на основаніи вышеприведеннаго матеріала судъ выноситъ слѣдующій приговоръ: 7 человѣкъ приговорены къ смертной казни, въ ихъ числѣ Захаровъ и 3 его товарищей: Рубинштейнъ, Верба и Шейнергъ; 9 оправданы, 18 человѣкъ приговорены къ каторгѣ отъ 2 до 15 лѣтъ и одинъ, имѣющій 16 лѣтъ, назначенъ на 3 года въ тюрьму; его избавило отъ каторги малолѣтство.

Разсматривая приговоръ суда, дѣлается страннымъ и непонятнымъ, какими соображеніями руководствовался судъ при назначеніи наказанія? Почему для однихъ подсудимыхъ онъ назначилъ смертную казнь, для другихъ каторгу, а третьихъ совсѣмъ оправдалъ.

Вѣдь матеріалъ былъ одинъ и тотъ же—оговоры. Степень участія всѣхъ въ преступленіи совершенно одинаковая, неясная, недоказанная. Чѣмъ руководствовался судъ, оправдавъ 9 человѣкъ, также оговоренныхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ? Надо думать,

что судъ оправдалъ ихъ потому, что считалъ показанія этихъ пятерыхъ лицъ невѣрными и неправильными, какъ показанія, вызванныя подъ угрозой и насиліемъ.

Но тогда почему же судъ считаетъ, что этотъ источникъ свидѣтельства вѣренъ и правиленъ по отношенію къ тѣмъ семерымъ подсудимымъ, которыхъ онъ приговорилъ къ смерти?

Можно ли довѣрять человѣку, когда въ какомъ либо случаѣ приходится убѣдиться въ лживости его показаній? Конечно, нѣтъ!

Если онъ солгалъ въ одномъ случаѣ, онъ также солжетъ и въ другомъ. Какой же былъ критерій у суда, постановляя смертную казнь для семерыхъ и оправдывая девятерыхъ?

Невольно приходитъ въ голову сравненіе, сказанное однимъ защитникомъ на судѣ: «Господа судьи, можно ли напиться изъ источника, который загрязненъ? Вы черпаете воду и видите, что она грязная, испорченная, развѣ вы станете продолжать черпать ее вновь, въ надеждѣ получить чистую, годную для питья? Конечно нѣтъ! Разъ источникъ загрязненъ, то сколько ни черпайте, вода будетъ грязна!» Такъ и тутъ. Показанія вымучены пытками, они ложны, невѣрны! На этомъ основаніи, что они ложны, судъ оправдалъ 9 человѣкъ; но тогда на какомъ же основаніи судъ приговорилъ семерыхъ къ казни; вѣдь ложность показаній остается та-же, источникъ остается тотъ-же—загрязненный!?.

Въ числѣ приговоренныхъ этимъ военнымъ трибуналомъ въ каторжныя работы находятся двѣ юныя

гимназистки 5-аго и 6-аго классовъ гимназіи. Онѣ получили по 4 года каторги.

Вина ихъ заключается въ томъ, какъ видно изъ приговора, что онѣ участвовали въ санитарномъ отрядѣ и оказывали помощь раненымъ изъ боевой дружины.

Эти свѣдѣнія взяты изъ «чистосердечныхъ признаній» оговаривавшихъ тѣхъ же пятерыхъ подсудимыхъ. Должно быть тяжела была ихъ вина, если судъ, несмотря на ихъ юный возрастъ, не смотря на то, что это дѣти, приговорилъ къ каторжнымъ работамъ.

А вина ихъ заключалась въ томъ, что онѣ хотѣли быть милосердны и облегчить страданія раненыхъ и искалѣченныхъ людей. Въ порывѣ юнаго энтузіазма это желаніе такъ естественно, такъ понятно, что осужденіе ихъ на каторгу такъ же возмутитъ душу читателя, какъ и тотъ несправедливый смертный приговоръ семерымъ подсудимымъ.

Нѣтъ! Это недопустимо; общество должно стать на защиту своихъ дѣтей.

Правда, народная свобода покупается громадной цѣной, она не добывается легко и просто; нужны человѣческія жертвы и даже большія жертвы; но не нужно для счастья народа дѣтскихъ жертвъ.

Вѣдь это для дѣтей, для нихъ завоевывается эта свобода, поэтому ихъ надо беречь, а не жертвовать ими.

Когда къ нимъ въ камеру вошелъ защитникъ Соколовъ, они встали съ своихъ мѣстъ и сдѣлали ему низкій реверансъ, какъ принято это въ гимназіяхъ. На столѣ у нихъ лежалъ учебникъ географіи и французская грамматика. Содержались онѣ вдвоемъ въ одной камерѣ и прилежно занимались уроками.

На судѣ онѣ присутствовали въ коротенькихъ платьицахъ гимназическаго покроя.

Во время засѣданія суда онѣ по-дѣтски много хихикали и обращали этимъ на себя вниманіе судей; весь судебный процессъ ихъ очень забавлялъ и вызывалъ ихъ любопытство. Нужно было видѣть ихъ горящіе черные глазки, когда онѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали жестокую рѣчь военнаго прокурора, требовавшаго смертную казнь для ихъ товарищей подсудимыхъ; онѣ до конца суда не вѣрили, что кого нибудь изъ нихъ присудятъ къ смерти.

Но зато, когда явственно услышали суровый смертный приговоръ, онѣ готовы были разрыдаться. Имъ страшно стало не за себя, не за то, что онѣ пойдутъ на каторгу, а за то, что призракъ смерти уже стоитъ за плечами ихъ товарищей...

Онѣ вызвали къ себѣ защитника Соколова и съ глубокимъ страданіемъ стали спрашивать, неужели осужденныхъ казнятъ, неужели нѣтъ возможности спасти ихъ, доказать ихъ невиновность?

Соколовъ утѣшалъ бѣдныхъ дѣвочекъ, успокаивалъ ихъ и далъ имъ надежду, что главный военный судъ отмѣнитъ смертный приговоръ.

Продолжительными казнями, неутомимой жестокой дѣятельностью военнаго суда все рижское общество начало тревожиться.

Настроеніе создалось самое тяжелое, мучительное. Всѣ напряженно ожидали приговора суда по процессу 36-ти и, хорошо зная составъ этого военнаго трибунала, никто не ожидалъ рѣшенія милостиваго.

Поэтому вниманіе всѣхъ было главнымъ образомъ обращено на то—будетъ ли допущена временнымъ ге-

нералъ-губернаторомъ Соллогубомъ кассаціонная жалоба, или, по примѣру всѣхъ прошлыхъ процессовъ, она не будетъ принята и этихъ семерыхъ пошлютъ такъ же спокойно на казнь, какъ послали предыдущихъ восемь человѣкъ.

Это тяжелое выжидательное настроеніе невольно передавалось отъ одного къ другому; въ воздухѣ чувствовалась надвигающаяся грозовая туча.

1-го іюня днемъ состоялся разговоръ между рижскимъ полицеймейстеромъ Нилендеромъ и губернаторомъ Звегинцевымъ, относительно того, можно ли опасаться какихъ-либо безпорядковъ въ городѣ, если кассаціонная жалоба не будетъ принята. Полицеймейстеръ утвердительно сказалъ, что если кассація по этому процессу не будетъ допущена, то можно ожидать большихъ осложненій въ городѣ, что рабочіе первымъ дѣломъ объявятъ всеобщую забастовку, дальнѣйшіе результаты которой на такой почвѣ нельзя предвидѣть.

Въ 11 часовъ вечера того же дня была принята кассаціонная жалоба.

Всѣ увѣрены, что главный военный судъ не допуститъ больше подобныхъ правонарушеній и отмѣнитъ смертный приговоръ.

Незадолго передъ этимъ въ квартиру рижскаго присяжнаго повѣреннаго Шабловскаго, о которомъ я писалъ уже, пришли съ разныхъ концовъ губерніи пять человѣкъ съ печальными вѣстями.

Наступившая весна принесла имъ тяжелыя вѣсти. Уѣхавшіе на заработки или по своимъ дѣламъ ихъ мужья, братья долго не присылали о себѣ никакихъ свѣдѣній. Ихъ семьи безпокоились, ждали своихъ кормильцевъ, безпокоились, не могли понять—почему такъ

долго не возвращаются они, не присылаютъ денегъ, не пишутъ.

Наступившая теплая весна растопила снѣговой покровъ и открыла ужасную тайну. Тѣла исчезнувшихъ кормильцевъ лежали съ прострѣленной грудью, съ пробитыми головами въ лѣсу, на поляхъ.

Участники карательной экспедиціи моряковъ не озаботились даже похоронить убитыхъ и извѣстить ихъ семьи. Явившись къ Шабловскому, эти пять несчастныхъ пришли къ нему искать защиты.

Они обратились къ нему въ надеждѣ, что онъ заступится за нихъ, но—какъ?!..

РИЖСКІЕ ПРОЦЕССЫ.

Первое засѣданіе военнаго трибунала въ Ригѣ было посвящено разсмотрѣнію такого простого, такого яснаго, несложнаго дѣла, въ которомъ все фактически подтверждало полную невиновность подсудимыхъ, но ихъ все-таки судъ приговорилъ къ смертной казни.

Въ сущности, даже никакого преступленія не было, но все-таки оба обвиняемые, юноши, были разстрѣляны.

Знаменательно то обстоятельство, что судъ во всѣхъ восемнадцати процессахъ приговаривалъ подсудимыхъ къ разстрѣлянію, а не къ повѣшенію: потому что въ Ригѣ не находилось палача.

Обстоятельства этого страшнаго дѣла, которое по своей жестокости легло краеугольнымъ камнемъ во всѣхъ остальныхъ подобныхъ ему процессахъ рижскаго военнаго трибунала, были весьма просты.

На самомъ краю города Риги, гдѣ начинаются уже поля, на пригоркѣ стоялъ небольшой домикъ стариковъ Штейнберговъ.

Сынъ Штейнберга, молодой человѣкъ, 20-ти лѣтъ, только въ декабрѣ мѣсяцѣ возратился изъ Сибири, гдѣ онъ служилъ на пароходѣ. Съ собой онъ привезъ маленькій, дамскій револьверъ, который и хранилъ у себя дома.

Въ начавшемся движеніи въ Ригѣ молодой Штейнбергъ не принималъ никакого участія; онъ еще не

успѣлъ хорошенько оглядѣться послѣ долгаго пребыванія въ Сибири и разлуки со своими родными и друзьями.

5 января къ нему пришелъ его товарищъ Вадзе и сталъ уговаривать но хранить у себя дома револьвера, въ виду строгаго предписанія отъ полиціи, и предложилъ ему пойти вмѣстѣ съ нимъ въ участокъ и сдать его полиціи.

Послѣ нѣкотораго колебанія Штейнбергъ согласился; они одѣлись и вышли изъ дома. Но тутъ ихъ взяло сомнѣніе въ томъ, что полиція можетъ непріязненно отнестись къ нимъ въ виду того, что револьверъ заряженъ, и имъ пришла блестящая мысль разрядить его въ воздухъ, пользуясь пребываніемъ ихъ за чертою города.

Въ это время они спускались съ высокаго бугра, и внизу, скрытые отъ всякихъ постороннихъ глазъ, они сдѣлали одинъ выстрѣлъ въ воздухъ. Эхо гулко раскатилось, и имъ сдѣлалось страшно, если вдругъ кто-нибудь ихъ услышитъ; положивъ револьверъ въ карманъ, они побѣжали наверхъ холма, бросивъ всякое желаніе разряжать его такимъ опаснымъ способомъ.

Поднявшись на бугоръ, они увидали вдругъ казаковъ, которые выходили изъ калитки фотографіи, расположенной по другой сторонѣ холма. Казаки задержали ихъ, такъ какъ слышали выстрѣлъ изъ револьвера, и отправили обоихъ въ полицейскій участокъ.

Тамъ сняли съ нихъ допросъ, а потомъ предъявили обвиненіе въ томъ, что они, пользуясь прикрытіемъ холма, сдѣлали вооруженное нападеніе на 2-хъ каза-

ковъ, когда тѣ выходили изъ калитки сосѣдняго дома.

Чтобы они «чистосердечно признались», ихъ пытали, но ни тотъ, ни другой, несмотря на мученія, ничего не могли показать кромѣ того, что мною описано.

На судѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства фигурировалъ револьверъ; но потомъ, какъ было установлено свидѣтельскими показаніями, фигурировалъ револьверъ не тотъ, который былъ отобранъ у Штейнберга и принадлежалъ ему, а другой, весьма большого калибра; очевидно, кто-то услужливо подмѣнилъ его, такъ какъ тотъ былъ настолько малъ, что всякое обвиненіе въ покушеніи съ нимъ само собой бы пало, въ виду невозможности убить человѣка за десятокъ шаговъ отъ него.

О подмѣнѣ револьвера подтвердили на судѣ тѣ два казака, которые его отобрали у молодыхъ людей, и хорошо его видѣли и помнили. Кромѣ того, на судѣ было установлено, что сами два казака не обвиняли ихъ въ покушеніи на свою жизнь, и объясняли, что имѣвшійся у нихъ револьверъ не могъ бы даже причинить имъ вреда, такъ какъ они находились отъ юношей въ разстояніи не менѣе 60 шаговъ, а отобранный у нихъ револьверъ не можетъ стрѣлять дальше 30 шаговъ.

Судъ, поддерживая обвиненіе въ вооруженномъ нападеніи на казаковъ, доказывалъ, что въ моментъ раздавшагося выстрѣла юноши находились наверху бугра, спрятавшись за его гребень. Такое утвержденіе необходимо было въ виду того, что въ противномъ случаѣ,

ЖЕРТВЫ БѢЛОСТОКСКАГО ПОГРОМА.

УБИТЫЙ ИЦХОКЪ НЕБЕЛЬ.

находясь внизу бугра, они не могли бы даже видѣть казаковъ.

Это обстоятельство должно имѣть весьма существенное значеніе, такъ какъ по расположенію мѣстности, а именно бугра, калитки и мѣстонахожденія юношей, все ясно говорило за то, что только сверху бугра можно было видѣть выходившихъ изъ калитки казаковъ; поэтому судъ такъ упорно настаивалъ на томъ, что, въ моментъ выстрѣла, Штейнбергъ и Вадзе находились именно на верху.

Свидѣтельскія показанія установили совсѣмъ обратное; одинъ свидѣтель—мальчикъ показывалъ, что онъ видѣлъ ихъ внизу бугра, какъ они разряжали револьверъ въ воздухъ; другая свидѣтельница, находившаяся около казаковъ, подтвердила, что она видѣла верхъ бугра въ тотъ моментъ, когда былъ ею услышанъ выстрѣлъ и тамъ никого не было; потомъ уже, черезъ нѣсколько минутъ, показались наверху Штейнбергъ и Вадзе.

Кромѣ этихъ свидѣтелей оба казака подтвердили, что они видѣли этихъ юношей, подымавшихся на верхъ бугра, послѣ того, какъ раздался выстрѣлъ.

Давая свои показанія, казаки имѣли на судѣ очень удрученный видъ; они видимо чувствовали, къ чему клонится это дѣло, несмотря на то, что ихъ показанія были въ пользу подсудимыхъ. Они чувствовали, что являются невольными виновниками въ пролитіи невинной юношеской крови.

Защита, состоявшая изъ двухъ мѣстныхъ адвокатовъ, Шабловскаго и Мейера, особенно усиленно настаивала на необходимости мѣстнаго осмотра; этотъ осмотръ мѣстности окончательно бы уничтожилъ слѣды всяка-

го сомнѣнія даже въ самомъ предвзятомъ скептикѣ. Но судъ отказалъ...

Послѣ объявленія смертнаго приговора кассація не была допущена, и какъ только приговоръ вошелъ въ законную силу, обоихъ подсудимыхъ, Штейнберга и Вадзе, разстрѣляли. Родители ходатайствовали, черезъ мѣстнаго архіерея, у временнаго генералъ-губернатора о дарованіи жизни, но это ни къ чему не повело.

Наканунѣ казни было прощаніе родителей съ своимъ сыномъ въ тюрьмѣ; говорятъ, оно было чрезвычайно трогательное и тяжелое; до боли сжималось сердце, даже у такихъ привыкшихъ людей къ страданіямъ, какъ тюремщиковъ, которые видѣли эту сцену разставанія стариковъ съ любимымъ сыномъ.

Обстоятельствъ казни Штейнберга и Вадзе и подробностей всѣхъ приготовленій къ ней мнѣ не удалось узнать. Слышалъ только, что несчастные были страшно подавлены; отсутствіе за собой вины, непринадлежность къ какой-либо революціонной организаціи и отсутствіе связанныхъ вмѣстѣ съ нею идей—все это отнимало у нихъ мужество и вселяло ужасъ и страхъ передъ насильственной смертью, именно въ то время, когда они такъ молоды и сильны, когда жить такъ сильно хочется!

Они просили ихъ пощадить, пожалѣть молодую жизнь, и передъ разстрѣломъ еле держались на ногахъ, до того были слабы.

Всякому безпристрастному слушателю сейчасъ же бросается въ глаза, что вся военная коллегія представляетъ изъ себя какъ бы единаго военнаго прокурора. Этотъ судъ какъ будто заранѣе убѣжденъ въ его

виновности и потому относится къ обстоятельствамъ дѣла, какъ прокуроръ, отыскивающій въ нихъ все то, что можетъ послужить къ обвиненію, оставляя въ сторонѣ другія обстоятельства, могущія пролить дѣйствительный свѣтъ на дѣло.

Часто слышишь вопросы судей и предсѣдателя, обращенные къ свидѣтелямъ, которые задаются съ цѣлью усиленія обвиненія.

На этомъ основаніи, конечно, судъ придерживается того правила, что всѣхъ свидѣтелей со стороны обвиненія онъ вызываетъ въ судъ, и за неприбытіемъ нѣкоторыхъ откладываетъ засѣданія, тогда какъ свидѣтелей со стороны защиты вызываютъ только тѣхъ, которые живутъ въ Ригѣ.

Въ случаѣ неприбытія въ судъ свидѣтелей со стороны защиты слушаніе дѣла никогда не пріостанавливается, даже и въ томъ случаѣ, когда повѣстка назадъ еще не возвращена.

Что касается внѣшней процессуальной формы, то военная коллегія соблюдаетъ ихъ съ чрезвычайной точностью и аккуратностью.

То вниманіе и особая щепетильность, которыя проявляетъ судъ къ формѣ закона, особенно подчеркиваетъ его стремленіе задрапироваться въ тогу справедливости и законности.

Каждое заявленіе защитника внимательно выслушивается коллегіей до конца, придается ему извѣстная серьезность, и судъ удаляется въ совѣщательную комнату; иногда совѣщаются они долго, давая этимъ понять, что ходатайство защитника вызвало большія пренія и разногласія судей.

На ряду же съ этимъ систематически игнорируются

важные и въ высшей степени существенные обряды судопроизводства, именно тѣ, которые наиболѣе гарантируютъ справедливость и законность.

И въ результатѣ замѣчается слѣдующее: судъ призванъ не для того, чтобы судить людей, не для того, чтобы выяснять виновность лицъ въ томъ или другомъ проступкѣ.

Этотъ судъ есть не что иное, какъ прежнія карательныя экспедиціи, которыя работали до него и на смѣну которыхъ явилась новая упрощенная организація въ видѣ военнаго суда, съ застѣнками и пытками.

Практика повсемѣстныхъ дѣйствій карательныхъ экспедицій показала наглядно правительству всю свою непригодность, такъ какъ въ высшей степени революціонизировала населеніе.

При открытомъ дѣйствіи передъ лицомъ народа карательныя экспедиціи, проливавшія кровь безъ суда и слѣдствія, разстрѣливавшія по своей личной злобѣ, по полицейскимъ спискамъ, дѣтей, женщинъ и невинныхъ людей, увеличивали ряды негодующихъ и возмущающихся преступными дѣйствіями правительства и заставляли отворачиваться отъ себя даже тѣхъ благонамѣренныхъ людей, которые раньше были на сторонѣ порядка.

Такія революціонизирующія дѣйствія экспедиціи правительство нашло наконецъ неподходящими, неудобными, прямо невыгодными для себя и замѣнило ихъ судами на подобіе рижскаго застѣнка.

Характеръ судей, типы ихъ трудно было опредѣлить, они на судѣ мало выяснились; они мало вмѣшивались въ дѣло судопроизводства, а по тѣмъ вопросамъ, которые задавали свидѣтелямъ, обнаружили себя мало

интеллигентными людьми. Иногда приходилось удивляться, какъ можетъ задавать такой вопросъ человѣкъ, который окончилъ хотя бы 4—5 классовъ средней школы.

Такимъ удивительнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи проявлялъ себя подполковникъ Гусевъ, который потомъ былъ переведенъ куда-то, а его мѣсто заступилъ подполковникъ Керманъ.

Отношеніе судей къ предсѣдателю-генералу довольно подчиненное, хотя былъ одинъ такой изъ ряда вонъ выходящій случай, когда изъ этихъ 18-ти процессовъ судьи вынесли приговоръ подсудимому—ссылку въ каторжныя работы, а предсѣдатель суда остался при особомъ мнѣніи, подавъ свой голосъ за смертную казнь. Нужно думать, что въ практикѣ военнаго судопроизводства иногда повторялись такіе случаи несогласія судей съ мнѣніемъ предсѣдателя, такъ какъ такое обстоятельство вызвало необходимость издать секретный циркуляръ министра къ предсѣдателямъ военныхъ судовъ, въ которомъ онъ указывалъ, что предсѣдатели не всегда бываютъ достаточно авторитетны по отношенію къ офицерамъ, назначеннымъ быть судьями, на что министръ и обращаетъ вниманіе господъ предсѣдателей военныхъ судовъ.

Такое предписаніе министра совершенно извращаетъ понятіе о судопроизводствѣ, гдѣ главнымъ образомъ должна отсутствовать какая-либо авторитетность предсѣдателя по отношенію къ младшимъ членамъ суда, совѣсть которыхъ должна быть свободна въ рѣшеніи дѣла, а не насиловаться авторитетностью старшаго.

Есть еще интересный секретный циркуляръ министра къ временнымъ генералъ-губернаторамъ по пово-

ду кассацій дѣлъ, отданныхъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ.

«Согласно дѣйствующихъ правилъ смертные приговоры военныхъ судовъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства представляются на утвержденіе командующихъ войсками и временныхъ генералъ-губернаторовъ, которые имѣютъ право замѣнять смертную казнь другими наказаніями по собственному усмотрѣнію, причемъ министръ внутреннихъ дѣлъ, наиболѣе заинтересованный въ поддержаніи общественнаго порядка и въ успѣшномъ ходѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ лишенъ возможности высказать свое мнѣніе о томъ, насколько умѣстнымъ представляется смягченіе смертнаго приговора по условіямъ времени и соображеніямъ общаго характера.

«Вслѣдствіе этого на практикѣ разрѣшеніе военными властями вопроса о помилованіи того или другого революціонера не всегда бываетъ согласовано съ требованіями высшей государственной политики и общественнаго блага, а нерѣдко въ значительной степени зависитъ отъ личныхъ свойствъ и субъективныхъ взглядовъ военныхъ начальниковъ, на утвержденіе которыхъ поступаетъ приговоръ.

«Въ силу тѣхъ-же причинъ возникаетъ чрезвычайная неравномѣрность примѣненія смертной казни по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

«Находя такой порядокъ вещей не нормальнымъ, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ военному министру съ просьбой сообщитъ командующимъ войсками и временнымъ генералъ-губернаторамъ, чтобы они, сохраняя свободу дѣйствій по утвержденіи означенныхъ выше приговоровъ, доводили каждый разъ

до его, министра внутреннихъ дѣлъ, свѣдѣнія о намѣреніи своемъ замѣнить смертную казнь другимъ наказаніемъ и предоставляли бы ему возможность сообщать имъ свое мнѣніе по этому вопросу ранѣе принятія ими окончательнаго рѣшенія».

Изъ этого циркуляра видно, что власть временныхъ генералъ-губернаторовъ ограничивается въ вопросахъ отмѣны смертнаго приговора и переходитъ въ руки министра внутреннихъ дѣлъ, который будетъ разсматривать вопросъ не по существу дѣла, не съ точки зрѣнія степени виновности подсудимаго, а «по соображеніямъ общаго характера и по условіямъ времени».

При этомъ окончательно отрицается значеніе субъективныхъ взглядовъ военныхъ начальниковъ при отмѣнѣ ихъ приговоровъ, считая, что таковые могутъ быть излишне мягки и не согласованы съ требованіями «высшей государственной политики и общественнаго блага».

* * *

На-дняхъ готовится къ слушанію въ этомъ застѣнкѣ новое выходящее изъ ряда вонъ дѣло по обстоятельствамъ своимъ въ высшей степени трагичное.

Во Фрауенбургѣ, недалеко отъ Риги, во время декабрьскихъ событій большая толпа народа остановила городового Сырмеля и стала требовать отъ него шашку и револьверъ.

Городовой отдалъ оружіе и дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Въ своемъ донесеніи по прибытіи въ участокъ городовой Сырмель указалъ, что въ толпѣ при отби-

раніи у него оружія находился нѣкій Леппе, имени котораго Сырмель не знаетъ.

Впослѣдствіи, когда для наказанія виновныхъ выступилъ на сцену карательный отрядъ подъ начальствомъ полковника Визирова, вмѣстѣ съ барономъ Раденомъ, было забрано много лицъ, а затѣмъ по распоряженію полковника, безъ суда, большинство изъ нихъ было разстрѣляно.

Въ числѣ арестованныхъ находился и Яковъ Леппе.

Для его казни встрѣтилось маленькое препятствіе, заключавшееся въ томъ, что у Якова Леппе былъ еще другой братъ; въ своемъ же показаніи городовой Сырмель не могъ назвать имени Леппе, или указать на очной ставкѣ то лицо, которое онъ видѣлъ въ толпѣ.

Тогда суровый полковникъ примѣнилъ истинно мудрое рѣшеніе: чтобы не произошло ошибки, чтобы не могъ одинъ братъ пенять на другого, идя невиннымъ на казнь, полковникъ Визировъ приказалъ разстрѣлять обоихъ.

И ихъ повели къ разстрѣлу...

Въ это время, старикъ Леппе, ихъ отецъ, узнавъ о жестокомъ рѣшеніи командира бросился къ нему въ ноги и сталъ умолять пощадить жизнь его сыновей.

«Я старый служака Царю и отечеству! сказалъ онъ «я старый фельдфебель!.. потерялъ руку въ турецкую кампанію... Мнѣ нечѣмъ зарабатывать хлѣбъ, меня кормили моихъ два сына... Пощадите ихъ! Пощадите меня!.. Придется съ голоду подохнуть, или на старости лѣтъ побираться съ сумой».

Эти простыя, безыскусственныя слова мольбы тро-

нули сердце г. Визирова, и онъ сдѣлался милостивъ и въ порывѣ нахлынувшихъ добрыхъ чувствъ отвѣтилъ:

«Жалѣю тебя, старикъ, и изъ твоихъ сыновей, выбирай... котораго оставляешь для себя?!..»

И отецъ выбралъ...

Онъ долго колебался. Оба сына ему были дороги и милы. Минута была страшная, роковая: одинъ изъ нихъ сейчасъ будетъ убитъ, другой спасенъ, цѣною крови другого сына...

Его сердце обливалось кровью, онъ смотрѣлъ то на одного, то на другого поочередно, и не зналъ, котораго изъ нихъ послать на смерть. Одинъ изъ нихъ Яковъ былъ силенъ физически, по натурѣ рѣзокъ, несдерженъ; часто не слушался отца, вступалъ съ нимъ въ споры; но отецъ всегда цѣнилъ его трудоспособность, любовь къ труду, умѣнье бороться съ невзгодами жизни, его стойкость въ достиженіи цѣли.

Другой же тщедушный, болѣзненный, физически слабый; онъ отличался отъ своего брата мягкостью характера, своей любовью и вниманіемъ къ отцу, болѣе идеальнымъ взглядомъ на жизнь; по натурѣ онъ былъ болѣе мечтателенъ, поэтъ въ душѣ, любилъ природу; къ труду же былъ менѣе способенъ, нежели его братъ Яковъ.

Сердце старика съ особенной любовью обращалось въ сторону послѣдняго; ему оно оказывало предпочтеніе!..

Но разумъ говорилъ другое!

Холодный разсудокъ мозга, помимо воли старика, говорилъ, что Яковъ ему нужнѣе, полезнѣе...

Вопросъ борьбы за существованіе, вѣчный вопросъ

желудка, помутилъ разумъ старика, и онъ, не сознавая самъ, не отдавая себѣ отчета,—указалъ на... Якова.

Тогда сейчасъ же на глазахъ старика того, любимаго сына разстрѣляли, а Якову даровали жизнь.

Прошло нѣсколько времени, карательная экспедиція закончила свою кровавую эпопею и уступила мѣсто вновь организованному «Застѣнку».

Просматривая полицейскіе протоколы, услужливые члены рижскаго застѣнка вновь возбудили дѣло объ отнятіи шашки и револьвера толпою у городового Сырмель, и вновь выступилъ на сцену нѣкій Леппе, который былъ замѣченъ въ толпѣ городовымъ Сырмелемъ.

По распоряженію полиціи, оставшійся въ живыхъ Яковъ Леппе былъ арестованъ; для военнаго суда и для чиновъ полиціи не оставалось больше сомнѣній, что указанный въ полицейскомъ протоколѣ Леппе есть именно тотъ Яковъ Леппе, который былъ въ толпѣ и который благополучно проживаетъ во Фрауенбургѣ, такъ какъ другого Леппе больше нѣтъ на свѣтѣ...

Другой Леппе уже разстрѣлянъ за это дѣло карательнымъ отрядомъ полковника Визирова...

Теперь дѣло Якова Леппе скоро будетъ слушаться этимъ военнымъ трибуналомъ, и обвиненіе ему предъявлено по статьѣ § 279, по которой ему угрожаетъ смертная казнь.

Свидѣтелей по этому дѣлу судъ отказался вызвать, и только послѣ взноса г. Шабловскимъ денегъ, судъ разрѣшилъ ихъ вызвать.

ПРОЦЕССЪ И КАЗНЬ ВОСЬМИ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ РИГѢ.

Недавно казнили восемь человѣкъ въ Ригѣ по приговору военнаго трибунала; кассація не была пропущена и сейчасъ же, какъ приговоръ вошелъ въ законную силу, казнь была приведена въ исполненіе.

По заявленію присяжныхъ повѣренныхъ, защищавшихъ это дѣло, 6 человѣкъ казнены невинно; alibi ихъ установлено свидѣтельскими показаніями.

Министръ внутреннихъ дѣлъ затребовалъ это дѣло по телеграфу; когда я уѣзжалъ изъ Риги, я тоже захватилъ съ собою все это дѣло; только мое будетъ значительно полнѣе, такъ какъ у министра нѣтъ свидѣтельскихъ показаній, которыя на военномъ судѣ не заносятся въ протоколъ суда, у меня же имѣются всѣ свидѣтельскія показанія, записанныя на судѣ однимъ изъ защитниковъ.

Въ этомъ процессѣ, также какъ и въ другихъ, обвиненіе было построено на «чистосердечныхъ признаніяхъ», добытыхъ въ рижскихъ застѣнкахъ заплечными мастерами.

Двое изъ пытаемыхъ оказались наиболѣе слабыми: Виндедзъ и Таркшъ, которые и оговорили другихъ подсудимыхъ, а также и себя.

Ихъ «чистосердечныя признанія» были добыты все-таки съ большимъ трудомъ. Много пытали всѣхъ подсудимыхъ, въ особенности Виндедза и Таркша; на судѣ фигурировало, какъ вещественное доказатель-

ство, окровавленное бѣлье подсудимаго Эглита, котораго истязали до такой степени, что все бѣлье его окрасилось кровью.

Особенно дѣятельное участіе въ добываніи «признаній» проявилъ околоточный надзиратель Васмонтъ. Онъ отличался особеннымъ звѣрствомъ и безчеловѣчностью.

На судѣ тюремный фельдшеръ Фрейманъ показалъ, что часто бывали такіе случаи, что приводятъ въ тюрьму избитыхъ. «Помню, говоритъ онъ, ко мнѣ обратился одинъ подсудимый Виндедзъ, у него были совсѣмъ расшатаны зубы».

Свидѣтель Янсонъ показалъ, что подсудимаго Мейера избили такъ, что голова и спина были въ крови.

Свидѣтель Вейнбергъ показалъ, что подсудимаго Зауля такъ били въ полицейскомъ застѣнкѣ, что онъ не могъ спать, такъ какъ голова и спина были страшно избиты.

Тотъ же свидѣтель показалъ, что подсудимый Виндедзъ имѣлъ синюю спину.

Свидѣтель Андрей Калнитъ показалъ, что у подсудимаго Зауля ухо и глазъ были синіе, что видѣлъ своими глазами, а у подсудимаго Сиполя зубы были выбиты.

Свидѣтель Иванъ Голецъ показалъ, что Зауля страшно били въ участкѣ, и требовали, чтобы онъ чистосердечно во всемъ признался; при этомъ говорили, если онъ признается, то его больше бить не будутъ, въ противномъ случаѣ будутъ бить до тѣхъ поръ, пока не раскается во всемъ.

Свидѣтельскія показанія тюремнаго врача Вибе, дѣлавшаго медицинскій осмотръ избитыхъ въ застѣн-

кахъ подсудимыхъ, приведены въ одной изъ предыдущихъ замѣтокъ.

Теперь всякому можетъ быть понятно, каковъ матеріалъ «чистосердечныхъ признаній» фигурировалъ на судѣ, и можно-ли было на основаніи этого матеріала приговорить 8 человѣкъ къ смертной казни, и затѣмъ казнить ихъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что защита установила для шестерыхъ изъ нихъ alibi, но тѣмъ не менѣе и это обстоятельство не остановило руки палача.

Два брата Калеи были невинно казнены только на основаніи того, что въ толпѣ, гдѣ обезоруживали полицейскаго, кто то изъ находившихся тамъ ясно сказалъ: «кали»—когда же защитникъ обратился къ переводчику и спросилъ его, что означаетъ по латышски слово «кали», то оказалось, что «кали»—есть кузнецъ.

И все-таки не смотря на возможность того обстоятельства, что слово «кали» было отнесено не къ фамиліи, и не смотря на то что alibi обоихъ братьевъ было установлено свидѣтельскими показаніями, ихъ обоихъ казнили.

Изъ свидѣтельскихъ показаній было видно, что всѣхъ больше пытали Мейера; заплечные мастера почему-то обратили на него самое большое вниманіе, и надо думать, много потрудились надъ нимъ въ своемъ застѣнкѣ.

Мейеръ былъ крайне мужественный и сильный человѣкъ; онъ упорно отказывался признавать себя виновнымъ, несмотря на всѣ пытки, которыя къ нему примѣнялись. Истязали его съ упорствомъ, мно-

го разъ, и все-таки не вырвали ни одного слова «чистосердечнаго признанія» ни по адресу другихъ подсудимыхъ, ни по отношенію къ самому себѣ.

Военная коллегія тоже отвела ему самое видное мѣсто въ обвиненіи его главаремъ преступленія; судъ приписалъ ему главное участіе и главную роль въ совершеніи проступка.

Несмотря на установленное alibi, его тоже приговорили къ смертной казни.

Изъ числа другихъ подсудимыхъ обращалъ на себя особенное вниманіе нѣкій Сиполь. Онъ былъ очень меланхоличенъ и страшно подавленъ. На всѣ вопросы, обращенные къ нему со стороны обвиненія или защиты, онъ твердилъ свое неизмѣнное: «Я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь вамъ»!

Отъ природы чрезвычайно тихій, робкій, онъ производилъ своимъ видомъ такое впечатлѣніе, что не могъ быть активнымъ участникомъ преступленія.

Онъ возбуждалъ большую жалость къ себѣ и невольный страхъ за то, что неужели и эта невинная кровь будетъ пролита?

Защита установила, что Сиполь былъ въ моментъ совершенія преступленія у себя дома въ городѣ, тогда какъ само преступленіе совершено въ 5—6 верстахъ отъ города.

Наступило 14-ое мая—царскій день.

Всѣ восемь приговоренныхъ къ смертной казни, слушая увѣренія и надежды пришедшихъ къ нимъ на свиданіе близкихъ родныхъ, утѣшавшихъ, что ихъ помилуютъ въ царскій день, невольно поддались этому чувству ожиданія.

Вѣдь вины за ними нѣтъ никакой! Кажется, и милосерднымъ тутъ не приходится быть, а только лишь справедливымъ!

И надежда ихъ росла; надежда крѣпла въ томъ, что, быть можетъ, въ царскій день высшая администрація отнесется къ нимъ справедливо и не прольетъ ихъ невинной крови. Прошли день и ночь; наступилъ второй день... ихъ не везутъ на казнь.

А тѣмъ временемъ надежда все росла и крѣпла!..

Наступила темная глубокая ночь. Вся тюрьма крѣпко спала.

Утомившись, настрадавшись безконечно долгими ожиданіями смерти, всѣ уснули безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ и не ожидали, что смерть такъ близко, что за ними идутъ.

Впереди шелъ офицеръ, поручикъ Петровъ, и велъ за собой 16-ую роту Мало-Ярославскаго полка.

Эти солдаты, ничего не зная, еще съ вечера получили распоряженіе быть готовыми перевести въ эту ночь политическихъ арестованныхъ изъ одной тюрьмы въ другую. Они не знали, что идутъ казнить людей.

И вотъ, когда они вошли въ главный корпусъ, гдѣ содержались приговоренные къ смерти, обычная мертвая тишина тюрьмы была нарушена топотомъ сотни ногъ и грохотомъ оружія, шаги солдатъ гулко отдались въ этомъ могильномъ склепѣ...

И вмигъ тюрьма проснулась!..

Какъ электрическій токъ прошелъ чрезъ спавшихъ заключенныхъ, и они всѣ повскакали со своихъ постелей... Имъ ясно было, что означаетъ этотъ роковой шумъ въ такой необычный часъ.

И въ эту страшную минуту сознанія, какъ переходъ

отъ тяжелаго, кошмарнаго сна къ еще болѣе кошмарной и страшной дѣйствительности, произошло нѣчто дикое, чудовищное.

Тюрьма огласилась безумнымъ, нечеловѣческимъ ревомъ.

Тамъ, въ тюрьмѣ, содержалось, кромѣ восьми приговоренныхъ къ смерти, еще нѣсколько сотъ политическихъ заключенныхъ, которыхъ быть можетъ не сегодня завтра ожидаетъ та-же роковая участь.

Раздались отдѣльные, яростные крики: «Товарищи, сопротивляйтесь!.. Не отдавайтесь живыми въ руки палачей!.. Сопротивляйтесь!.. Мы васъ всѣ поддержимъ!..

Пусть васъ убьютъ здѣсь, въ борьбѣ..., но не идите на казнь... на бойню... какъ живое мясо!.. Сопротивляйтесь»!..

Тюрьма гудѣла!

Тутъ впервые солдаты поняли, для какого дѣла ихъ позвали. Имъ стало жутко...

Поручикъ Петровъ, увидя угнетенное настроеніе солдатъ, тотчасъ же скомандовалъ имъ пойти къ указаннымъ камерамъ и силой брать приговоренныхъ.

Защелкали замки, послышался стукъ отворяемыхъ дверей... и началось нѣчто страшное, жестокое, невообразимое...

Приговоренные къ смерти бросились на солдатъ въ рукопашную, завязался бой!

Крики усилились... Тюрьма дрожала отъ нечеловѣческихъ воплей, предсмертныхъ мучительныхъ криковъ.

Иные, находя борьбу съ солдатами безцѣльной, бросились къ желѣзнымъ рѣшеткамъ на окнахъ и головами стали биться, желая найти скорую смерть; дру-

гіе пытались броситься внизъ головой съ верхней галлереи, но солдаты не допустили ихъ.

Одинъ только Сиполь не оказывалъ сопротивленія; онъ какъ-то безумно оглядывался кругомъ, ничего не понимая, и шепотомъ твердилъ самому себѣ: «я невиненъ, я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь!»

Самое большое и стойкое сопротивленіе было проявлено Мейеромъ. Силачъ, громаднаго роста, онъ долго боролся съ солдатами.

Небольшіе размѣры камеры не давали солдатамъ окружить его со всѣхъ сторонъ и онъ, пользуясь выгодой такого положенія, побѣдно отражалъ нападенія ихъ.

Онъ дрался съ ними изъ послѣднихъ силъ, надѣясь въ этой неравной борьбѣ геройски встрѣтить смерть лицомъ къ лицу!

Эта борьба была чудовищна: съ одной стороны были направлены штыки, пущены въ ходъ приклады десятковъ людей, съ другой — одинъ приговоренный къ смерти, который, прекрасно сознавая, что нѣтъ ему спасенья, что онъ долженъ тутъ разстаться съ жизнью, сражался, имѣя въ своихъ рукахъ табуретъ, столъ и крѣпкіе, здоровые кулаки.

Но борьба была неравна. Силы его ослабѣли; его повалили на полъ и стали жестоко бить! Били въ отместку за то, что сопротивлялся.

Затѣмъ его связали по рукамъ и ногамъ.

Каждаго изъ восьми человѣкъ окружили кольцомъ солдаты, Мейера подняли, развязали ему ноги и всѣхъ подъ конвоемъ вывели изъ тюрьмы.

Это была мучительная, тяжелая минута изъ жизни тюрьмы. Оставшимся тамъ въ живыхъ, въ своихъ

одиночныхъ камерахъ, быть можетъ, было не легче, нежели тѣмъ, которыхъ повели на казнь.

Восьмерыхъ приговоренныхъ къ смерти вывели на дворъ тюрьмы; со всѣхъ сторонъ ихъ окружили солдаты.

Свѣтлая полоска предразсвѣтнаго утра озарила горизонтъ, прогоняя тьму ночи и привѣтствуя зарю восходящаго дня.

Ихъ повели черезъ весь городъ къ стоянкѣ миноноски на Двинѣ. Эта миноноска принадлежитъ Усть-Двинской крѣпости, расположенной въ устьѣ рѣки Двины, въ верстахъ 16—18 отъ гор. Риги. Управляется она четырьми минерами.

Приговоренныхъ размѣстили на миноноскѣ, нѣкоторые попытались броситься въ воду, а Мейеръ вновь вступилъ въ борьбу. Его снова повалили на полъ и связали ему ноги.

Нѣсколько разъ часовой ударялъ его головой объ полъ, чтобы онъ лежалъ спокойно, но Мейеръ не поддавался, употреблялъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ веревокъ.

Онъ производилъ впечатлѣніе сумасшедшаго.

Глаза налились кровью, лицо, какъ у безумнаго, обращалось на своихъ палачей съ готовностью растерзать ихъ.

Солдаты говорили, что онъ дѣйствительно съ ума сошелъ и не былъ похожъ на остальныхъ приговоренныхъ.

Сиполь, попрежнему держась въ сторонѣ отъ другихъ, тихо, несвязно говорилъ, какъ бы самому себѣ: «Я ни въ чемъ не виноватъ! Клянусь!..»

Остальные пѣли революціонные гимны, ободряли другъ друга.

Уже совсѣмъ разсвѣло, только солнце еще не показывалось изъ-за горизонта, когда миноноска пристала къ острову Манусгольмъ на р. Двинѣ, недалеко отъ моря.

Этотъ островъ небольшой, въ южной своей части заселенъ рыбаками, а въ сѣверной застроенъ фортами, принадлежащими Усть-Двинской крѣпости.

Тамъ имѣется церковь.

Миноноска причалила къ сѣверной части острова, около форта, и высадила своихъ измученныхъ плѣнниковъ.

Подъ тѣмъ же конвоемъ ихъ повели къ пескамъ, которые расположены въ той части острова, которая обращена къ морю. Было тихое, роскошное утро. Показавшіеся первые утренніе лучи веселымъ блескомъ озарили широкую, водяную гладь и мелкими блестящими искрами отразились въ легкой зыби волнъ.

Песокъ, окаймленный серебристой водой, тоже весело отражалъ въ своихъ песчинкахъ золотые лучи пробудившагося майскаго утра.

Природа ликовала! Она не замѣчала, не хотѣла замѣчать людской жестокости, неправды, злобы и хотѣла своими неподкупными ласками, тепломъ, своей нарядной красотой вознаградить несчастныхъ въ эти тяжелыя минуты—ихъ разставанья съ жизнью.

Но особенно тяжело было разставаться именно въ это прекрасное утро! Особенно сильно протестовала противъ насильственной смерти молодая, полная огня и жизни, натура человѣка; особенно сильно хотѣлось жить и бороться...

Приговоренныхъ торопили къ мѣсту казни. Съ ней запоздали; все выше поднималось солнце, а это кровавое дѣло надо было окончить еще въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ.

Невдалекѣ показались 8 столбовъ, вкопанныхъ въ песокъ, тутъ же около нихъ были вырыты ямы. Гробовъ не было,

Ихъ подвели къ мѣсту казни и стали привязывать къ столбамъ.

Наступила ужасная минута; Сиполь, съ безумнымъ взглядомъ, бросился на привязывавшихъ его усть двинскихъ пѣхотинцевъ, что-то кричалъ имъ, слышались его отдѣльныя слова: «Я не виновенъ! За что? За что?» Но когда веревки все туже обхватывали его тѣло и узелъ окончательно былъ затянутъ и уже готовились накинуть на его голову мѣшокъ, онъ въ припадкѣ безумія набросился зубами на одного солдата, не понимая, что дѣлаетъ.

Въ эту страшную минуту онъ сошелъ съ ума!.. Пѣна выступила около губъ, и онъ скончался, затянутый веревками, въ страшныхъ мукахъ.

Другіе приговоренные просили солдатъ не привязывать ихъ къ столбу и не надѣвать на головы мѣшка. Солдаты отвѣтили, что не имѣютъ права этого сдѣлать, и продолжали свою работу.

Не такъ-то просто дѣло обошлось съ Мейеромъ: потребовалось употребить большую силу и побои, чтобы притянуть его веревками къ позорному столбу.

Солдатамъ, пѣхотинцамъ, онъ крикнулъ:

— Помните! Вамъ, солдаты, будетъ гораздо хуже, нежели намъ! Наша кровь отзовется на палачахъ!..

Съ большимъ трудомъ удалось устьдвинскимъ пѣхотинцамъ накинуть ему на голову мѣшокъ; онъ такъ же какъ и Сиполь бросался, зубами хватая руки, привязывавшія его къ столбу.

Затѣмъ прочитали имъ приговоръ, выстроили передъ столбами 16-ю роту малоярославскаго полка, и поручикъ Петровъ скомандовалъ:

«Пли»...

Раздались три залпа.

Тѣла вмѣстѣ со столбами побросали въ яму и засыпали ихъ рѣчнымъ пескомъ.

Слѣды всѣ скрылись, песокъ попрежнему искрился подъ лучами ярко озарившаго солнца, а веселыя волны все также катились къ морю, рѣзвясь и обгоняя другъ друга.

Не скрылись только слѣды этого кроваваго преступленія въ душахъ солдатъ мало-ярославскаго полка, подневольно разстрѣливавшихъ невинныхъ людей. Проливъ эту кровь, они сильно пріуныли духомъ.

Уходя отъ лобнаго мѣста, въ ихъ ушахъ еще раздавались крики разстрѣливаемыхъ; предъ ихъ глазами неотступно стояли безумные взгляды сумасшедшаго Сиполя и всѣ детали этой ужасной картины современной казни.

Они не могли сдержать въ себѣ всего пережитаго, видѣннаго, перечувствованнаго за эту ночь, и чтобъ отвести душу, разсказали о своихъ пережитыхъ страданіяхъ и сомнѣніяхъ въ своемъ поступкѣ другимъ товарищамъ солдатамъ.

Отъ одного изъ этихъ солдатъ, слышавшихъ исповѣдь товарищей, но который состоитъ въ револю-

ціонной организаціи, мнѣ удалось узнать, о тяжеломъ настроеніи ихъ и о всѣхъ подробностяхъ казни.

Онъ говорилъ: Настроеніе солдатъ было такое тяжелое; сомнѣнія такъ сильно овладѣли ими, что если бы нашелся среди своихъ разстрѣливающихъ, хотя бы одинъ смѣльчакъ, который бы крикнулъ: «Ребята, не стрѣляйте!»—то никто бы не выстрѣдилъ.

«Да! продолжалъ солдатъ, если бы нашелся такой храбрый изъ насъ и сдѣлалъ бы это, то потомъ мы бы всѣ его благодарили, не пришлось бы терпѣть на своей душѣ эту тяжесть».

БЕЗНАДЕЖНЫЙ ПРОЦЕССЪ.

Мы узнаемъ сегодня черезъ «Вечерн. Изв. Прав. Вѣстн.», за что конфискованъ былъ № 58 «XX Вѣка».

Изъ приведенныхъ въ сообщеніи пунктовъ, статей и раздѣловъ «Временныхъ правилъ 24-го ноября 1905 г.» догадываемся, что намъ инкриминируется фельетонъ В. Владимірова о «Застѣнкѣ въ Ригѣ».

Согласно милымъ и вѣжливымъ «временнымъ» правиламъ гр. Витте, обвиненіе предъявляется намъ за «завѣдомо ложныя свѣдѣнія». Какъ извѣстно, девять изъ десяти подобныхъ обвиненій противъ печати дѣйствительно бываютъ завѣдомо ложны. Мы надѣемся, что и настоящее дѣло не явится исключеніемъ изъ общаго правила, мы даже увѣрены въ этомъ. Мы будемъ очень рады, если рижскія кровавыя застѣночныя тайны станутъ предметомъ гласнаго судебнаго разбирательства въ Петербургѣ, и мы увѣрены, что судить будутъ не насъ, а рижскихъ заплечныхъ мастеровъ, хотя ихъ и не будетъ на скамьѣ подсудимыхъ, куда пригласятъ сѣсть не палачей, а честныхъ журналистовъ.

Не понимаемъ, при чемъ въ этомъ процессѣ ст. 103, которая также всуе упомянута въ сообщеніи «Вечерн. Изв. Прав. Вѣстн.». Мы полагаемъ, выводить на чистую воду дѣянія рижскихъ полицейскихъ палачей и неправосудіе рижскаго временнаго военнаго суда значитъ служить также и достоинству и чести высшей государственной власти.

Откровенно говоря, сомнѣваемся даже, чтобы въ этомъ завѣдомо неправомъ искѣ къ органу печати дѣйствительно перешли отъ словъ къ дѣлу: слишкомъ уже безнадежная кляуза! «Вопросъ», возбужденный спб. комитетомъ по дѣламъ печати, пожалуй, такъ и останется вопросомъ... не для насъ, конечно.

О ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ.

ГЛАВА I.

КАЗНЬ БАЛМАШОВА.

Скитаясь долгіе мѣсяцы по глухой и дикой тайгѣ въ Якутской области, мнѣ приходилось часто слышать живые и искренніе разсказы моего товарища по ссылкѣ, шлиссельбуржца П., проведшаго въ одиночномъ заключеніи въ Шлиссельбургской крѣпости около тринадцати лѣтъ.

Его спокойныя, въ высшей степени простыя и безъискусственныя описанія, какъ самой крѣпости, условій жизни, суроваго режима, такъ и характеристики узниковъ, томившихся тамъ болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, производили тяжелое, подавляющее впечатлѣніе.

Слушая его, казалось минутами, что это рѣчь не живого человѣка, передающаго свои чувства и мысли, а какъ бы мертвеца, воскресшаго изъ каменнаго гроба, вырвавшагося изъ могильнаго склепа, который раскрываетъ передъ нами, пользующимися ласками жизни, теплотою солнца, лѣтопись былыхъ своихъ страданій и надеждъ.

Слушая его, становилось стыдно за себя и за другихъ, пользующихся удобствами жизни, ея благами, наслаждающихся красотою природы, музыкой и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ такъ богата и прекрасна жизнь.

И въ такія минуты заглядыванія въ свою душу, эти

простые разсказы о крѣпости, о всѣхъ ужасахъ произвола администраціи, о безпросвѣтныхъ безконечно долгихъ дняхъ томленія въ каменномъ гробу въ теченіе такого большого промежутка времени, глубоко западали въ сердце и отчетливо запечатлѣвались въ памяти.

Во время этихъ разсказовъ, въ моемъ воображеніи рисовались тѣни умершихъ борцовъ за свободу, не вынесшихъ всей тяжести суроваго режима; они умерли въ борьбѣ противъ правительственнаго гнета и произвола крѣпостной администраціи и за улучшеніе условій жизни заключенныхъ. Рисовались мнѣ тѣни казненныхъ въ стѣнахъ этой страшной крѣпости, откуда въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не вылеталъ ни одинъ человѣческій звукъ, ни одинъ стонъ умиравшихъ людей.

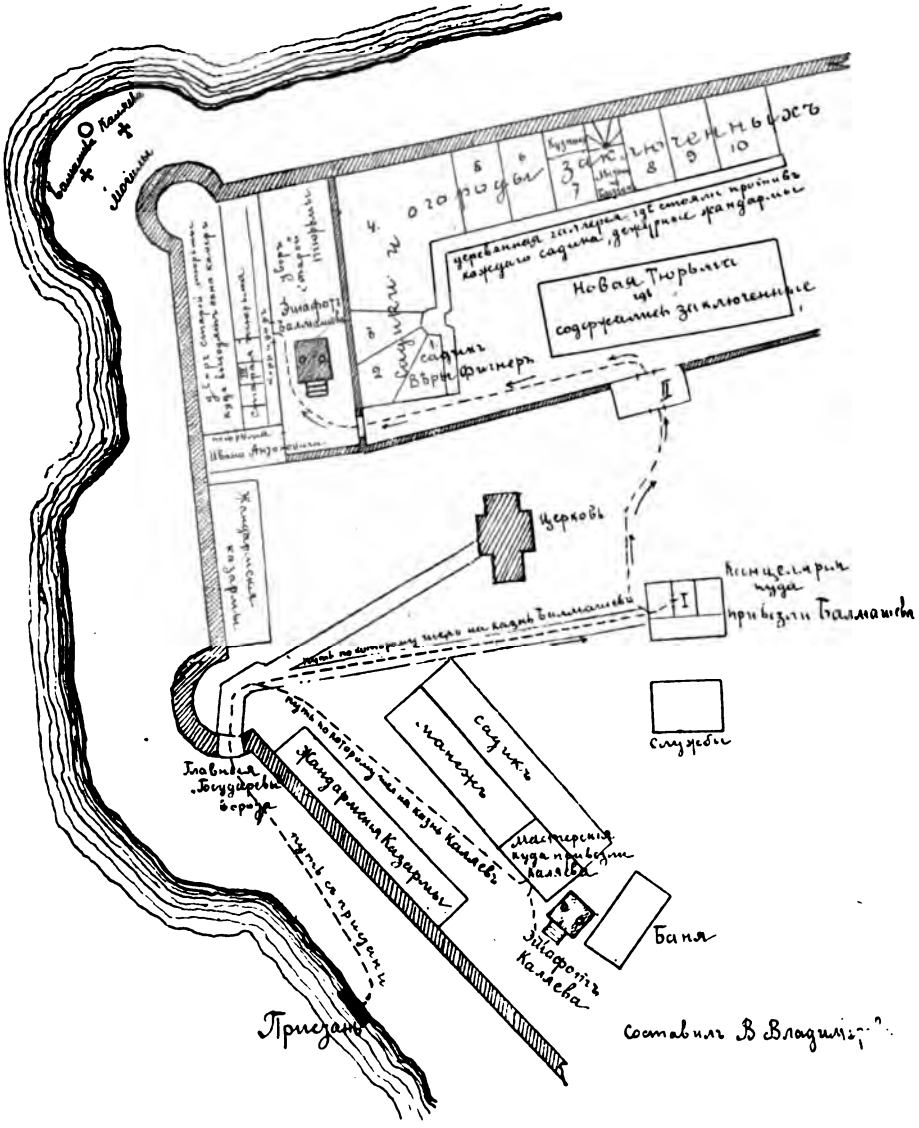
Эти каменныя глыбы крѣпости, окруженныя со всѣхъ сторонъ водой, твердо охраняли правительственный произволъ, находясь въ союзѣ съ нимъ.

Черезъ толстыя стѣны не проникало наружу ничего живого, за первыя двѣнадцать лѣтъ, какъ была привезена туда первая партія политическихъ; ничего не проходило черезъ нихъ изъ того, что бы говорило о страшной тайнѣ, жившей внутри ихъ. Эти стѣны молчали такъ, какъ только умѣютъ молчать камни.

И вотъ первыя ласточки весны, вылетѣвшія оттуда, разсказали о своихъ товаришахъ, оставшихся тамъ, еще живыхъ, но истомленныхъ одиночествомъ; такими ласточками были 4 товарища, вывезенные оттуда на поселеніе въ Якутскую область, съ которыми пришлось познакомиться во время моей ссылки.

Когда я слушалъ въ тайгѣ, при совмѣстныхъ скитаніяхъ, эти разсказы, въ моемъ воображеніи ни разу

Планъ расположенія эшафотовъ Балмашова и Каляева и мѣста заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости.



не представлялось, что историческая крѣпость такъ скоро будетъ упразднена. Я не смѣлъ даже мечтать, что такъ скоро увижу ее не съ наружной стороны, какъ это бывало раньше при поѣздкахъ по Невѣ и по Ладожскому озеру, а войду во внутрь самой крѣпости, на дворъ ея, увижу мѣста заключенія моего товарища и всѣхъ другихъ узниковъ.

Когда я садился на яликъ, чтобы плыть на островъ, сердце съ тревогой замерло. Вѣдь у меня не было никакого разрѣшенія на осмотръ крѣпости, ничьей санкціи. Кромѣ большого желанія видѣть ее, посмотрѣть могилы казненныхъ, вдохнуть въ себя этотъ воздухъ, пропитанный былыми страданіями, у меня ничего не было. Даже не было какой-либо рекомендаціи къ коменданту. Пожалуй, рискованно пускаться во внутрь этой таинственной крѣпости, съ однимъ лишь желаніемъ ее видѣть, но за неимѣніемъ ничего лучшаго, пришлось такъ сдѣлать.

Когда мы обогнули каменный молъ, о который съ ожесточеніемъ разбивались вырывавшіяся изъ широкой глади озера веселыя волны, я спросилъ яличника:

— Скажите, пожалуйста, какъ, по вашему мнѣнію, можно ли будетъ осмотрѣть крѣпость?

Онъ поднялъ голову на мой вопросъ, сталъ легче налегать на весла, и равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Чать разрѣшеніе есть отъ начальства, бумага ихняя, - тогда можно, пускаютъ.

— Ну, а безъ бумаги не пускаютъ развѣ? Вѣдь тамъ теперь никого нѣтъ изъ заключенныхъ, тюрьма ужъ упразднена, отчего бы не пускать? — продолжалъ я спрашивать яличника.

— Такъ-то оно такъ, да все бы лучше бумагу имѣть.

Вотъ я здѣсь сколько времени яличникомъ состою, много народу перевозилъ, всяческаго, а самъ дальше пристани на островъ не выходилъ. Боязно! Съ этимъ народомъ, съ жандармами, не дай Богъ дѣла имѣть, лучше подальше, войдешь туда, въ крѣпость, а потомъ и не выйдешь! Нѣтъ, лучше и не заглядывать туда!

Помолчавъ съ минуту, онъ спросилъ:

— А вы, баринъ, по дѣлу какому ѣдете?

Я замялся, не зналъ, что ему отвѣтить; первую минуту боялся сказать ему, что ѣду безъ дѣла и безъ бумаги, единственно только для того, чтобы посмотрѣть, гдѣ и въ какихъ условіяхъ находились близкіе мнѣ люди.

Побоялся потому, что быть можетъ онъ плохой человѣкъ и помѣшаетъ мнѣ выполнить мою задачу, но, увидѣвъ это простое лицо съ широкой съ просѣдью бородой, съ ясными голубыми глазами, я сразу почувствовалъ, что задалъ онъ вопросъ безъ всякой задней цѣли, безъ дурного умысла, а просто изъ житейскаго любопытства.

Я ему отвѣтилъ и попросилъ совѣта, какъ мнѣ поступить, когда я высажусь на островъ.

«Входите въ ворота, отъ пристани недалече, тамъ навѣрное встрѣтитъ васъ жандармъ, вы ему скажите, а тамъ видно будетъ, коли нельзя—приходите, я васъ буду ожидать на пристани,—увезу обратно».

Сказалъ лодочникъ и налегъ на весла; въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣла сильное теченіе и онъ съ трудомъ выгребалъ.

Роскошное весеннее солнце свѣтло и радостно озаряло широкую гладь громаднаго озера, открывшагося передъ нашими глазами. Легкія волны весело плеска-

лись о борта ялика, слегка раскачивая его. Утро было прекрасное, теплое. Оно бодрило человѣка, заставляло глубоко вдыхать въ легкія насыщенную парами утреннюю прохладу.

И это утро, и эта красивая природа усиливали еще болѣе грусть и непонятную тоску при видѣ каменныхъ громадныхъ стѣнъ, съ широкими башнями по угламъ, съ бойницами, говорящими безъ словъ о томъ историческомъ памятникѣ, который служилъ такъ долго опорой самодержавнаго строя.

Когда причалилъ яликъ къ небольшой деревянной пристани, яличникъ показалъ мнѣ куда идти, поднявшись вмѣстѣ со мною на пригорокъ. Здѣсь было нѣсколько чахлыхъ деревьевъ и небольшіе кустарники, кругомъ поросла густая высокая зелень, среди которой извивалась узенькая тропка, отчетливо показывавшая мнѣ путь.

Яличникъ возвратился назадъ къ себѣ въ лодку, рѣшивши терпѣливо ожидать моего возвращенія; онъ не захотѣлъ слѣдовать во внутрь крѣпости.

Я вошелъ въ широкія ворота башни, надъ входомъ которой красовался черный двуглавый гербъ и надпись «Государева».

Въ воротахъ никто не встрѣтился и я пошелъ дальше. Пройдя темную внутренность башни, очутился на большомъ свѣтломъ дворѣ, обсаженномъ деревьями и густой зеленью. На дворѣ было тихо, спокойно, мертво. Не видно было ни одной человѣческой души. Только воробьи чирикали на деревьяхъ. Налѣво красовалась церковь съ блестящимъ на солнцѣ золотымъ крестомъ; направо и налѣво отъ входа вдоль крѣпостныхъ стѣнъ тянулись казармы, покрашенныя бѣлой краской, надо

думать жандармскія службы, а налѣво за церковью высилось красное, новой постройки, двухэтажное зданіе.

Я догадался, припоминая разсказы товарища, что это и есть та самая тюрьма, въ которой томились заключенные, и направился въ ту сторону.

Идя одинъ по каменнымъ плитамъ этого двора, среди зелени, не встрѣчая ни одной человѣческой души, дѣлалось какъ-то непонятно, странно, почему такое крѣпость никѣмъ не охраняется. Прежде всего, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ еще ни одна человѣческая душа не могла приблизиться даже къ стѣнамъ крѣпости, не возбудивъ тревоги во всей администраціи. Ея тайны охранялись со всей строгостью, для чего примѣнялись данныя современной техники: телефонъ, телеграфъ, электрическая сигнализація. Для обслуживанья крѣпости содержался громадный штатъ служителей-жандармовъ, которые, пройдя суровую школу умѣнья молчать и хранить все видѣнное про себя, ни одного слова тайны не проронили за этими крѣпкими стѣнами. Они тутъ жили внутри ихъ, при чемъ нѣкоторые съ самаго начала заключенія политическихъ, т. е. болѣе двадцати лѣтъ, тутъ и состарились и свыклись съ своей дѣятельностью и задачей.

Теперь же тайны не существуетъ болѣе. Жандармы распущены, крѣпость не охраняется и только каменныя стѣны, рѣшетки, желѣзныя двери, внутреннія загородки свидѣтельствуютъ о недавнемъ прошломъ, говорятъ о томъ, что эта тайна не умерла еще, жива въ людяхъ и въ нѣмыхъ свидѣтеляхъ еще не уничтоженныхъ и станетъ въ скоромъ времени достояніемъ всего народа.

Походивъ по двору, я замѣтилъ жандарма и направился къ нему. На его холодный, офиціальный вопросъ:

— Вамъ что нужно здѣсь? отвѣтилъ ему, что весьма интересуюсь этимъ историческимъ мѣстомъ, и зная, что крѣпость считается нынѣ упразднененной, я рѣшился поѣхать осмотрѣть ее.

На это жандармъ замѣтилъ мнѣ, что мѣсяцъ тому назадъ дѣйствительно можно было осматривать крѣпость, когда оставался еще прежній составъ служащихъ, а теперь, когда всѣ перемѣнились, больше никого не пускаютъ.

— Начальство не разрѣшаетъ, вѣско подтвердилъ онъ.

Мнѣ стало досадно, и я постарался обратить его вниманіе на то, что пріѣхалъ издалека, имѣя въ виду эту цѣль, и что непріятно будетъ ни съ чѣмъ возвратиться, и попросилъ его, дать мнѣ разрѣшеніе, или схлопотать его у начальства.

Помявшись нѣсколько минутъ, онъ смилостивился и повелъ меня показывать крѣпость. Изъ разговоровъ съ нимъ, я узналъ, что онъ служилъ здѣсь съ самаго начала устройства новый тюрьмы, т. е. болѣе двадцати лѣтъ, присутствовалъ при казни Балмашова и Каляева, хорошо помнитъ всѣ подробности жизни заключенныхъ, и я попросилъ его разсказать мнѣ изъ своихъ воспоминаній о послѣднихъ минутахъ и смерти этихъ мучениковъ за свободу.

Онъ охотно согласился, съ большимъ уваженіемъ отозвался о нихъ, какъ объ удивительныхъ, рѣдкихъ людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ своей жизни; весь воодушевился и началъ свой разсказъ съ Балмашова.

— Пойдемте, я вамъ покажу сначала то мѣсто, куда огэпосадили, когда онъ прибылъ въ Шлиссельбург-

скую крѣпость,—началъ жандармъ и повелъ меня къ бѣлому одноэтажному домику, въ которомъ расположена канцелярія. Мы вошли въ него; въ первой комнатѣ стояло нѣсколько столовъ, груды бумагъ валялись по полу; во второй комнатѣ былъ тотъ же безпорядокъ, всюду валялись архивныя дѣла.

Въ ней помѣстили Балмашова, и продержали его тамъ цѣлый день, пока не смерклось. Жандарму, моему собесѣднику, было поручено охранять его и онъ провелъ съ нимъ все время въ одной комнатѣ, а въ сосѣдней — находились другіе жандармы. Его привезли рано, въ 9 часовъ утра, но не могли сейчасъ же помѣстить въ ту камеру старой тюрьмы, куда было приказано его отвести и гдѣ уже все было приготовлено, въ виду того, что нельзя миновать оконъ новаго корпуса, гдѣ находились заключенные, которые могли бы его увидѣть.

Балмашовъ имѣлъ усталый видъ. Онъ долго ѣхалъ на пароходѣ изъ Петербурга, такъ какъ движеніе затруднялось начавшимся ледоходомъ по Невѣ. Это было 2-го мая. Его везли на пароходѣ рѣчной полиціи, а два другихъ такихъ же парохода конвоировали первый, и на каждомъ пунктѣ, гдѣ имѣлась телеграфная станція, давали знать въ Петербургъ въ департаментъ полиціи, что до этого пункта Балмашовъ прибылъ благополучно.

Ладожскій ледъ сильно задерживалъ движеніе, приходилось дѣлать остановки, баграми отталкиваться отъ льдинъ и освобождаться отъ заторовъ льда, но послѣ продолжительныхъ усилій три парохода благополучно прибыли къ крѣпостной пристани и сдали тюремной администраціи Балмашова въ цѣлости.

Особенно, что бросилось въ глаза жандарму, это усталый, утомленный видъ его. Свѣжій рѣчной воздухъ, поѣздка послѣ долгаго сидѣнья въ одиночкѣ ослабили его организмъ, утомили. Подкрѣпившись ѣдой и отдохнувъ немного, онъ началъ разспрашивать жандарма о порядкахъ тюрьмы, о заключенныхъ, объ администраціи.

Изъ этого разговора жандармъ понялъ, что Балмашовъ не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, что его привезли сюда для казни, да и самъ жандармъ еще хорошенько не зналъ, казнятъ ли Балмашова или нѣтъ. Распоряженій о казни никакихъ не было отдано; наоборотъ, было приказано приготовить одиночную камеру въ томъ старомъ корпусѣ, въ углу крѣпости, гдѣ содержался Иванъ Антоновичъ и супруга Петра I Евдокія Лопухина. Все это говорило за то, что пожалуй его не казнятъ.

Правда, жандармъ зналъ, что уже два дня тому назадъ привезли въ крѣпость главнаго палача для всѣхъ политическихъ казней, числящагося на службѣ у департамента полиціи, Александра Александровича Филипьева; но это еще не доказывало, что казнь неминуемо должна совершиться и даже не позже, какъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня.

Этотъ палачъ Филипьевъ остановился въ квартирѣ моего собесѣдника жандарма; получалъ отъ него пищу, чай и все необходимое содержаніе. Жандарму удалось близко его узнать и познакомиться съ нимъ. По происхожденію онъ—казакъ, жилъ постоянно на Кавказѣ, откуда его для каждой казни привозили подъ усиленнымъ конвоемъ. Получалъ онъ за каждаго казненнаго по 100 рублей съ департамента полиціи.

Палачъ Филипьевъ разсказывалъ жандарму, что въ 80-мъ году онъ былъ самъ приговоренъ къ смертной казни, но, предложивъ свои услуги казнить политическихъ осужденныхъ во все время своей жизни, онъ былъ помилованъ и возвращенъ къ себѣ на родину подъ надзоръ полиціи.

При этомъ жандармъ оговорился, что врядъ ли ему можно все вѣрить, такъ какъ онъ любилъ хвастаться и привирать. По его словамъ, онъ производилъ впечатлѣніе въ высшей степени отвратительное, гадливое; въ его смугломъ южномъ лицѣ съ красивыми чертами проскальзывало что-то звѣрски-жестокое, хищническое.

Высокаго роста, прекраснаго сложенія его мощная фигура говорила о большой физической силѣ, что онъ и доказалъ во время казни Каляева.

Тогда онъ былъ сильно пьянъ. Надѣвъ петлю ему на шею, онъ подтянулъ веревки не до состоянія натянутости, а такимъ образомъ, что когда веревка натянулась, тѣло Каляева сильно опустилось книзу и коснулось ногами пола эшафота; онъ сразу весь затрепеталъ въ конвульсіяхъ и вызвалъ ужасъ среди присутствующихъ. Тутъ находился между прочимъ баронъ Медемъ, который рѣзко крикнулъ на палача и обругалъ его, и тотъ, схвативъ другой конецъ веревки, сильнымъ движеніемъ всего тѣла легко приподнялъ на воздухъ мучившагося въ предсмертныхъ судорогахъ Каляева, и такимъ образомъ ускорилъ ему смерть.

Въ большихъ, выпуклыхъ глазахъ этого палача проглядывало что-то жестокое, преступное; непріятно было смотрѣть ему въ глаза, и въ разговорѣ съ нимъ этотъ жандармъ старался всегда отворачиваться въ сторону.

Филиппьевъ много пилъ, любилъ бахвалиться, разсказывая про себя всякія небывальщины. Послѣ Каляева въ стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости онъ же казнилъ Васильева, приговореннаго къ смерти за убійство въ Петербургѣ помощника пристава въ августѣ 1905 года, и Гершкевича, приговореннаго къ повѣшенію за покушеніе на пристава и убійство дворника. Онъ же долженъ былъ повѣсить лейтенанта Шмидта, но по дорогѣ получилъ рану и потому не могъ исполнить своей обязанности.

Нѣсколько же дней тому назадъ была помѣщена въ газетахъ коротенькая замѣтка, слѣдующаго содержанія: «Изъ Петровска, Дагестанской области, сообщаютъ: Въ тюрьмѣ убитъ палачъ, кубанскій казакъ Филипьевъ, пересылавшійся подъ видомъ бродяги, подъ сильною охраною, въ Закавказье. Арестанты его узнали. Это тотъ самый палачъ, который долженъ былъ казнить лейтенанта Шмидта и который, не добравшись до Березани, былъ раненъ въ Новороссійскѣ» («Р. Сл.»).

И вотъ этотъ самый кубанскій казакъ Филипьевъ и есть тотъ самый палачъ, который казнилъ Балмашова и Каляева, и который теперь уже получилъ возмездіе.

Во время бесѣды Балмашова съ жандармомъ, въ этой маленькой комнаткѣ при канцеляріи, тотъ спросилъ его, дѣлаются ли приготовленія къ казни, на что жандармъ съ увѣренностью отвѣтилъ, что никакихъ приготовленій нѣтъ, и дѣйствительно сказалъ правду.

Это обстоятельство придало большую увѣренность Балмашеву, что казнь отсрочивается, и онъ сталъ подробнѣе разспрашивать о бытѣ арестованныхъ

даютъ ли имъ книги, сколько времени они гуляютъ, вмѣстѣ ли или порознь, однимъ словомъ проявилъ большое вниманіе къ жизни крѣпости, какъ будто ожидая, что ему придется раздѣлить ее вмѣстѣ съ находящимися здѣсь товарищами.

Обративъ вниманіе на то, что долго держатъ въ канцеляріи и не ведутъ въ камеру, онъ спросилъ жандарма, почему его задерживаютъ здѣсь и готова ли для него камера? Жандармъ отвѣтилъ, что камера готовится, но не въ новомъ корпусѣ, гдѣ содержатся заключенные, а въ старомъ одноэтажномъ домикѣ, и что къ вечеру она будетъ совсѣмъ готова и его туда переведутъ. Балмашовъ удивился, почему его именно въ этотъ отдѣльный корпусъ помѣщаютъ, а не въ общій со всѣми, и этимъ обстоятельствомъ немного встревожился.

Какъ только стемнѣло, около 9-ти час. вечера его повели по указанному на чертежѣ пути. Ему пришлось пройти мимо новаго корпуса, и нѣкоторые изъ заключенныхъ видѣли его оттуда; затѣмъ провели его мимо садика Вѣры Фигнеръ, и черезъ боковыя ворота вывели на внутренній отгороженный высокой каменной стѣной дворъ старой тюрьмы.

Проходя черезъ этотъ дворъ, заросшій молодою травкою, онъ не представлялъ себѣ, что на этомъ самомъ мѣстѣ въ эту короткую майскую ночь воздвигнется для него эшафотъ и на утро его повѣсятъ.

Его ввели въ маленькое одноэтажное зданіе, очень длинное; съ одной стороны его, а именно съ той, откуда вошелъ Балмашовъ, тянулся вдоль всего зданія свѣтлый коридоръ, въ который выходили двери одиночныхъ камеръ. Окна этихъ камеръ обращены къ

крѣпостной стѣнѣ, идущей вдоль фарватера рѣки Невы. Камера Балмашова была расположена недалеко отъ той камеры, въ которой томился Иванъ Антоновичъ; изъ его окна была видна келья Евдокіи Лопухиной, одно изъ оконъ которой выходило на Неву, и оттуда открывался прекрасный видъ на берегъ и на широкій просторъ Ладожскаго озера, но впослѣдствіи оно было задѣлано.

Когда Балмашовъ вошелъ въ камеру и осмотрѣлся въ ней, не долго думая, онъ началъ раздѣваться и легъ спокойно спать. Заснулъ онъ крѣпкимъ, бодрымъ сномъ, послѣ утомительнаго пути и пережитыхъ впечатлѣній отъ новаго мѣста своего заключенія. Его молодая, сильная натура отдалась во власть крѣпкому сну.

Но спалъ онъ не долго. Какъ только пробудилось утро и первые лучи солнца окунулись въ широкую гладь озера, едва поднявшись надъ поверхностью его, дверь камеры отворилась и вошелъ въ парадной формѣ офицеръ со словами:

— Проснитесь. Сейчасъ надъ вами совершится казнь. Приготовьтесь...

Вскочивъ съ постели, не понимая, гдѣ онъ, кто это стоитъ передъ нимъ, что ему говорятъ, Балмашовъ въ первую минуту пробужденія отъ сна ничего не могъ сообразить. Затѣмъ сразу, какъ-то невольно, раскрывъ широко глаза, весь сонъ улетѣлъ, какъ рукой снялся—онъ увидалъ сзади этого офицера священника съ крестомъ въ рукахъ, а еще дальше въ коридорѣ, около раскрытой двери, человѣка въ красной рубахѣ.

Тогда Балмашовъ сразу понялъ, что это за люди и зачѣмъ они пришли, къ чему понадобилось имъ

потревожить его утренній сонъ. Онъ молча, не спѣша, сталъ одѣваться, чувствуя себя совершенно твердымъ и покойнымъ.

Когда онъ одѣлся, офицеръ, обращаясь къ нему, сказалъ: — Приготовьтесь къ смерти, вотъ священникъ... онъ васъ напутствуетъ.

На это Балмашовъ тихимъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Къ смерти я уже готовъ... и отъ напутствія отказываюсь...

Прошла нѣкоторая пауза. Вошелъ палачъ и, приближаясь къ Балмашеву съ веревкой въ рукахъ, спросилъ:

— Вы не будете сопротивляться, я васъ свяжу?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Балмашовъ,—вяжите!

Скрестилъ назади руки, повернулся спиной къ палачу, самъ всталъ противъ окна и направилъ неподвижно свой взоръ къ небу.

Небольшой клочекъ голубого неба былъ виденъ между высокой заплеснѣвшей стѣной крѣпости и этимъ окномъ. Широко раскрытые глаза, голубые, какъ само небо, устремились въ одну точку, лицо приняло задумчивый, сосредоточенный видъ; казалось, онъ весь ушелъ куда-то, въ какія-то далекія невѣдомыя думы, точно перенесся въ другой, заоблачный міръ. Онъ пересталъ видѣть, что дѣлается вокругъ, онъ не замѣчалъ, что въ эту минуту палачъ хлопотливо обвязывалъ его руки за спиной веревкой и затягивалъ ее крѣпкимъ узломъ.

Кругомъ хранилось мертвое молчаніе; только слышался шорохъ веревки и покряхтыванье палача, напрягавшаго свои усилія.

Глубоко врѣзалось въ память жандарма этотъ потрясающій душу моментъ, когда среди молчаливой тюремной группы въ маленькой одиночной камерѣ во время напряженной работы палача красовалась тонкая, изящная фигура юноши съ блѣднымъ, прекраснымъ лицомъ, на которое падалъ изъ окна свѣтъ яркаго майскаго утра, и запомнилъ онъ его ясный взоръ, внимательно устремленный какъ бы навстрѣчу пробудившейся жизни дня.

Это впечатлѣніе особенно усиливалось тѣмъ, что тутъ же, недалеко отъ кровавой рубахи палача, стояла темная ряса церковнаго служителя, который тоже поддался наравнѣ съ другими этой минутѣ общаго созерцанія послѣднихъ проявленій жизни человѣка, который уже одной ногой стоялъ въ гробу. Его золотой крестъ въ рукахъ еще болѣе подчеркивалъ несоотвѣтствіе идеи божества, воплощенія братской любви съ жестокой, торопливой работой палача...

Что думалъ въ эту минуту Балмашовъ? Куда онъ устремилъ свой предсмертный взоръ? Глядя на это голубое небо, быть можетъ, онъ вспомнилъ свою мать, отца, которые будутъ горячо оплакивать потерю своего любимца сына? Или онъ весь ушелъ мыслью въ заоблачный міръ, отдался созерцанію перехода отъ этой тяжелой, мучительной жизни въ спокойное состояніе небытія, нирванны...

Бѣдный юноша! Его пробужденіе было такъ внезапно и такъ жестоко. Отдавшись крѣпкому молодому сну, онъ не думалъ, что въ это время будутъ сооружать для него эшафотъ. До его ушей не долетали удары топора и стукъ отъ приколачиванія досокъ. Его безмятежный сонъ не былъ нарушенъ ни единымъ зву-

комъ, и только въ минуту пробужденія онъ позналъ эту роковую дѣйствительность.

Со связанными руками его повели на эшафотъ, на тотъ самый дворъ, черезъ который онъ наканунѣ вечеромъ проходилъ, когда еще не было никакихъ слѣдовъ ужаснаго сооруженія. На высотѣ двухъ аршинъ отъ земли возвышался черный помостъ; по краямъ его были вкопаны въ землю два столба высотою около 3-хъ саженей, которые перекрывала перекладина. Эти столбы, по словамъ жандарма, обыкновенно хранились въ крѣпости отъ казни и до казни. Чтобы подняться на помостъ, была пристроена небольшая лѣсенка. Первымъ поднялся палачъ, затѣмъ Балмашовъ, а за ними священникъ. Тутъ же присутствовало 5 офицеровъ крѣпости, представитель отъ города Шлиссельбурга, прокуроръ и нѣсколько человѣкъ жандармовъ. Палачъ былъ одѣтъ во все красное: широкіе штаны, рубаха, шапка на головѣ все было сшито изъ краснаго кумача. Это былъ его парадный костюмъ.

На Балмашева надѣли саванъ, подъ ноги подставили скамейку, наложили петлю на шею и затѣмъ обычнымъ порядкомъ палачъ вышибъ изъ подъ ногъ его скамейку.

Балмашовъ висѣлъ 20 минутъ. Его мученія были непродолжительны, конвульсіи тѣла скоро прекратились.

Солнце уже поднялось выше крѣпостныхъ стѣнъ и лучи проникли на этотъ темный дворъ и освѣтили бѣлый саванъ, висѣвшій въ воздухѣ, и эту печальную картину казни.

Всѣ дѣйствія происходили безмолвно. Балмашовъ ничего не говорилъ; его лицо выражало рѣдкое спо-

койствіе и хладнокровіе. Большіе, ясные, голубые глаза смотрѣли безъ гнѣва, безъ злобы на окружающую жестокую дѣйствительность. Онъ разставался съ жизнью, не чувствуя страха, умиралъ какъ герой, понимая, что смерть его нужна для счастья своего народа.

По словамъ моего собесѣдника—жандарма, смерть Балмашова произвела на него потрясающее впечатлѣніе, которое никогда неизгладится изъ его памяти.

«Такъ только умираютъ сильные люди за свою идею» закончилъ онъ.

Въ разговорѣ мы незамѣтно подошли къ садику, совершенно заглохшему, запущенному...

— Вотъ садикъ Вѣры Фигнеръ—сказалъ онъ и отворилъ дверцу. Мы вошли туда. Кусты сирени и бѣлаго жасмина издавали чудный, опьяняющій ароматъ. Садикъ занималъ очень небольшое мѣсто, которое имѣетъ форму близкую къ треугольнику (см. чертежъ). Онъ весь заросъ травой; видно было, что нѣтъ больше заботливой руки, которая раньше такъ холила и убирала его.

Весь бѣлый, обсыпанный крупными цвѣтами, кустъ жасмина былъ посаженъ самой Вѣрой Фигнеръ, подтвердилъ жандармъ и продолжалъ:—Вотъ взгляните точно въ память ей весна украсила его богатымъ бѣлымъ нарядомъ, опьянивъ воздухъ и заставивъ вспомнить эту удивительную, рѣдкую женщину...

Дѣйствительно, каждая травка, каждый кустикъ былъ нѣжно любимъ ею и оберегаемъ. Много грусти, много тоски видѣли они на ея лицѣ, когда она цѣлыми днями возилась на этомъ крохотномъ клочкѣ земли, огороженномъ со всѣхъ сторонъ высокимъ дере-

вяннымъ заборомъ, примыкающимъ съ одной стороны къ той каменной стѣнѣ, за которой была совершена казнь надъ Балмашовымъ.

На другой день послѣ казни, всѣ заключенные узнали, что на старомъ дворѣ былъ повѣшенъ именно тотъ молодой человѣкъ, который вечеромъ проходилъ мимо ихъ оконъ. Это произвело чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе на нихъ и они устроили протестъ.

Послѣ осмотра крѣпостнымъ врачемъ трупа Балмашова, констатировавшаго путемъ науки, что смерть свершилась, его похоронили за крѣпостной стѣной, на волѣ, у угловой сѣверной башни, которая расположена къ устью Невы, гдѣ первыя воды изъ Ладожскаго озера широкой массой вливаются въ русло рѣки. Эта башня обращена къ безпредѣльной шири озера.

У подножья ея, на самомъ выступѣ каменной отсыпи стоитъ высокій столбъ, покрытый деревянной крышей. На этомъ столбѣ виситъ спасательный кругъ. И тутъ подъ этимъ столбомъ похоронены Балмашовъ и Каляевъ. По повѣрью рыбаковъ въ этомъ опасномъ мѣстѣ ихъ праведныя тѣни спасаютъ отъ гибели суда и маленькія рыбацкія лодки.

ГЛАВА II.

КАЗНЬ КАЛЯЕВА.

Черезъ три года въ той же крѣпости казнили Ивана Каляева. Была такая же прекрасная весна... Природа также весело пробуждалась къ новой жизни; свѣжія силы неудержимо били черезъ край, манили къ себѣ, обѣщали лучшую, счастливую жизнь.

И въ такое утро, такъ же, какъ и Балмашева, пароходъ рѣчной полиціи доставилъ въ крѣпость молодого, энергичнаго, полнаго огня и силъ юношу Каляева для казни...

Его молодая жизнь еще не окрѣпшая, но сильная и мужественная, должна была оборваться въ это прекрасное утро обновленія природы; какая иронія судьбы! Его казнили, когда всѣ новыя силы природы слились вмѣстѣ, чтобы дружнымъ напоромъ создать другую жизнь, украсить ее, надѣлить всѣми благами, радостями, довольствомъ.

Его казнили при тѣхъ же почти обстоятельствахъ, что и Балмашева. Но его везли только на одномъ пароходѣ безъ двухъ конвоирующихъ судовъ, хотя предосторожности были приняты весьма большія; также телеграфировали со всѣхъ пристаней, что въ такой-то пунктъ Каляевъ прибылъ благополучно.

Когда привезли его въ крѣпость, то помѣстили его не туда, гдѣ находился раньше Балмашевъ, потому что прошлый опытъ показалъ, насколько опасно для

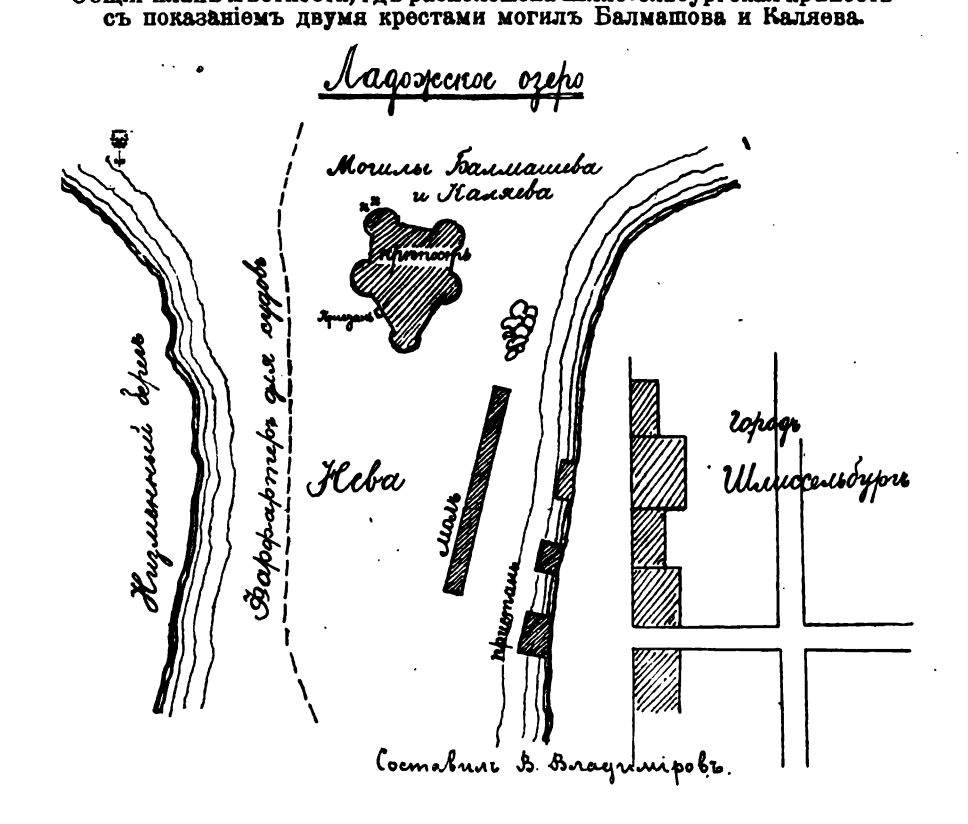
администраціи, если политическіе заключенные узнаютъ, что казнили еще одну молодую жизнь, боровшуюся за счастье народа, казнили не только въ стѣнахъ этой крѣпости, но всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ; администрація должна была расчитывать, что произойдетъ вновь еще большій протестъ съ ихъ стороны, чѣмъ это было послѣ казни Балмашева. Поэтому необходимо было скрыть всѣ слѣды этой казни, совершить ее втихомолку, чтобъ никто не зналъ, не видѣлъ.

Поэтому Каляева помѣстили въ маленькій одноэтажный домикъ солдатской мастерской въ противоположномъ углу крѣпости отъ той новой тюрьмы, гдѣ находились заключенные.

Каляевъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что его казнятъ, и казнятъ немедленно, безъ проволочекъ. Расположившись въ мастерской, Каляевъ спросилъ себѣ бумаги, перо, табаку и спичекъ. Онъ долго писалъ, не отрываясь, часто разрывалъ написанное, и вновь писалъ. Клочки разорванной бумаги тщательно сжигалъ на спичкахъ. Онъ имѣлъ спокойный видъ, только замѣтна была нѣкоторая торопливость въ его писаніи, какъ будто онъ спѣшилъ до своей смерти успѣть сказать кому-то послѣднее слово, свое послѣднее обращеніе, боясь, что смерть совершится такъ скоро, что онъ не успѣетъ вылить на бумагѣ свои послѣднія думы и чувства.

Наконецъ, онъ кончилъ и письмо передалъ товарищу прокурора Федорову, съ просьбой отослать его своей старухѣ матери. Это къ ней онъ обращался съ своими предсмертными мыслями, о ней думалъ въ эти минуты разставанія съ своей жизнью. Онъ осо-

Общій планъ мѣстности, гдѣ расположена Шлиссельбургская крѣпость съ показаніемъ двумя крестами могилъ Балмашова и Каляева.



бенно настаивалъ, чтобы письмо было непремѣнно доставлено въ руки матери и Федоровъ обѣщалъ это исполнить.

Я спросилъ своего собесѣдника жандарма, была-ли исполнена эта просьба и доставлено-ли письмо къ матери? Тотъ отвѣтилъ, что не знаетъ, но исходя изъ тѣхъ соображеній, что Федоровъ обѣщалъ исполнить его другую просьбу—допустить ему свиданіе въ крѣпости со своимъ защитникомъ Ждановымъ, но не исполнилъ, надо думать, что врядъ-ли исполнилъ и это его желаніе и письмо врядъ-ли было доставлено матери. Помимо просьбы передать матери написанное передъ смертью въ крѣпости письмо, Каляевъ обратился къ Федорову съ просьбой допустить къ нему защитника Жданова, мотивируя свое желаніе видѣть его для переговоровъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, а отнюдь не по тому дѣлу, за которое привезли его сюда казнить.

Федоровъ обѣщалъ. Комендантъ крѣпости согласился допустить его. Ждановъ пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ, но въ послѣднюю минуту Федоровъ струсилъ и рѣшилъ предварительно запросить департаментъ полиціи, откуда пришелъ отвѣтъ: отказать.

Такъ онъ передъ смертью и не видѣлся съ защитникомъ.

Всю ночь Каляевъ не раздѣвался и не ложился спать

Между его зданіемъ и небольшимъ сосѣднимъ, а именно баней—въ это время строили эшафотъ. Строили торопливо, чтобы успѣть окончить его до разсвѣта наступающаго дня. Стукъ отъ топоровъ долеталъ до ушей Каляева, онъ слышалъ, какъ нѣсколько

людей возились надъ бревнами, какъ давались указанія и совѣты, и какъ спѣшно подвигалась впередъ ихъ работа смерти.

Палачъ уже давно находился въ крѣпости и ждалъ, когда ему придется отправить на тотъ свѣтъ еще новаго кліента. Палачъ былъ тотъ же, который казнилъ Балмашова, а именно казакъ Александръ Филипьевъ. Онъ былъ, какъ всегда, весьма равнодушенъ къ своей предстоящей работѣ, безпеченъ и много пилъ водки.

Для присутствія на казни прибылъ въ крѣпость еще съ вечера баронъ Медемъ, а также всѣ тѣ административныя лица, присутствіе которыхъ при казни обязательно.

Въ третьемъ часу ночи, палачъ, нарядившись во все красное, отправился въ сопровожденіи коменданта крѣпости, священника и товарища прокурора въ помѣщеніе, гдѣ находился Каляевъ. Въ это время онъ расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, ожидая съ минуты на минуту, что за нимъ явятся палачи и поведутъ на казнь.

Онъ былъ очень равнодушенъ и спокоенъ, когда явились къ нему эти люди. Отъ услугъ священника онъ отказался. Ему связали веревкой руки и повели на эшафотъ.

На помостѣ эшафота ему прочли приговоръ. Молча онъ выслушалъ, молча ему надѣли петлю на шею, молча накинули саванъ и затѣмъ, когда скамейка выскользнула изъ подъ его ногъ, онъ всею тяжестью своего тѣла повисъ на веревкѣ, она вытянулась и Каляевъ ногами коснулся пола, вслѣдствіе небрежности палача, который будучи сильно пьянъ, не под-

тянулъ, какъ слѣдуетъ, веревки. Баронъ Медемъ прикрикнулъ на него и тотъ исправилъ ошибку, поднявъ тѣло Каляева за другой конецъ веревки. Каляевъ много мучился; конвульсіи тѣла, легкія вздрагиванія его продолжались еще долгія минуты, послѣ того, какъ палачъ исправилъ свою ошибку и приподнялъ его на воздухъ.

Послѣ казни и осмотра трупа крѣпостнымъ врачемъ, его похоронили на томъ же мѣстѣ, гдѣ и Балмашова, вблизи спасательнаго круга, недалеко отъ башни.

«Пойдемте я вамъ покажу то мѣсто, гдѣ они похоронены», сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ жандармъ и повелъ меня мимо садиковъ заключенныхъ. Недалеко отъ кузницы, между двумя смежными садиками есть узкій проходъ къ крѣпостной стѣнѣ.

Въ этомъ мѣстѣ въ самой стѣнѣ сдѣланы ступени, которыя ведутъ на верхъ ея. Стѣна чрезвычайно широка и наверху ея можно свободно разгуливать двумъ человѣкамъ въ рядъ.

Поднявшись на стѣну, глазамъ открылся роскошный видъ на озеро. Легкія вечернія сумерки стали спускаться на землю. Въ воздухѣ было тихо, спокойно. Громадное, безпредѣльное озеро, какъ стекло, разстилалось внизу подъ ногами. Оно было недвижимо, покойно, какъ будто задремало въ вечернемъ полуснѣ. Нѣжныя весеннія краски расцвѣтили далекій горизонтъ прозрачными тонами и приковывали къ себѣ вниманіе; трудно было оторваться отъ этой прелестной величественной картины природы, открывшейся глазамъ.

Мы направились вдоль стѣны по направленію къ

сѣверной башнѣ. Здѣсь, съ угла крѣпости хорошо была видна внутренняя площадка двора, со всѣми заборами и внутренними стѣнами. Отсюда была видна старая тюрьма и при ней дворъ, на которомъ былъ казненъ Балмашовъ.

А внизу, у подножья этой башни былъ виденъ небольшой клочекъ земли, гдѣ подъ мелкими камнями покоились тѣла казненныхъ Балмашова и Каляева.

Каждому проходящему судну, каждой рыбацкой лодкѣ, хорошо видно это мѣсто. Здѣсь же, по словамъ жандарма, похоронены также нѣкоторые изъ умершихъ товарищей, томившихся въ заключеніи въ крѣпости долгіе годы, и не вынесшихъ тяжести и суровости ея режима.

Позднѣе мнѣ удалось встрѣтиться съ матерью Каляева.

При разговорѣ о сынѣ Иванѣ, она вся оживилась, съ радостью вспоминала его прошлую короткую жизнь; съ особенной любовью и нѣжностью выдѣляла его, какъ свою гордость и утѣшеніе въ дальнѣйшей жизни.

Она очень больна, съ трудомъ ходитъ, работать не можетъ, такъ какъ вся разбита острымъ ревматизмомъ; живетъ бѣдно въ двухъ маленькихъ комнатахъ на одной изъ окраинныхъ улицъ рабочаго квартала города Варшавы вмѣстѣ съ своимъ больнымъ сыномъ, который работаетъ на фабрикѣ и двумя дочерьми; одной изъ нихъ 8 лѣтъ, учится она въ пансіонѣ, а другой 15—учится въ Варшавѣ въ 4-мъ классѣ женской гимназіи.

Мать много разсказывала о своемъ казненномъ сынѣ, разсказывала гордо, безъ тѣни жалобныхъ,

плачущихъ нотъ въ своемъ голосѣ. Конечно, она много перестрадала, перенеся эту тяжелую утрату въ жизни; она его очень любила, и когда лишилась сына, всякому понятно, сколько мученій и горя она вытерпѣла; и не смотря на это въ ея разговорѣ чувствовалось сознаніе, что ея горе, не есть только ея личное, а общее, которое раздѣляютъ многіе и многіе люди, что смерть ея любимца была необходимымъ актомъ для всего общества, которое это понимаетъ и оцѣниваетъ.

Во время моей бесѣды съ матерью Каляева, я спросилъ у нея, сколько у нея дѣтей: она отвѣтила четверо. Когда же спросилъ, гдѣ-же четвертый, старушка замѣтила, что четвертый сынъ лежитъ въ Шлиссельбургской крѣпости и тутъ же добавила, что передъ казнью, во время ея свиданья въ Москвѣ, онъ просилъ мать не исключать его изъ списка своихъ сыновей, говоря, что хотя его не будетъ въ живыхъ, но пусть онъ числится все тѣмъ же членомъ ея семьи, какъ бы временно отсутствующимъ.

По ея разсказамъ, она имѣла нѣсколько свиданій съ нимъ въ Москвѣ, и послѣднее было наканунѣ его отправки въ Петропавловскую крѣпость. Въ Москвѣ онъ содержался въ одной изъ башенъ Бутырской тюрьмы. До совершенія террористическаго акта надъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ Каляевъ находился заграницей. Мать знала, что онъ тамъ благополучно проживалъ, и была крайне удивлена, когда къ ней въ Варшавѣ на квартиру явилось много полицейскихъ чиновъ, жандармовъ и солдатъ. Они произвели у нея обыскъ и спрашивали, гдѣ находятся вещи сына ея Ивана. Она отвѣтила, что никакихъ вещей

нѣтъ, такъ какъ сынъ давно не живетъ дома. Когда обыскивали квартиру Каляевой, старушка не могла встать съ постели, такъ какъ сильно страдала ревматизмомъ и не могла пошевелиться.

Старшій жандармскій офицеръ спросилъ ее, гдѣ сынъ Иванъ? Она отвѣтила, что онъ сейчасъ находится заграницей.

— Да, нечего сказать... Заграницей онъ...—протянулъ жандармъ, и больше ничего не сказалъ.

Найдя подъ подушкой у больной фотографическій альбомъ, они стали внимательно перелистывать его и разсматривать фотографіи, и когда нашли карточку Ивана, съ радостью указали: «вотъ онъ»...

Мать очень встревожилась этимъ обстоятельствомъ и не могла дать себѣ отчета, что это значитъ, что могъ натворить ея любимецъ Иванъ. Она ни на минуту не могла связать исторію взрыва въ Москвѣ съ своимъ сыномъ.

Послѣ обыска полиція потребовала дочь ея Александру въ Варшавское охранное отдѣленіе. Она отправилась, и тамъ ей показали карточку арестованнаго брата Ивана; она отказалась признать его, и тогда ее отправили въ Москву на свиданіе съ нимъ. Ей дали билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ и везли ее на свободѣ вмѣстѣ съ мужемъ ея старшей сестры, который въ то время служилъ околодочнымъ надзирателемъ въ гор. Варшавѣ.

Когда они пріѣхали въ Москву, ей сейчасъ же дали свиданіе съ братомъ. Она до послѣдней минуты находилась въ полномъ невѣдѣніи, за что онъ былъ арестованъ.

Ее ввели въ большой залъ, увѣшанный царскими

портретами, именно въ тотъ залъ, гдѣ раньше происходило свиданіе Елизаветы Ѳеодоровны съ Каляевымъ.

Онъ сидѣлъ въ арестантскомъ костюмѣ. Увидѣвъ его, она въ первую минуту сдѣлала видъ, что не узнала.

Тогда онъ сорвался съ мѣста и крикнулъ ей:—Саша, не узнаешь меня?—Она безъ словъ бросилась ему въ объятья и потомъ спросила:—Что это значитъ, Ваня, что ты въ арестантскомъ костюмѣ?—А развѣ ты не знаешь, вѣдь я убилъ Сергѣя»,—отвѣтилъ онъ.

Полиція пожелала, чтобы явился къ нему на свиданіе и шуринъ, для опознанія его. Каляевъ отказался, говоря, что у него нѣтъ шурина, и что онъ никого не хочетъ видѣть. Но шурина все-таки ввели. Сначала свиданіе Каляева съ сестрой было наединѣ, а потомъ вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ; оно продолжалось около 2-хъ часовъ. Передъ тѣмъ какъ разстаться, полиція составила протоколъ и предложили сестрѣ Александрѣ подписаться. Она написала, что какъ сестра отказывается отъ всякихъ объясненій съ ними. За это братъ поцѣловалъ ее, нѣжно простился съ ней и просилъ передать матери, что онъ очень хочетъ ее видѣть.

Сестра уѣхала въ Варшаву и передала его желаніе матери. Кое-какъ собравшись съ силами, еле передвигая ноги, больная старушка рѣшилась поѣхать въ Москву.

Захватила она съ собой его одежду, по дорогѣ купила новые башмаки и шляпу и поѣхала въ дальній путь.

Въ Москвѣ она прожила около 2-хъ недѣль и каждый день имѣла свиданіе съ сыномъ. Онъ страшно обрадовался ей, просилъ мать не убиваться и на судѣ

держать себя твердо, безъ слезъ: «Знай, мама, сказалъ онъ, если я увижу твои слезы на судѣ, они поколеблютъ мою бодрость. Не надо, чтобы наши палачи видѣли твои святыя слезы». Мать дала ему слово, что все, что будетъ у нея на душѣ, ея муки и страданія, никто не увидитъ. Она ихъ затаитъ въ себѣ.

И слово она исполнила. На судѣ держала себя крайне мужественно и не проронила ни одной слезы, когда ему прочли смертный приговоръ.

Каляева сейчасъ же отвели къ комнату прокурора, куда прошла мать и сестра. Здѣсь они съ нимъ простились и его въ тотъ же день увезли въ Петербургъ.

За 2 дня до казни Каляевъ имѣлъ въ Петербургѣ короткое свиданіе съ матерью и сестрой за рѣшеткой. Прощаясь съ ними, онъ сказалъ: «Мама, не хочу тебя пугать, но кажется мнѣ, что мы больше съ тобой не увидимся».—И дѣйствительно, это было ихъ послѣднее свиданіе. Черезъ 2 дня его казнили.

Мать очень любила его; она его любила съ малыхъ лѣтъ и больше, чѣмъ другихъ дѣтей. Отъ природы онъ былъ очень мягкій, гуманный человѣкъ, чрезвычайно способный и трудолюбивый.

Когда онъ зарабатывалъ деньги, онъ всегда помогалъ ей. Часто бывало, въ минуты острой нужды въ семьѣ, онъ цѣлыми ночами просиживалъ надъ переводами, чтобы заработать лишнюю копейку. Мать посылала его спать, уговаривая отложить свою работу; онъ ей отвѣчалъ: «мама, это для тебя я работаю, мнѣ не нужно», и продолжалъ свой переводъ,

чтобы на слѣдующій день принести въ семью скудные гроши.

Учился онъ всегда хорошо; семи лѣтъ поступилъ въ городское училище въ Варшавѣ, дѣлалъ большіе успѣхи, переходилъ съ наградами изъ класса въ классъ. Въ гимназіи онъ былъ стипендіатомъ, благодаря своимъ выдающимся способностямъ и хорошему ученію.

По окончаніи гимназіи онъ поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ пробылъ 2 года, а затѣмъ послѣ начавшихся безпорядковъ онъ перешелъ въ петербургскій, откуда былъ высланъ полиціей, не окончивъ его.

Одинъ изъ его университетскихъ товарищей, который въ настоящее время служитъ въ департаментѣ полиціи, помогъ полиціи открыть его личность. Долго полиція находилась въ невѣдѣніи, кто такой ею арестованъ, и только благодаря участію коллеги по университету, узнала, что это есть Каляевъ.

По разсказамъ сына, передавала Каляева, что онъ могъ бы свободно уйти послѣ того, какъ бросилъ бомбу, если бы не солдатъ, который сразу схватилъ его за руки и отогнулъ ихъ за спину и тѣмъ лишилъ его возможности отстрѣливаться. Лицо у него было немного повреждено отъ взрыва бомбы и текла кровь. Онъ былъ все время въ полномъ сознаніи.

Уже стало вечерѣть, когда я покинулъ Шлиссельбургскую крѣпость. Къ удивленію моему лодочникъ терпѣливо ожидалъ меня на своемъ яликѣ, покуривая трубку. Правда, онъ нѣсколько удивился, что я такъ долго пробылъ внутри ея.

Мы сѣли въ лодку и быстро покатили къ городскому берегу. Теченіе рѣки способствовало быстротѣ передвиженія.

Приближаясь къ каменному молу, старикъ сталъ медленнѣе грести и тутъ впервые прервалъ наше молчаніе, обращаясь ко мнѣ: «Скажите, баринъ, наши рыбаки толкуютъ, не знаю, вѣрно-ли, что видали сами, какъ изъ крѣпости по временамъ течетъ кровь въ озеро, и вода окрашивается въ этомъ мѣстѣ въ красный цвѣтъ. Должно, говорятъ, отъ казней человѣческихъ; тамъ много народу казнили, а потомъ рубили ихъ въ мелкіе куски и спускали въ озеро».

Я молчалъ, не зная, что отвѣтить на это народное повѣрье, въ основу котораго легла безпримѣрная жестокость правительства, его вѣковая тиранія и гнетъ, которые уничтожали для охраны самодержавнаго режима въ продолженіе столѣтій всѣ свѣтлыя и лучшія стремленія народа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора 5

Отъ издателя 7

Новыя карательныя мѣры правительства. 9

Погромъ въ Бѣлостокѣ 27

Глава II 40

„ III 48

„ IV 62

„ V 83

„ VI 100

Письмо капитана Озоля и отвѣтъ на него 107

Офиціальное донесеніе генерала Бадера военному министру изъ Бѣлостока отъ 9 іюня 117

Правительственное сообщеніе 118

Докладъ Комиссіи Государственной Думы о Бѣлостокскомъ погромѣ 126

Событія на вокзалѣ. 137

Отдѣльные случаи убійствъ 142

Событія на Боярахъ. 147

II.

Заключеніе 153

Застѣнокъ въ Ригѣ 159

Процессъ 86-ти въ Ригѣ 176

Глава II 187

» III 192

Рижскіе процессы 206

Процессъ и казнь восьми человѣкъ въ Ригѣ—безнадежный процессъ 235

О Шлиссельбургской крѣпости, глава I Казнь Балмашева 237

Глава II. Казнь Каляева 257

BOOKBINDING CO.
A 30
5164
MARK